

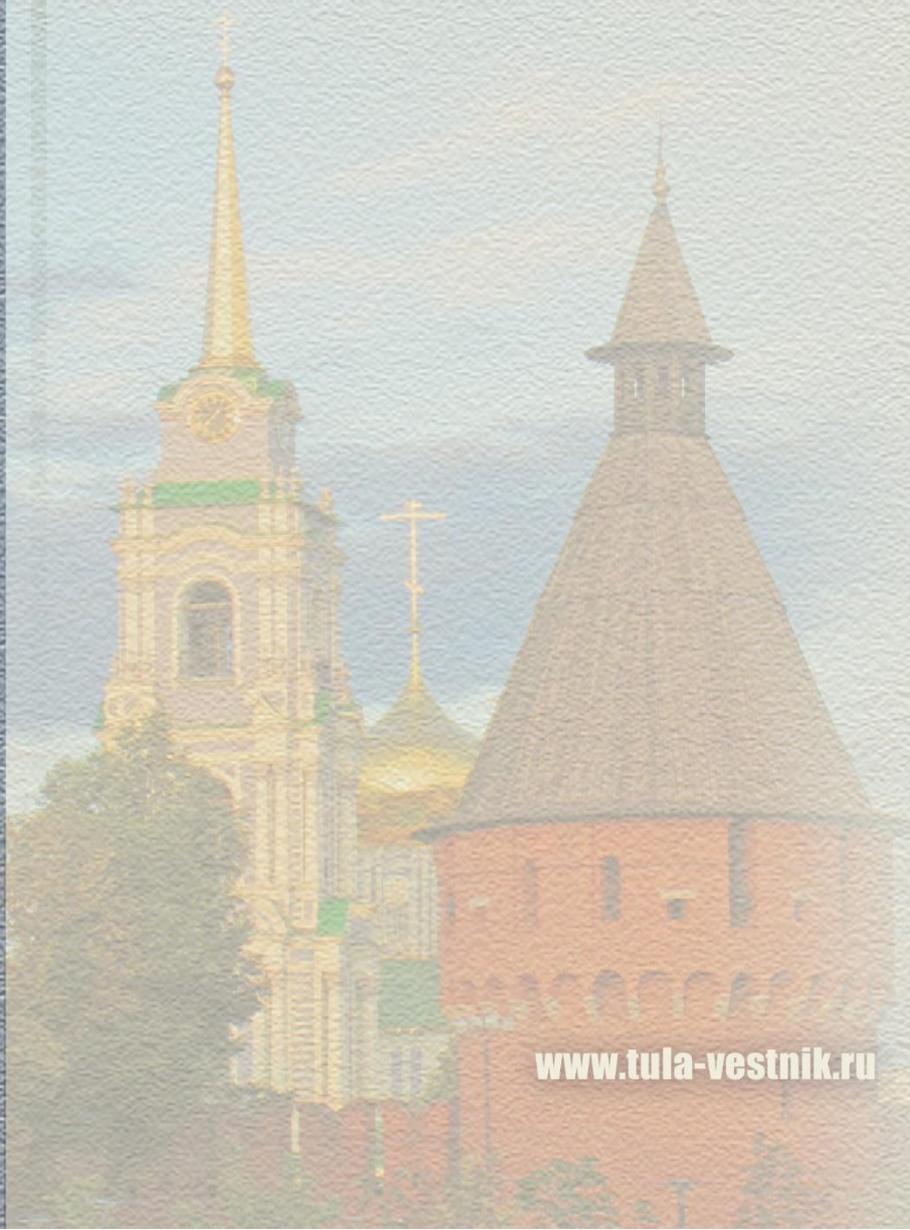
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 2 (2)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 2 (2)

**Тула
2020**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 2 (2)

Дата выхода в свет: 15.12.2020 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор
Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Ответственный редактор –
кандидат исторических наук
Н. А. Биленко

**Учредитель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
СМИ зарегистрировано в
Роскомнадзоре 13.11.2020 г.
Свидетельство о регистраци
СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020
© Авторы статей, 2020

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 31-20-34
Электронный адрес:
history@tsput.ru

**Издатель: ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого».**
Адрес издателя:
300026, Тульская область,
город Тула,
проспект Ленина, 125.
Телефон: +7 (4872) 35-14-88
Электронный адрес:
info@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Клейменов А. А.* «Фессалийская конфузия» Филиппа II: локальное поражение как стимул к развитию 6
- Романов Д. А.* «Сибирское взятие» или добровольное вхождение: присоединение Сибири к России в отечественной историографии 20
- Тарунтаева Т. А.* Обзор историографии по проблеме формирования армии в Российской империи 29
- Макутчев А. В.* Россия и миссия Моргана Шустера в Иран 44
- Ткаченко С. Н.* Планирование действий передового отряда в Керченско-Феодосийской десантной операции (декабрь 1941 г.) 55

**ТЕКСТ В ПАРАДИГМАХ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

- Бак Т. А.* Речезтикетная ситуация «извинение» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 63
- Жабина О. М.* Особенности перевода метафоры на английский язык в стихотворении Б. Пастернака «Зимняя ночь» 75
- Павлова А. Э.* Фразеологические единицы как средство создания парадоксальности в рассказах Д. И. Рубиной 83
- Протасова Е. Ю.* Закономерности и парадоксы двуязычного чтения 87
- Ромашова О. В., Романова Н. А.* Лингвистическая репрезентация пациент-ориентированного подхода в лечебном процессе (на материале клинических рекомендаций) 95

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020.

Published 4 times a year

Issue 2 (2)

Released on December 15, 2020

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Founder:

**Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**
Mass media are registered in
Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media
on November 13, 2020.
Registration certificate
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University, 2020
© Authors of articles, 2020

**Address of the founder
and the editorial office:**

**300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 31-20-34
E-mail address:
history@tsput.ru**

**Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.**

**Address of the publisher:
300026, Tula,
Lenin Prospekt, 125
Phone: +7 (4872) 35-14-88
E-mail address:
info@tsput.ru**

TABLE OF CONTENTS

MILITARY HISTORY

- Kleymentov A. A.* The thessalian failure of Philip II: local defeat as an incentive to development **6**
- Romanov D. A.* "Siberian annexation" or voluntary joining: accession of Siberia to Russia in Russian historiography **20**
- Taruntaeva T. A.* The review of historiography on the issue of army formation in the Russian Empire **29**
- Makutchev A. V.* Russia and Morgan Shuster's mission in Iran **44**
- Tkachenko S. N.* Planning the actions of the advance party in Kerch-Feodosiya landing operation (December 1941) **55**

**THE TEXT IN THE PARADIGM
OF MODERN PHILOLOGY**

- Bak T. A.* Speech etiquette situation "apologizing" in I. Tolstoy's Anna Karenina **63**
- Zhabina O. M.* Features of the metaphor translation into english in the poem of B. Pasternak "Winter night" **75**
- Pavlova A. E.* Phraseological units as a means of creating paradoxality in the stories by D. I. Rubina **83**
- Protasova E. Y.* Patterns and paradoxes of bilingual reading **87**
- Romashova O. V., Romanova N. A.* Linguistic representation of the patient-oriented approach in the treatment process (based on clinical recommendations) **95**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, России);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Торвалин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,

Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Nelli Krasovskaya,

Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Elena Simonova,

Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology,
Professor (Plovdiv University Paisii Hilendarski,
Plovdiv, Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor
of Pedagogical, Associate Professor (University
of Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University,
Sichuan, China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology,
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(38).07
ББК 63.3(0)322

Дата поступления статьи: 23.11.2020
Дата решения о публикации: 01.12.2020

«ФЕССАЛИЙСКАЯ КОНФУЗИЯ» ФИЛИППА II: ЛОКАЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ КАК СТИМУЛ К РАЗВИТИЮ

А. А. Клейменов

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, причины и последствия поражения армии македонского царя Филиппа II в военной кампании 354 г. до н.э. Стремясь включить Фессалию в сферу своего влияния, этот монарх откликнулся на просьбу коалиции фессалийских городов помочь им в войне с правителем Фер Ликофроном. Последний ответил обращением за поддержкой к фокидскому тирану Ономарху, ставшему основным противником Филиппа в борьбе за господство в Фессалии. В итоге военной кампании 354 г. до н.э. фокидяне одержали победу, а армия Филиппа отступила в Македонию. Определяется, что основным последствием поражения была деморализация македонского войска. Большую роль в произошедшем сыграли умелые действия Ономарха, который смог заманить македонян в ловушку и использовать в полевом сражении камнемётные орудия. Не менее значимыми были просчеты македонского командования, недооценившего своего противника и предпринявшего наступление без наличия разведывательных данных. Была допущена существенная тактическая ошибка, проявившаяся в использовании фаланги без поддержки со стороны конницы и на неподходящей местности. Основной причиной деморализации войска Филиппа следует считать незавершенность процесса формирования новой македонской армии, личный состав которой на тот момент был недостаточно дисциплинирован. Поражение, тем не менее, не привело к уничтожению основной части македонских сил, что позволило Филиппу, учтя прошлые ошибки, уже на следующий год взять реванш в битве на Крокусовом поле. Не имея значительных стратегических последствий, поражение 354 г. до н.э. стало важным стимулом к дальнейшему совершенствованию македонской «военной машины», так как продемонстрировало Филиппу и его подчиненным опасность опрометчивых решений, большое значение разведывательной деятельности и комбинированного использования конницы и пехоты в бою, указало на наличие проблем с воинской дисциплиной.

Ключевые слова: Филипп II, Ономарх, Фессалия, военное искусство, македонская фаланга.

UDC 94(38).07
LBC 63.3(0)322

Date of receipt of article: 23.11.2020
Date of publication decision: 01.12.2020

THE THESSALIAN FAILURE OF PHILIP II: LOCAL DEFEAT AS AN INCENTIVE TO DEVELOPMENT

A. A. Kleymenov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. The circumstances, reasons and results of Phillip's army defeat in military campaign in 354 BC are under consideration in this article. Trying to control Thessaly, Phillip responded to request of the Thessalian city coalition about support against the ruler of Pherae Lycophron. The ruler of Pherae

Lycophron asked the of support of Phocis Onomarchus' tyrant who was the main Phillip's enemy in struggle for domination in Thessaly. The result of military campaign 354 BC was the win of the Phocians and Phillip army's retreat to Macedonia. The main result of this defeat was demoralization of Macedonian army. Big role in that situation had Onomarchus' skillful actions which could trap enemy and use catapults in field battle. The important thing was that Macedonian command had some miscalculation and underestimate their enemy started the attack without having any intelligent data. They had the tactic mistake in using phalanx without cavalry support and in unsuitable territory. The reason of Phillip army's demoralization was unfinished building new Macedonian army processed and warriors did not have enough discipline. But that defeat did not destroy the main army forces of Macedonia. Considering these mistakes Phillip had revenge next year in the battle of Crocus Field. The defeat of 354 BC gave the big stimulus to the next developing of Macedonian army showed to Phillip and his associators the dangerous of rash decisions, using inelegant data and coordinated use of infantry and cavalry in battle such as assistance some problems in military discipline.

Keywords: Philip II, Onomarchus, Thessaly, warfare, Macedonian phalanx.

Введение

Развитие македонского военного дела в середине – третьей четверти IV в. до н. э. является одним из наиболее ярких феноменов в военной истории древнего мира. Всего за два десятилетия правления Филиппа II монархия Аргеадов, никогда прежде не обладавшая по-настоящему сильным войском и большим внешнеполитическим влиянием, обзавелась самой эффективной «военной машиной» эпохи и добилась с ее помощью гегемонии на Балканском полуострове. Уже после смерти царя-реформатора правильность заданного им вектора развития военной системы подтвердил Александр Великий, силой оружия создавший одну из обширнейших держав в истории человечества. Пройденный македонской армией путь был отмечен громкими и часто привлекающими внимание исследователей победами на полях сражений, располагавшихся от берегов Охридского озера до Инда, однако особое значение имеет анализ сравнительно немногочисленных поражений. Именно в них ярко проявлялись недостатки тактики, стратегии, системы командования и работы вспомогательных служб, без преодоления которых были бы невозможны будущие триумфы. Несомненно, самое масштабное и значимое поражение армии Филиппа II нанесли войска Ономарха в Фессалии. Цель данной статьи заключается в выявлении его предпосылок, обстоятельств, прямых и косвенных последствий.

Методика

Как и другие эпизоды античной военной истории, рассматриваемое событие может быть реконструировано, прежде всего, посредством исследования нарративных источников. Для выявления приводимых в письменной традиции фактов и определения их достоверности применялись методы исторической герменевтики и семиотики. В свою очередь, использовать полученные сведения для воссоздания картины произошедшего позволили общенаучные и специальные исторические методы, из которых наиболее значимыми были историко-системный, историко-генетический и сравнительно-исторический.

Анализ

Поражение Филиппа II в Фессалии, подобно большинству событий в его полководческой карьере, освещено античными авторами весьма скупо. По сути, единственным источником, повествующим о предыстории случившегося, является XVI книга «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. Согласно этому тексту, Филипп с войском оказался на будущем театре военных действий после успешного завершения осады Мефоны. Указывается, что македонский царь направился в Фессалию и начал войну с правителем Фер Ликофроном по просьбе жителей региона. Ликофрон, в свою очередь, призвал на помощь фокидян. Сообщается, что в Фессалию прибыл брат фокидского вождя Ономарха Фаилл с 7 000 воинов, однако Филиппу удалось его победить и изгнать из страны. После явился сам Ономарх, поспешивший со всеми силами и рассчитывавший на полный захват

Фессалии (Diod., XVI, 34, 5 – 35, 2). При анализе глав 34 и 35 XVI книги Диодора возникают несколько проблем, без решения которых нельзя установить степень достоверности приводимой информации и осуществить реконструкцию событий. Так, на настоящий момент невозможно точно определить источники, на которые опирался автор. Предполагается, что Диодор здесь комбинировал данные сразу нескольких сочинений, к числу которых могут быть отнесены труды Эфора, Демофила, Диила и Феопомпа [30, с. 150-151; 47, с. 59-66]¹. С одной стороны, использование современных Филиппу исторических работ позволяет считать сообщение Диодора ценным, с другой стороны, компилятивный характер текста делает повествование несколько сумбурным. Последнее обстоятельство порождает трудности с датированием упомянутых Диодором событий. Попытки соотнести представленные этим автором сведения с данными других источников породили две большие группы мнений. Согласно первой из них, осада Мефоны завершилась к началу лета 354 г. до н.э., а военные действия против Ликофрона и фокидян пришлось на лето-осень того же года [7, с. 230-231; 11, с. 268-271; 12, с. 63-67; 38, с. 32; 52, с. 173-174; 53, с. 217-218]. По выводам второй группы специалистов [6, с. 94-95; 9, с. 119; 14, с. 185-186; 15, с. 300; 16, с. 77-80; 17, с. 31; 19, с. 61; 21, с. 123-124; 28, с. 66-67; 33, с. 278-279], Мефона была захвачена летом 354 г. до н.э., при этом кампания Филиппа в Фессалии состоялась весной-летом следующего 353 г. до н.э. Впрочем, последнее мнение подверглось обоснованной критике в рамках специальной статьи Т. Р. Мартина, который указал на отсутствие весомых оснований для полной перестройки хронологии источника и предположений о наличии между завершением осады Мефоны и началом военных действий между Филиппом и фокидянами большой временной дистанции: Диодор вполне определенно описывает эти события как следовавшие друг за другом, относит захват Мефоны и обе фессалийские кампании Филиппа к архонству 354-353 гг. до н.э., не вступая в противоречие с таким важным источником как «Первая речь против Филиппа» Демосфена [40, с. 193-200].

Текст Диодора в сочетании с другими данными позволяет вполне уверенно определить особенности стратегической ситуации, сложившейся на фессалийском направлении в 354 г. до н.э. Фактически, она была порождена двумя мощными военно-политическими процессами в виде начавшейся экспансии еще недавно слабого царства Аргеадов и быстрого роста могущества Фокиды, сошедшей со своими соседями в Третьей Священной войне. К конфронтации эти силы подтолкнула ситуация, возникшая в Фессалии, где после убийства ферского тирана Александра и начала Третьей Священной войны активизировалось противостояние между Ферами и союзом фессалийских городов, возглавляемым Лариссой [48, с. 182-184; 52, с. 160-173]. Последняя из сторон и призвала на помощь Филиппа, который в самом начале своего правления уже оказывал ей поддержку в борьбе с Ферами [12, с. 61-64; 25, с. 79-80; 39, с. 72-74]. Македонский царь откликнулся на призыв и отправился в Фессалию, судя по прямому указанию Диодора, непосредственно после захвата Мефоны [40, с. 189-190]. Действуя подобным образом, Филипп вряд ли искал возможность вмешаться в Священную войну и укрепиться в Средней Греции, как об этом заявляет Й. Уортингтон [6, с. 94]. Реальные планы монарха, видимо, были связаны именно с Фессалией: используя разногласия между местными городами, как это уже делали фиванцы во времена Пелопида, Филипп мог взять под контроль стратегически ценный регион, увеличить свои доходы, усилить войско за счет знаменитой фессалийской кавалерии, при этом отодвинув зону афинского влияния на юг [12, с. 63-64; 22, с. 121]. Последующее за вмешательством Филиппа обращение ферского правителя Ликофрона к фокидянам предоставило последним возможность вывести Фессалию из Священной войны и получить больше дружественных голосов в Дельфийской амфикионии, тем самым значительно улучшив свое стратегическое положение [19, с. 61]. Как и Филипп, фокидский тиран Ономарх решил действовать быстро и отправил в Фессалию 7 000 воинов во главе со своим братом Фаиллом. Опора

на хронологическую схему, представленную у Диодора, позволяет понять, почему Ономарх первоначально выделил сравнительно ограниченные силы: в данный отрезок времени фокидский вождь с основным войском вел военные действия под Херонеей, впрочем, не добившись особого успеха [7, с. 230-231; 12, с. 67]. Только после поражения корпуса Фаилла Ономарх прервал бесперспективную на тот момент беотийскую кампанию и двинулся в Фессалию.

Непосредственно о военных событиях, связанных с противостоянием Филиппа и Ономарха в рамках летне-осенней кампании 354 г. до н.э., сообщают два источника. Согласно Диодору, Филипп вместе с фессалийцами вступил против фокидян, но Ономарх, имевший численное превосходство, победил в двух битвах и убил многих македонян. Отмечается, что македонское войско пало духом, воины покидали его. Филипп с трудом заставил своих людей слушаться приказов, а позже увел их в Македонию. Ономарх же направился в Беотию, где захватил Коронею (Diod., XVI, 35, 2-3). Более подробное описание неудачного для македонян столкновения с армией Ономарха оставил Полиэн. Данный автор сообщает только об одном сражении, перед которым Ономарх занял некую полукруглую гору, где разместил камни и камнеметы. Фокидское войско вышло на лежавшую внизу равнину, а после атаки со стороны македонян отступило к середине возвышенности. Македоняне теснили противника, но их фаланга была обстреляна камнями с горы. Затем Ономарх подал сигнал, после которого его воины развернулись и бросились в атаку. Обстреливаемые с высоты и атакованные с тыла, македоняне с трудом отступили (Polyaen., II, 38, 2). Эти два блока информации, конечно, весьма лаконичны и, на первый взгляд, противоречивы, однако сопоставляя сообщения источников между собой, с характером стратегической обстановки и комплексом представлений о военном деле рассматриваемого времени, вполне возможно определить обстоятельства и причины самого крупного поражения македонской армии за годы полководческой карьеры Филиппа II.

Результаты

К сожалению, источники не содержат подробных сведений о составе армий Филиппа и Ономарха во время кампании 354 г. до н.э. Согласно Диодору, фокидский вождь явился в Фессалию «со всеми силами» и превосходил своих противников размером войска. Благодаря тому же автору известно, что годом позже Ономарх задействовал в новой кампании против Филиппа и его фессалийских союзников армию, включавшую 20 000 пехотинцев и 500 всадников (Diod., XVI, 35, 4). Предполагается, что численность войска, имевшегося у Ономарха годом ранее, была аналогичной [6, с. 94; 9, с. 119; 12, с. 67; 16, с. 79-80]. Говоря о силах Филиппа, Диодор указывает на присутствие в его войске фессалийцев. Заключение Дж. Эшли о том, что с самого начала на стороне Филиппа в Фессалии сражались не только местные союзники, но и беотийцы [9, с. 119], никак не подтверждается источниками, а также плохо соотносится с обстановкой в Беотии, являвшейся в начале кампании 354 г. до н.э. ареной боевых действий между фиванцами и основным войском Ономарха. Нельзя принять и вывод, согласно которому Филипп, как и годом позже в битве на Крокусовом поле, располагал смешанной македоно-фессалийской армией из 20 000 пехотинцев и 3 000 кавалеристов [9, с. 119; 29, с. 47]. Здесь игнорируются сведения Диодора, прямо указывающего на численное превосходство войска Ономарха. Также не следует забывать, что македонский монарх после неудач рассматриваемой кампании и до сражения на Крокусовом поле готовился к реваншу и мог существенно нарастить силы не только за счет упомянутого Диодором (XVI, 35, 4) масштабного привлечения фессалийцев, но и посредством призыва македонских новобранцев [22, с. 133-134]. Совокупность указанных обстоятельств позволяет предположить, что войско, которое было у Филиппа на фессалийском театре в 354 г. до н.э., количественно уступало противнику, но, возможно, имело существенное преимущество в коннице благодаря поддержке со стороны фессалийцев.

Говоря о развернувшихся военных действиях, следует сопоставить данные Диодора и Полиэна, первый из которых упоминает два поражения Филиппа, а второй описывает лишь одну проигранную македонянами битву. Согласно выводу К. Улеманна, рассказ Диодора о двух неудачных сражениях Филиппа никак не может быть соотнесен с другой информацией о рассматриваемых событиях [50, с. 54-55]. С этим заключением сложно согласиться: очевидно, Полиэн подробно описал одно из двух фигурирующих в сочинении Диодора боевых столкновений. По мнению Й. Уортингтона, Полиэн рассказывает о первом сражении Филиппа с войском Ономарха [6, с. 94], но упоминание в стратегеме крупного поражения македонян, их бегства и последующего реванша Филиппа (Polyaen., II, 38, 2) вынуждает принять точку зрения специалистов, считающих, что здесь приведено описание второй битвы, решившей исход кампании [9, с. 119; 12, с. 67-68]. Ход сражения, по версии Полиэна, определил замысел Ономарха, который посредством вывода войска на равнину и спланированного отступления заманил македонян к заранее подготовленной позиции у возвышенности, где фокидяне подвергли противника обстрелу и атаковали его с нескольких сторон. Весьма необычным приемом являлось использование камнеметных орудий для обстрела македонской фаланги. В военной практике греческих полисов подобная уловка более не встречается, однако специалисты в целом доверяют сообщению о ее применении [6, с. 94; 9, с. 119; 12, с. 68; 17, с. 79; 22, с. 127-128; 23, с. 151; 31, с. 59-60]. Конечно, принятие информации источника означает, что Ономарх не просто использовал камнеметные орудия в полевом сражении, но и сделал это первым в античной военной истории [18, с. 253; 22, с. 129; 35, с. 33], однако указанный нюанс не дает оснований отметить рассказ Полиэна и считать его, вслед за некоторыми из исследователей [51, с. 273-274], результатом допущенной античным автором ошибки. Наличие метательных орудий в фокидском войске нельзя воспринимать как невероятный факт. Первые свидетельства присутствия подобного вооружения в Балканской Греции могут быть отнесены еще к 70-м гг. IV в. до н.э. [43, с. 571]. Это было дорогостоящее новшество, доступное лишь состоятельным государствам [16, с. 79], но Фокида, безусловно, относилась к их числу: известно, что Ономарх, используя возможности присвоенной Дельфийской сокровищницы, тратил много средств на привлечение наемников, оснащение войска и взятки (см. Diod., XVI, 32, 4 – 33, 2; Paus., III, 10, 4). Отправляясь в Фессалию, фокидский вождь, согласно Диодору (XVI, 35, 2), имел намерение подчинить себе весь регион, для захвата городов которого, видимо, и были изначально взяты осадные орудия [6, с. 94]². Кроме того, применение метательных машин в ходе сражения Полиэн описывает вполне убедительно. По его версии, орудия вместе с запасом камней были заблаговременно расположены на возвышенности, что не только потенциально увеличивало их дальность, но и облегчало защиту малоподвижных приспособлений от возможных вражеских атак [23, с. 151].

Нестандартное использование метательных орудий было составной частью тактического замысла Ономарха, заключавшегося как в максимальном использовании фактора неожиданности, так и в навязывании противнику боя в невыгодных для него условиях. Ключевой характер имело начало операции в виде провокационного выдвижения фокидского войска в долину и последовавшего за этим отступления. Согласно оправданному предположению Р. Габриэля, первое из двух упомянутых Диодором сражений как раз являлось сравнительно небольшой стычкой, организованной Ономархом для того, чтобы заманить основные силы Филиппа к месту, выбранному для решающего боя [22, с. 129]. Оказавшись на склонах горы, македоняне неожиданно подверглись обстрелу из метательных орудий и атакам численно превосходящей фокидской пехоты, в том числе с тыла. Обладавшие низкой скорострельностью и точностью камнеметные машины того времени, очевидно, оказали преимущественно психологическое воздействие на македонян. Основной урон войску Филиппа должны были наносить бросившиеся в контратаку гоплиты и

легковооруженные пехотинцы Ономарха [36, с. 113]. Последствием подобных действий стало смешение боевых порядков македонских фалангитов, а их длинные сариссы превратились из грозного атакующего средства в фактор, усиливавший неразбериху [31, с. 60]. Несомненно, одним из обстоятельств, снизивших эффективность фаланги, стало смещение места битвы из долины к горным склонам, где порядкам сариссофоров было сложно маневрировать. Рельеф определил еще одно важное обстоятельство: из-за него в сражении Филипп не мог использовать свою кавалерию [22, с. 130]. Замечание Полиэна (II, 38, 2), согласно которому македоняне подверглись атакам с тыла и отступили «с большим трудом», позволяет полагать, что на определенном этапе битвы Ономарх либо сумел полностью окружить войско Филиппа, либо был близок к этому. Тем не менее, македонский царь все же вывел армию из боя, а значит фокидскому военачальнику не удалось полностью заманить своего противника в ловушку [31, с. 59-60].

О том, что исходом битвы стало поражение, но не полный разгром войска Филиппа, свидетельствуют дальнейшие события. Конечно, Ономарх одержал победу в военной кампании 354 г. до н.э. и после вытеснения македонян из Фессалии, видимо, занял ряд ключевых пунктов в регионе [12, с. 68-69; 27, с. 270-272]. Установление в Фессалии господства Фер, опиравшихся на Фокиду, означало не только срыв экспансионистских планов Филиппа, но и создание серьезной угрозы южным границам Македонии [19, с. 61]. Однако, в рамках кампании следующего года Филипп вернулся в Фессалию и с помощью смешанного македоно-фессалийского войска разгромил Ономарха в битве на Крокусовом поле (см. Diod., XVI, 35, 3-6; Paus., X, 2, 5). Этот исход был бы невозможен без сохранения у Филиппа костяка его армии. Безусловно, потери в людской силе у македонян были немалыми, но самым существенным последствием неудачного для Филиппа развития событий стало резкое падение боевого духа войска. Не случайно Диодор (XVI, 35, 2-3) наиболее подробно описывает именно деморализующее воздействие поражения, упоминает дезертирство и усилия, приложенные Филиппом для восстановления дисциплины еще до отступления в Македонию. Ономарх не воспользовался состоянием противника и не организовал его преследование для полного уничтожения. Причиной этого могли являться как общие особенности греческой военной практики, в которой долгое преследование побежденных встречалось весьма редко [32, с. 36], так и специфика расстановки сил на финальной стадии битвы: не исключено, что уничтожить деморализованную массу македонской пехоты фокидянам помешало наличие у Филиппа многочисленной и не пострадавшей в бою кавалерии [22, р. 131].

Дискуссия

В историографии присутствует весьма распространенное мнение об основных причинах и последствиях неудачного исхода первой кампании Филиппа против фокидян, опирающееся на важное замечание: это было первое столкновение армии Филиппа с большим и хорошо вооруженным греческим войском, возможности которого превосходили все то, что с чем македоняне имели дело в предыдущие годы, отмеченные их успехами. Соответственно, в этом усматриваются причины деморализации македонского войска, ранее не испытывавшего крупных неудач, а также предпосылки и последствия поражения: Филипп просто недооценил своего противника, и, пожав плоды ошибки, впредь стал осмотрительней в принятии решений [6, с. 95; 16, с. 79-80; 19, с. 61]. Соглашаясь с основными положениями данного вывода, тем не менее, его следует признать значительно упрощенным. Так, при определении причин поражения Филиппа необходимо учитывать, что, несмотря на череду побед предшествующего времени, македонская армия в 354 г. до н.э. еще не являлась хорошо отлаженной и высокоэффективной «военной машиной», сокрушившей в 338 г. до н.э. объединенные войска антимакедонской коалиции у Херонеи. Строительство новых вооруженных сил царства Аргеадов началось лишь в 359 г. до н.э. и этот процесс, несмотря на важные свершения первых лет правления

Филиппа, должен был занять долгое время [1, с. 262-264; 16, с. 52-53; 27, с. 407]. В столкновении с фокидянами, обладавшими на тот момент одной из самых сильных армий в Греции, именно незрелость отдельных компонентов македонского военного механизма, сочетавшаяся с рядом иных факторов, стала предпосылкой неудачи Филиппа.

В частности, залогом эффективности расставленной Ономархом ловушки стало отсутствие у Филиппа информации о приготовлениях противника и расположении части вражеской армии. Высказано предположение, что проведению типичной для македонской военной практики конной разведки помешало размещение части войск Ономарха на горе [16, с. 79], однако это не объясняет, почему Филипп предпринял наступление, не располагая сведениями о неприятеле. Подобное поведение ярко контрастирует с данными о полководческом пути Александра, который даже при применении отдельных частей войска в труднодоступной или отдаленной местности опирался на информацию о противнике, получаемую из самых разных источников³. Указанное обстоятельство наталкивает на вывод, что к 354 г. до н.э. систематический сбор и учет разведывательных данных еще не стал неотъемлемой частью македонских методов ведения войны. Помимо этого, армия Филиппа, подвергшаяся атаке со стороны до того отступавших фокидян, не только понесла потери, но и была сильно деморализована. Возможными причинами последнего называют присутствие в составе войска большого количества наемников [26, с. 10; 44, с. 220] или не желавших служить монархии Аргеадов воинов из Верхней Македонии и Пеонии [6, с. 98-99]. Впрочем, следует заметить, что панические настроения, согласно Диодору, охватили всю армию, а не только инкорпорированных в нее наемников и представителей отдельных племен. Это позволяет полагать, что за первое пятилетие военных преобразований Филиппу не удалось искоренить один из главных недостатков македонской пехоты предшествующего времени в виде низкой дисциплины. Ранее она уже приводила к плачевным результатам, как это было во время известного благодаря Фукидиду похода Пердикки I на линкестов 423 г. до н.э., окончившегося провалом из-за панического бегства большинства македонян из собственного лагеря в ночь накануне сражения (Thuc., IV, 125, 1-2). В 354 г. до н.э. произошел своеобразный «рецидив» указанной тенденции, вызванный стремительным ухудшением боевой обстановки.

Говоря о качествах, проявленных македонским командованием в неудачном сражении с Ономархом, необходимо указать на явно ошибочное решение действовать против отступающих и численно превосходящих фокидян силами одной пехоты в условиях гористой местности, имея при этом преимущество в кавалерии. Это плохо соотносится с основой македонской тактики того времени, которой являлось комбинированное боевое использование пехоты и конницы [9, с. 22-26; 20, с. 175-180; 49, с. 11; 56, с. 59-62]. Оно принесло Филиппу победу уже в его первом крупном сражении с войском иллирийского царя Бардила в 358 г. до н.э. [4, с. 47], однако в битве с Ономархом спустя 4 года македонский царь не стал придерживаться столь эффективной тактической схемы. Причиной этого, конечно, могла быть опрометчивая уверенность Филиппа в скорой победе, однако при анализе его решений во время кампании 354 г. до н.э. нельзя не учитывать важный нюанс личного характера. Напомним, что накануне рассматриваемых событий завершилась осада Мефоны, которая принесла Филиппу не только захват стратегически ценного города, но и тяжелое увечье: согласно данным античной письменной традиции, восходящим к современникам событий в лице Феопомпа, Марсия Македонского, Эфора и Демосфена, у стен Мефоны Филипп был ранен стрелой (пущенной, по разным версиям, с помощью лука или катапульты) в правый глаз, которого македонский царь, несмотря на лечение, лишился [46, с. 106-114]. Следы ранения, включавшего разрыв глазного яблока и повреждение костей орбиты глаза, а также признаки затянувшегося неудачного лечения, присутствуют на костных останках из знаменитой

вергинской «Гробницы №2», которая в соответствии с распространенным, но не общепризнанным мнением, является захоронением Филиппа II [37, с. 258-260; 41, с. 60-78; 45, с. 237-247]⁴. Источники приводят подчас диаметрально противоположные сведения о воздействии увечья на психологические аспекты поведения Филиппа [37, с. 257], однако в том, что ранение должно было на протяжении долгого времени негативно сказываться на физическом самочувствии македонского царя, сомневаться не приходится⁵. Это, в свою очередь, могло препятствовать ему ясно мыслить и адекватно реагировать на изменения в боевой обстановке, влияя на оправданность полководческих решений Филиппа уж явно не меньше знаменитой простуды, которая, согласно присутствующим в историографии выводам, мешала Наполеону Бонапарту руководить армией в период Бородинского сражения [2, с. 56-84]. Последствия недавнего ранения, очевидно, также не давали Филиппу возможности лично присутствовать на важнейших участках боя, что заметно снижало эффективность руководства войском и пагубно сказывалось на моральном духе македонян, в военной культуре которых, как известно, большая роль отводилась непосредственному участию царей в битвах [8, с. 26; 24, с. 347].

Таким образом, поражение 354 г. до н.э. было результатом сочетания конкретных исторических обстоятельств и недостатков еще формировавшейся «военной машины» царства Аргеадов, однако нельзя не отметить, что Филипп сделал все необходимые выводы из произошедшего, благодаря чему взял реванш в рамках кампании следующего 353 г. до н.э. и сумел вывести македонское военное дело на новый уровень. Усвоив горький урок в области тактики, Филипп в сражении на Крокусовом поле победил недавних обидчиков благодаря эффективному использованию как пехоты, так и кавалерии⁶, а в судьбоносной битве при Херонее 338 г. до н.э. посредством маневра с ложным отступлением, ранее принесшего успех Ономарху, разгромил афинскую пехоту [4, 48-49; 6, с. 204; 9, с. 156-157; 22, с. 219-220]. Кроме того, монарх продолжил предпринимать меры по укреплению дисциплины в своем войске, впрочем, не искоренив проблемы полностью: как справедливо отмечает Э. Карни, несмотря на наличие большого прогресса, и при Филиппе II, и при его сыне Александре дисциплинированность македонских солдат в значительной степени зависела от военных успехов [13, с. 35-36]. Обстоятельства поражения также побудили Филиппа уделить больше внимания разведывательной деятельности, которая в более позднее время, судя по сообщениям источников, включала в себя не только тактическую разведку, но и агентурную работу. Так, в «Первой речи против Филиппа» Демосфена (IV, 18), датируемой в пределах от поздней весны до конца лета 351 г. до н.э. [27, с. 279; 54, с. 5; 55, с. 117-118], сообщается, что Филипп благодаря осведомителям знал обо всех делах в Афинах. Спустя десятилетие в этом же городе действовал шпион Филиппа Анаксин, чьим «прикрытием» было осуществление покупок для царицы Олимпиады (Dem., XVIII, 137; Aesch., III, 223-224). Это была система сбора информации, которую Европа ранее не знала, а ближайшие аналоги присутствовали лишь в таких ведущих державах Востока как Ассирия и Персия [20, с. 181]. Повлияла кампания 354 г. до н.э., видимо, и на техническое оснащение македонской армии: согласно не лишнему основанию предположению, именно в неудачной битве с Ономархом Филипп оценил потенциал метательных орудий, что побудило его обзавестись собственным парком подобных устройств, впервые им примененных, согласно данным археологии, в 348 г. до н.э. при осаде Олинфа [35, с. 35-36].

Заключение

Подводя итог, следует еще раз отметить, что противостояние войска Филиппа II и фокидской армии 354 г. до н.э. было порождено сложившейся в Фессалии военно-политической обстановкой и имело локальный масштаб. Это был первый конфликт, в котором новая македонская армия столкнулась с крупным греческим войском. Для Филиппа кампания 354 г. до н.э. закончилась поражением, причиной которого были

удачные и нестандартные тактические решения Ономарха и просчеты македонского командования, которое недооценило исходившую от фокидян угрозу и попало в умело расставленную ловушку. Свою пагубную роль также сыграли недочеты в разведывательной деятельности и недостаточная дисциплинированность македонской армии. Эта неудача, тем не менее, не обернулась уничтожением македонского войска, а лишь подтолкнула Филиппа к проведению новой кампании в Фессалии и дальнейшему совершенствованию своей «военной машины». Таким образом, «фессалийская конфузия» царя-реформатора, приведшая к небольшой заминке в его военно-политической экспансии, стала важным этапом на пути превращения некогда слабой македонской армии в силу, до неузнаваемости переключившую карту античной Ойкумены.

Примечания

1. Особое мнение было высказано К. Улеманном, предположившим, что в 35-й главе XVI книги Диодор скомпилировал материал двух ныне неизвестных ранних монографических сочинений, одно из которых было посвящено истории Филиппа, а второе – Третьей Священной войне [50, с. 103-114].
2. Мнение Р. Габриэля, согласно которому камнеметные орудия присутствовали в армии Ономарха из-за того, что отправной точкой его похода была Херонея, ранее осаждавшаяся фокидскими войсками [22, с. 128], представляется малоубедительным.
3. В качестве примера см. *Arr. Anab.*, I, 5, 10; 6, 9; II, 4, 6; III, 7, 7 – 8, 2; 19, 4-5; 25, 5; 28, 2; 29, 6; IV, 3, 6; *Curt.*, IV, 9, 23; 10, 8; V, 13, 1; VII, 3, 2; VIII, 11, 21-22; 12, 1; *Diod.*, XVII, 78, 1; 81, 3; *Polyaen.*, IV, 3, 18.
4. Наиболее полно возможные аргументы против данной интерпретации мужского черепа из «Гробницы №2» изложил А. Бартсиокас [10, с. 511-514].
5. Не претендуя на статус специалиста в данном вопросе, следует отметить, что, согласно данным современной медицинской науки, проникающие ранения глаз инородными предметами с вероятностью от 19 до 68% сопровождаются инфекцией, при этом в военной обстановке каждый подобный случай считается потенциально инфицированным. Указанное обстоятельство грозит развитием посттравматического эндофтальмита, который не только может обернуться утратой зрения, но и сопровождается воспалением и сильной болью, не всегда купируемой даже современными анальгетиками [3, с. 26-27; 5, с. 521-522]. Филипп, чей глаз пронзил явно нестерильный снаряд из металла и дерева, в условиях медицины, не знавшей эффективных методов борьбы с инфицированием ран столь уязвимых органов [21, с. 156; 34, с. 413-414; 42, с. 185], с большой долей вероятности должен был столкнуться с подобными осложнениями.
6. Показательно, что Диодор (XVI, 35, 5) особо отмечает роль, которую в битве сыграла конница Филиппа, усиленная фессалийскими всадниками.

Список источников и литературы

1. Борза Ю. Н. *История античной Македонии (до Александра Великого) / пер. с англ. М.М. Холода. СПб.: Исторический факультет СПбГУ; Нестор-история, 2013. 591 с.*
2. Земцов В. Н. *Наполеон в Бородинском сражении (опыт микроисторического исследования) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 6-7 сентября 1999 г.). Можайск: Терра, 2000. С. 56-84.*
3. *Механическая травма органа зрения: учеб. пособие / Ф. О. Касымов, В. С. Куликов, В. П. Николаенко, Н. Г. Зумбулидзе. СПб.: Издательство ГБОУ ВПО СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2015. 51 с.*
4. Нефёдкин А. К. *Конница эпохи эллинизма. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 784 с.*
5. *Современная офтальмология: Руководство. 2-е изд. / под. ред. В. Ф. Даниличева. СПб.: Питер, 2009. 688 с.*
6. Уортингтон Й. *Филипп Македонский / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб. – М.: Клио, 2014. 397 с.*

7. Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2001. 602 с.
8. Anson E. M. *Alexander the Great: Themes and Issues*. London – New York: Bloomsbury, 2013. 226 p.
9. Ashley J. R. *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359-323 BC*. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
10. Bartsiakas A *The eye injury of King Philip II and the skeletal evidence from the Royal Tomb II at Vergina // Science*. 2000. Vol. 288. P 511-514.
11. Beloch K. J. *Griechische Geschichte*. Bd. III. Abt. 2. *Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens*. Leipzig – Berlin: Walter De Gruyter, 1923. 528 s.
12. Buckler J. *Philip II and the Sacred War*. Leiden: E.J. Brill, 1989. 212 p.
13. Carney E. *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea: The Classical Press of Wales, 2015. 326 p.
14. Cawkwell G. *Philip of Macedon*. London – Boston: Faber & Faber, 1978. 215 p.
15. Ehrhardt C. *Two Notes on Philip of Macedon's First Interventions in Thessaly // Classical Quarterly*. n.s. 1967. Vol. 17. No. 2. P. 296-301.
16. Ellis J. R. *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton: Princeton University Press, 1976. 312 p.
17. Engels J. *Philipp II. und Alexander der Große*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. 125 s.
18. English S. *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley: Pen & Sword Military, 2012. 460 p.
19. Errington R. M. *A History of Macedonia*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1990. 515 p.
20. Ferrill A. *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder: Westview Press, 1997. 240 p.
21. Gabriel R. A. *Man and Wound in the Ancient World: A History of Military Medicine from Sumer to the Fall of Constantinople*. Washington: Potomac Books, 2012. 267 p.
22. Gabriel R. A. *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington: Potomac Books, 2010. 303 p.
23. Gaebel R. E. *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
24. Greenwalt W.S. *Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / edited by J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger*. Malden – Oxford: Wiley Blackwell, 2015. P. 337-351.
25. Griffith G. T. *Philip of Macedon's Early Interventions in Thessaly (358–352 B.C.) // Classical Quarterly*. n.s. 1970. Vol. 20. No. 1. P. 67-80.
26. Griffith G. T. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1935. 337 p.
27. Griffith G. T. *The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia*. Vol. II: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201-646.
28. Hammond N. G. L. *Diodorus' Narrative of the Sacred War and the Chronological Problems of 357-352 B. C. // Journal of Hellenic Studies*. 1937. Vol. 57. Pt. 1. P. 44-78.
29. Hammond N. G. L. *Philip of Macedon*. London: Duckworth, 1994. 235 p.
30. Hammond N. G. L. *The Sources of Diodorus Siculus XVI // Classical Quarterly*. 1938. Vol. 32. No. 3-4. P. 137-151.
31. Hammond N. G. L. *Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 - 333 B. C. // Antichthon*. 1980. Vol. 14. P. 53-63.
32. Hanson V. D. *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York: Knopf, 1989. 245 p.
33. Hornblower S. *The Greek world, 479–323 BC*. London – New York: Routledge, 2011. 410 p.

34. Jones-Lewis M. *Pharmacy // A Companion to Science, Technology, and Medicine in Ancient Greece and Rome. Vol. 1 / edited by G.L. Irby. Malden – Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 402-417.*
35. Keyser P.T. *The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great // The Ancient World. 1994. Vol. 25. No. 1. P. 27-59.*
36. Konijnendijk R. *Classical Greek Tactics: A Cultural History. Leiden – Boston: Brill, 2017. 261 p.*
37. Lascaratos J., Lascaratos G., Kalantzis G. *The Ophthalmic Wound of Philip II of Macedonia (360–336 BCE) // Survey of Ophthalmology. 2004. Vol. 49. P. 256-261.*
38. Londey P. *Philip and the Delphic Amphiktyony // Ancient Macedonia: an Australian symposium (Mediterranean Archaeology 7) / edited by P.J. Connor. Sydney: University of Sydney, 1995. P. 25-34.*
39. Martin T. R. *A Phantom Fragment of Theopompus and Philip II's First Campaign in Thessaly // Harvard Studies in Classical Philology. 1982. Vol. 86. P. 55-78.*
40. Martin T. R. *Diodorus on Philip II and Thessaly in the 350s B.C. // Classical Philology. 1981. Vol. 76. No. 3. P. 188-201.*
41. Musgrave J. H., Neave R. A. H., Prag A. J. N. W. *The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon // Journal of Hellenic Studies. 1984. Vol. 104. P. 60-78.*
42. Nutton V. *Ancient Medicine. London – New York: Routledge, 2004. 486 p.*
43. Ober J. *Early Artillery Towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid // American Journal of Archaeology. 1987. Vol. 91. No. 4. P. 569-604.*
44. Pickard A. W. *The Rice of Macedonia // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / edited by J. B. Bury, S. A. Cook, F. E. Edcock. Cambridge: Cambridge University Press, 1933. P. 200-243.*
45. Prag A. J. N. W. *Reconstructing King Philip II: The “nice” version // American Journal of Archaeology. 1990. Vol. 94. P. 237-247.*
46. Riginos A. S. *The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication // Journal of Hellenic Studies. 1994. Vol. 114. P. 106-114.*
47. Schubert R. *Untersuchungen über die Quellen zur Geschichte Philipps II. von Macedonien. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1904. 68 s.*
48. Sprawski S. *The End of the Pheraeon Tyranny // YΠEPEIA. 2010. T. 5. P. 181-189.*
49. Tarn W. W. *Hellenistic Military and Naval Developments. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. 170 p.*
50. Uhlemann K. *Untersuchungen über die Quellen der Geschichte Philipps von Makedonien und des heiligen Krieges im 16. Buche Diodors. Straßburg: M. Du Mont Schauberg, 1913. 119 s.*
51. Vela Tejada J., Martín García F. (ed.) *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas. Madrid: Editorial Credo, 1991. 614 p.*
52. Westlake H. D. *Thessaly in the fourth century B.C. London: Methuen, 1935. 248 p.*
53. Wilcken U. *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte. München: R. Oldenburg, 1962. 380 s.*
54. Wooten C. *A Commentary on Demosthenes Philippic I: With Rhetorical Analyses of Philippics II and III. Oxford: Oxford University Press, 2008. 179 p.*
55. Worthington I. *The Aspiring Politician // Demosthenes: statesman and orator / edited by I. Worthington. London – New York: Routledge, 2000. P. 98-128.*
56. Wrightson, G. *Macedonia armies and the perfection of Combined Arms // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / edited by T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson. Oxford – Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 59–68.*

References

1. Borza E. N. *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo) [The history of ancient Macedonia (before Alexander the Great)]* transl. from English by M. M. Kholod. St. Petersburg: history Department of St. Petersburg state University, Nestor-istoria Publ., 2013. 591 p. [In Russian].
2. Zemtsov V. N. Napoleon v Borodinskom srazhenii (opyt mikroistoricheskogo issledovaniya) [Napoleon in the battle of Borodino (experience in micro-historical research)]. *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Borodino, 6-7 sentyabrya 1999 g.)*. Mozhaysk: Terra Publ., 2000. Pp. 56-84. [In Russian].
3. Kasymov F. O. et al. *Mekhanicheskaya trauma organa zreniya: uchebnoye posobiye [Mechanical trauma of the eyesight organ: a tutorial]*. St. Petersburg: Publishing house of the North-Western State Medical University named after I.I Mechnikov, 2015. 51 p. [In Russian].
4. Nefedkin A. K. *Konnitsa epokhi ellinizma [Hellenistic cavalry]*. St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019. 784 p. [In Russian].
5. Danilichev V. F. *Sovremennaya oftal'mologiya: Rukovodstvo [Modern ophthalmology: a guide]*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter Publ., 688 p. [In Russian].
6. Worthington I. *Filipp Makedonskiy [Philip II of Macedonia]* transl. from English by S. V. Ivanov. St. Petersburg, Moscow: Klio Publ., 2014. 397 p. [In Russian].
7. Frolov E. D. *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast') [Greece in the late classical times (Society. Personality. Power)]*. St. Petersburg, Publishing center "Academy of the Humanities", 2001. 602 p. [In Russian].
8. Anson E. M. *Alexander the Great: Themes and Issues*. London, New York: Bloomsbury, 2013. 226 p.
9. Ashley J. R. *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359-323 BC*. Jefferson: McFarland, 1998. 486 p.
10. Bartsiakos A. The eye injury of King Philip II and the skeletal evidence from the Royal Tomb II at Vergina. *Science*. Vol. 288. 2000. Pp. 511-514.
11. Beloch K. J. *Griechische Geschichte. Bd. III. Abt. 2. Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens*. Leipzig. Berlin: Walter De Gruyter, 1923. 528 p.
12. Buckler J. *Philipp II and the Sacred War*. Leiden: E. J. Brill, 1989. 212 p.
13. Carney E. *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea: The Classical Press of Wales, 2015. 326 p.
14. Cawkwell G. *Philip of Macedon*. London, Boston: Faber & Faber, 1978. 215 p.
15. Ehrhardt C. Two Notes on Philip of Macedon's First Interventions in Thessaly. *Classical Quarterly*. n.s. 1967. Vol. 17. No. 2. Pp. 296-301.
16. Ellis J.R. *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton: Princeton University Press, 1976. 312 p.
17. Engels J. *Philipp II. und Alexander der Große*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. 125 p.
18. English S. *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley: Pen & Sword Military, 2012. 460 p.
19. Errington R. M. *A History of Macedonia*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1990. 515 p.
20. Ferrill A. *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder: Westview Press, 1997. 240 p.
21. Gabriel R. A. *Man and Wound in the Ancient World: A History of Military Medicine from Sumer to the Fall of Constantinople*. Washington: Potomac Books, 2012. 267 p.
22. Gabriel R. A. *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington: Potomac Books, 2010. 303 p.

23. Gaebel R. E. *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
24. Greenwalt W.S. *Thracian and Macedonian Kingship. A Companion to Ancient Thrace*, edited by J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. Malden, Oxford: Wiley Blackwell, 2015. Pp. 337-351.
25. Griffith G. T. Philip of Macedon's Early Interventions in Thessaly (358–352 B.C.). *Classical Quarterly*. n.s. 1970. Vol. 20. No. 1. Pp. 67-80.
26. Griffith G. T. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1935. 337 p.
27. Griffith G. T. The Reign of Philip the Second. *Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia*. Vol. II: 550–336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. Pp. 201-646.
28. Hammond N. G. L. Diodorus' Narrative of the Sacred War and the Chronological Problems of 357-352 B. C. *Journal of Hellenic Studies*. 1937. Vol. 57. Pt. 1. Pp. 44-78.
29. Hammond N. G. L. *Philip of Macedon*. London: Duckworth, 1994. 235 p.
30. Hammond N.G.L. The Sources of Diodorus Siculus XVI. *Classical Quarterly*. 1938. Vol. 32. No. 3-4. Pp. 137-151.
31. Hammond N. G. L. Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359 - 333 B. C. *Antichthon*. 1980. Vol. 14. Pp. 53-63.
32. Hanson V. D. *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York: Knopf, 1989. 245 p.
33. Hornblower S. *The Greek world, 479–323 BC*. London, New York: Routledge, 2011. 410 p.
34. Jones-Lewis M. *Pharmacy. A Companion to Science, Technology, and Medicine in Ancient Greece and Rome*. Vol. 1, edited by G.L. Irby. Malden, Oxford: Wiley Blackwell, 2016. Pp. 402-417.
35. Keyser P. T. The Use of Artillery by Philip II and Alexander the Great. *The Ancient World*. 1994. Vol. 25. No. 1. Pp. 27-59.
36. Konijnendijk R. *Classical Greek Tactics: A Cultural History*. Leiden, Boston: Brill, 2017. 261 p.
37. Lascaratos J., Lascaratos G., Kalantzis G. The Ophthalmic Wound of Philip II of Macedonia (360–336 BCE). *Survey of Ophthalmology*. 2004. Vol. 49. Pp. 256-261.
38. Londey P. Philip and the Delphic Amphiktyony. *Ancient Macedonia: an Australian symposium (Mediterranean Archaeology 7)* edited by P.J. Connor. Sydney: University of Sydney, 1995. Pp. 25-34.
39. Martin T. R. A Phantom Fragment of Theopompus and Philip II's First Campaign in Thessaly. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1982. Vol. 86. Pp. 55-78.
40. Martin T. R. Diodorus on Philip II and Thessaly in the 350s B.C. *Classical Philology*. 1981. Vol. 76. No. 3. Pp. 188-201.
41. Musgrave J.H., Neave R. A. H., Prag A. J. N. W. The Skull from Tomb II at Vergina: King Philip II of Macedon. *Journal of Hellenic Studies*. 1984. Vol. 104. Pp. 60-78.
42. Nutton V. *Ancient Medicine*. London, New York: Routledge, 2004. 486 p.
43. Ober J. Early Artillery Towers: Messenia, Boiotia, Attica, Megarid. *American Journal of Archaeology*. 1987. Vol. 91. No. 4. Pp. 569-604.
44. Pickard A. W. The Rice of Macedonia. *The Cambridge Ancient History*. Vol. VI edited by J.B. Bury, S.A. Cook, F.E. Edcock. Cambridge: Cambridge University Press, 1933. Pp. 200-243.
45. Prag A. J. N. W. Reconstructing King Philip II: The “nice” version. *American Journal of Archaeology*. 1990. Vol. 94. Pp. 237-247.
46. Riginos A. S. The Wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication. *Journal of Hellenic Studies*. 1994. Vol. 114. Pp. 106-114.
47. Schubert R. *Untersuchungen über die Quellen zur Geschichte Philipps II. von Macedonien*. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1904. 68 p.
48. Sprawski S. *The End of the Pheraeon Tyranny*. YIIEPEIA. 2010. Vol. 5. Pp. 181-189.

49. Tarn W. W. *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. 170 p.
50. Uhlemann K. *Untersuchungen über die Quellen der Geschichte Philipps von Makedonien und des heiligen Krieges im 16. Buche Diodors*. Straßburg: M. Du Mont Schauberg: 1913. 119 p.
51. Vela Tejada J., Martín García F. (ed.) *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid: Editorial Credo, 1991. 614 p.
52. Westlake H. D. *Thessaly in the fourth century B.C*. London: Methuen, 1935. 248 p.
53. Wilcken U. *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*. München: R. Oldenburg, 1962. 380 p.
54. Wooten C. *A Commentary on Demosthenes Philippic I: With Rhetorical Analyses of Philippics II and III*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 179 p.
55. Worthington I. *The Aspiring Politician. Demosthenes: statesman and orator edited by I. Worthington*. London, New York: Routledge, 2000. Pp. 98-128.
56. Wrightson, G. *Macedonia armies and the perfection of Combined Arms. Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel* edited by T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books, 2014. Pp. 59–68.

Сведения об авторе

Клейменов Александр Анатольевич –
доктор исторических наук, старший
научный сотрудник кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тульский
государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: alek-klejmenov@yandex.ru).

Information about the Author

Kleymenov Alexander Anatolevich,
Doctor of historical Sciences, Senior
researcher of the Department of history and
archaeology of the Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: alek-klejmenov@yandex.ru).

**«СИБИРСКОЕ ВЗЯТИЕ» ИЛИ ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ:
ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Д. А. Романов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. *Статья посвящена анализу изменений взглядов исследователей на характер присоединения Сибири к России от XVIII в. до современности. Автор обращает внимание на то, что историографические оценки менялись не только в зависимости от использованных источников, но и от времени написания работ, поскольку зачастую определялись идеологическими установками, доминирующими в тот или иной период развития страны. Дореволюционные историки склонялись к трактовке вхождения Сибири в состав России как завоевания. Концепция «сибирского взятия» нашла наиболее полное отражение в трудах П. И. Небольсина, П. А. Словцова, М. Н. Ядринцева, П. Н. Буцинского. В советской историографии разрабатывалась концепция присоединения Сибири к России, берущая начало в работах С. В. Бахрушина. Внимание историков акцентировалось на мирной колонизации территории. В таком ключе написаны работы В. И. Шункова, Л. М. Горюшкина, Н. И. Никитина. В 1990-е годы многие вопросы сибирской истории подверглись пересмотру. Так, В. А. Тураев обратил внимание на многочисленные военные столкновения между русскими первопроходцами и аборигенными племенами. А. С. Зуев назвал аборигенными войнами сопротивление народов Чукотки и Камчатки русскому продвижению. В. В. Трепавлов обратил внимание на разную мотивацию принятия русского подданства сибирскими народами. По мнению Е. В. Вершинина, у многих народов Сибири отсутствовали причины добровольного подчинения Русскому государству, а степень и продолжительность сопротивления зависела от уровня социального развития, военного дела и вооруженности конкретных племён. В статье обращается внимание на то, что процесс включения территорий к востоку от Урала в состав Русского государства был сложным, противоречивым и многоаспектным.*

Ключевые слова: *историография, Сибирь, завоевание, присоединение, добровольное вхождение.*

**"SIBERIAN ANNEXATION" OR VOLUNTARY JOINING:
ACCESSION OF SIBERIA TO RUSSIA IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

D. A. Romanov

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. *The article deals with the analysis of changes in researcher's views on the nature of Siberia's annexation to Russia from the XVIII century to the present. The author draws attention to the fact that historiographical assessments changed not only depending on the sources used, but also on the time of writing, since they were often determined by the ideological attitudes that dominated in a particular period of the country's development. Pre-revolutionary historians tended to interpret the entry of Siberia into Russia as a conquest. The concept of "Siberian capture" is most fully reflected in the works of*

P. I. Nebolsin, P. A. Slovtsova, M. N. Yadrinseva, P. N. Bucinskogo. In Soviet historiography, the concept of joining Siberia to Russia was developed, originating in the works of S. V. Bakhrushin. The attention of historians was focused on the peaceful colonization of the territory. The works of V. I. Shunkov, L. M. Goryushkin, and N. I. Nikitin are written in this way. In the 1990s, many issues of Siberian history were revised. Thus, V. A. Turaev drew attention to the numerous military clashes between Russian pioneers and aboriginal tribes. Russian resistance in Chukotka and Kamchatka was described by Zuev as aboriginal wars. V. V. Trepavlov drew attention to the different motivations for the adoption of Russian citizenship by Siberian peoples. According to E. V. Vershinin, many peoples of Siberia had no reasons for voluntary submission to the Russian state, and the degree and duration of resistance depended on the level of social development, military Affairs and armament of specific tribes. The article draws attention to the fact that the process of including territories East of the Urals in the Russian state was complex, contradictory and multidimensional.

Keywords: historiography, Siberia, annexation, incorporation, voluntary joining.

Уже почти три столетия историки изучают цели, ход и последствия проникновения русских за Уральские горы. Их оценки менялись в зависимости от времени, использованных источников и нередко определялись идеологическими установками, доминирующими в тот или иной период развития страны. Традиционно в отечественной науке преобладал и преобладает русоцентризм, т.е. признание русского народа государствообразующим и оказывающим решающее влияние на развитие других народов. Нужно также принимать во внимание то обстоятельство, что основной массив источников, которыми располагают историки, составляют документы, вышедшие из-под пера государственных чиновников и служилых людей. В проблеме присоединения Сибири и, особенно её коренных народов, к Русскому государству, несмотря на значительную исследовательскую работу, продолжают оставаться спорные и нерешённые вопросы. В данной статье будут рассмотрены основные точки зрения в отечественной историографии о характере присоединения Сибири к России.

Дореволюционные историки трактовали процесс вхождения Сибири в состав России как завоевание. Один из классиков отечественной историографии XVIII в. Г. Ф. Миллер отождествлял присоединение Сибири к России с завоеванием Сибирского ханства [16]. Необходимо отметить, что границы ханства Кучума были «размытыми» и в ходе продвижения русских на восток слово «Сибирь» было закреплено за территориями вплоть до Тихого океана. В работе И. Э. Фишера также употреблялся термин «завоевание». Автор назвал казаков героями, поскольку они напали и смогли покорить силами малочисленных отрядов такие «сильные» народы как калмыки, монголы, маньчжуры, китайцы. Он особо подчеркнул, что русским приходилось действовать в сложных природных условиях «где голод и стужа вечное своё имеют жилище» [28, с. 630–631].

Постепенно в отечественной исторической науке возобладал тезис о вхождении всей территории за Уралом исключительно как следствие военной экспансии и насильственного подчинения коренных народов. Эта точка зрения была закреплена в работе Н. М. Карамзина «История государства Российского». Историк сравнивал присоединение Сибири с колониальными захватами европейцев в Америке, а Ермака отождествлял с Франсиско Писарро [14, с. 760].

Исследователи середины XIX в. П. И. Небольсин и П. А. Словцов дополнили концепцию «Сибирского взятия». П. И. Небольсин уделил основное внимание рассмотрению военных действий русских против аборигенов, обратив внимание на нежелание последних подчиняться Русскому государству [17]. Особый акцент был сделан на личности Ермака как завоевателя Сибири [17, с. 157–181]. П. А. Словцов, помимо описания военных действий, учитывал особенности религии, быта, развития военного дела у аборигенных народов, а также исследовал оснащение, снаряжение и маршруты казаков и промышленников в различных районах. Описав правительственный план завоевания Сибири, он насчитал четыре линии обороны

русских, состоящих из городов и острогов. Главная линия шла от Верхотурья до Красноярска. На северной линии были построены города и остроги: Пелым, Березов, Сургут, Нарым, Кетск, Маковский и Енисейск. Третья параллель проходила от Обдорска через Мангазею к Турханскому и Инбацкому зимовью, далее за Енисеем по Нижней Тунгуске на Вилюй. Южная линия была построена для защиты от набегов со стороны степей в дополнение к главной линии, она состояла из Катайского, Исетского, Ялуторовского, Тарханского, Атбашского, Кузнецкого, Сосновского и Верхотомского острогов [23, с 57–64].

Сторонником концепции завоевания был известный областник М. Н. Ядринцев. Действия казачьих отрядов по отношению к коренному населению он оценивал как насильственные. С началом проникновения русских за Урал устанавливались тесные связи с сибирскими инородцами и даже началась их ассимиляция, поскольку они находились примерно на одном уровне развития [30, с. 90]. Малочисленность колонизаторов привела к установлению особой системы управления сибирскими народами [30, с. 150]. Военный характер присоединения Сибири подчёркивался в трудах П. Н. Будицкого. Он обратил внимание на «полнейшее общение между завоевателями и покорёнными», поскольку первыми поселенцами в Сибири были выходцы из северных регионов европейской России, имевшие опыт контактов с инородцами (остяками, вогулами и татарами) [7, с. 329].

В ранней советской историографии Сибири продолжает развиваться концепция военного вхождения в состав Русского государства. Это можно объяснить стремлением историков показать деспотизм царского правительства, разоблачить колониальную политику самодержавия, угнетавшего народы окраин. Так, В. И. Огородников писал, что царское правительство рассчитывало колонизировать Сибирь для извлечения прибыли, расхищая при этом природные богатства. По мнению автора, русские стремились в Сибирь из-за крепостнического гнёта, установившегося в Европейской части России [19, с. 6–7]. С. Б. Окунь разоблачал «преступления царизма» на Камчатке. С его точки зрения буржуазные историки рассматривали включение Сибири в состав России как «мирный идиллистический процесс», когда русские войска вели борьбу только с суровыми природными условиями, а такие явления колониальной экспансии как грабежи, насилие и истребление народов замалчивались [20, с. 3]. Исследователь утверждал, что коренные народы Сибири представляли интерес для властей как поставщики пушнины, поэтому, по замыслу правительства, чукчи и коряки должны были уничтожаться как не обладавшие пушными богатствами [20, с. 5–6].

С. В. Бахрушин ввел в научный оборот понятие «русская колонизация Сибири». В «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI – XVII вв.» продвижение за Урал названо завоеванием [3, с. 144]. Однако в других работах он развил концепцию колонизации Сибири, выделив в ней два пути. В одном случае шел неконтролируемый процесс «вольной» народной колонизации». С другой стороны, царское правительство поселяло на захваченных территориях добровольцев с целью сбора налогов и обороны и даже прибегало к принудительному переселению из уездов Европейской части России, Западной Сибири на восток и к прямой ссылке [5, с. 60]. Помимо этого, стоит отметить, что С. В. Бахрушин показал, что у народов Западной Сибири шел процесс формирования государственности, им были описаны «остяцкие» и «вогульские» княжества [2, с. 86–152]. Историк обратил внимание на то, что для обеспечения лояльности сибирских племён, недавно принявших русское подданство, делались щедрые подарки, а аборигенная элита использовала объясачивание в свою пользу [6, с. 71; 84].

Идеологические установки на интернационализм и дружбу народов 1960 – 1970-х годов не могли не сказаться на сибирских исследованиях. В работах историков стали упоминаться факты о мирном продвижении и освоении Сибири. В. И. Шунков признал оправданным использование в советской историографии

термина «присоединение», поскольку он «включает в себя явления различного порядка (завоевание, мирное присоединение, добровольное вхождение)» [29, с. 12]. Примечательно, что в новом издании «Очерков по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв.» С. В. Бахрушина, опубликованном в 1955 г., где членом редакционной коллегии был В. И. Шунков, слово «завоевание» заменено на «присоединение» [4, с. 138].

После этого концепция «присоединения», причём преимущественно мирными методами, стала господствующей в советской исторической науке [9, с. 8–30; 18, с. 46–48; 13, с. 55]. Признавалось, что завоевание имело место только на начальном этапе продвижения русских в Сибирь, когда отряд Ермака захватил Сибирское ханство, а остальные племена и народы Сибири входили в состав России исключительно мирным путём. Д. Я. Резун, проанализировавший сибирские летописи, пришёл к выводу, что «присоединение и освоение Сибири начинается не столько с походов Ермака, сколько с момента построения первых русских городов» [21, с. 96]. Казаки под предводительством Ермака не только разбили основные силы Сибирского ханства на Чувашском мысу, но и начали взимать ясак с местного населения. Русские переселенцы и казаки при освоении новых территорий устанавливали мирные, культурные и хозяйственные связи с аборигенным населением, хотя в единичных случаях происходили столкновения с местными кочевыми и охотничьими племенами. Однако эти отдельные вооруженные столкновения не меняли оценку в целом мирного характера присоединения Сибири к России. Обращалось внимание на то, что сибирские народы были вынуждены объединяться с русскими для защиты от набегов более сильных соседей, прекращения межплеменных распрей, а также из стремления наладить экономические связи с переселенцами.

Помимо использования термина «присоединение» для советской историографии были характерны понятия «мирное заселение», «вольно-народная колонизация», «земледельческая колонизация». Так, Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко признали значительный вклад в сибиреведение В. И. Шункова, поскольку он убедительно показал, что русская колонизация Сибири имела преимущественно земледельческий характер, что отвергает тезис о военном проникновении русских за Урал [9, с. 28]. Р. Г. Скрынников подчёркивал преимущественно вольно-народный характер колонизации Сибири. Автор акцентировал внимание на том, что гнёт царизма испытывали как поселенцы, так и коренное население, что сближало русских с народами Сибири [22, с. 220–221]. Следует заметить, что завоевание, колонизация или заселение не взаимоисключающие понятия, следовательно, земледельческая колонизация никоим образом не исключает военного проникновения.

В 1990-е годы стали пересматриваться многие вопросы сибирской истории. Важно отметить, что в то время заметно усилился интерес к региональной истории, внимание исследователей привлекла проблема принятия российского подданства отдельными народами. Так, Л. Р. Кызласов назвал присоединение Хакасии к России «насильственным захватом хакасских земель красноярскими, томскими и кузнецкими казаками» [15, с. 218]. В. А. Тураев отметил, что в стремлении показать мирный характер проникновения русских в Сибирь советские историки при публикации источников сокращали часть текстов [26, с. 154]. Он считает, что данное явление в советской науке привело к искажению общего смысла документов в описании взаимоотношений русских и коренного населения, поскольку замалчивались факты военных столкновений русских первопроходцев и аборигенных племён. В итоге автор пришёл к выводу, что характер исторических источников не соответствует концепции мирного присоединения Сибири к России, а сама история взаимоотношения коренного населения и русских гораздо сложнее, чем представлялась советскими историками [26, с. 169].

В. Н. Иванов отмечает, что события, сопутствующие движению служилых и промышленных людей на восток от реки Енисей, носили противоречивый характер и

не могут иметь однозначной оценки. По его мнению, воеводская власть проводила двойственную политику: с одной стороны, были попытки убедить коренное население мирно принять русское подданство, с другой – местная власть в соответствии с установками царского правительства при необходимости использовала насильственные методы. Отношения между русскими и аборигенным населением особенно усложняли злоупотребления глав казачьих отрядов. В. Н. Иванов пришел к выводу, что в 1630 – 1640-х гг. мирные действия русских сочетались с силовыми при преобладании первых [12, с. 148–149].

Концепция насильственного захвата русскими Северо-Востока Сибири обоснована А. С. Зуевым. Соппротивление народов Чукотки и Камчатки он назвал русско-аборигенными войнами, причиной которых были обман, эксплуатация и уничтожение коренного населения русскими землепроходцами [11, с. 166–167]. По мнению исследователя, покорение этой самой дальней сибирской территории закончилось только в XVIII в.

Своеобразную концепцию включения сибирских земель в состав России предлагает А. Д. Агеев. По его мнению, для характеристики факта вхождения Сибири в Россию не следует использовать понятия «завоевание», «покорение» или «присоединение». Он считает, что Сибирь вошла в Россию наподобие Поволжья и других территорий в соответствии с политикой собирания земель и строительства национального государства [1, с. 107]. Нужно отметить, что автор недостаточно аргументировал свою позицию.

По мнению Л. И. Шерстовой, евразийские начала в русском этносе и политическом наследии Московского царства предопределили мирное взаимодействие русских с аборигенами Сибири [27, с. 97]. Она утверждает, что быстрому включению Сибири в состав России способствовало «ордынское наследие», т.е. наличие общих политических институтов у русского и сибирского населения. С этим трудно согласиться, т.к. Древняя Русь находилась на окраине Золотой Орды и сохранила собственную систему управления. Никаких собственно ордынских органов власти, за исключением баскаков, на Руси создано не было.

В. В. Трепавлов обратил внимание на разную мотивацию принятия русского подданства сибирскими народами. У кочевых народов Южной Сибири (буряты, кумандинцы, тубалары, телеуты), имевших опыт государственности, решение о добровольном принятии русского подданства принимали элиты, которые руководствовались своими интересами, поскольку «добровольное» присоединение обеспечивало награды и отмену выплат ясака на несколько лет. Кроме того, местная элита могла рассчитывать на помощь казачьих отрядов для защиты от набегов соседей и даже участвовать в походах против иноземцев, получая долю от награбленного [24, с. 177]. У народов Северо-Западной и Восточной Сибири не существовало государственности, поэтому русской власти на местах нужно было налаживать отношения с аборигенами, убеждать их в выгоде сотрудничества. Лучшим способом сделать это, по мнению В. В. Трепавлова, было предложить за выплату ясака военную помощь от нападения враждебных соседей [24, с. 181]. В работе, посвящённой борьбе потомков Кучума с русскими за реванш, В. В. Трепавлов и А. А. Беляков используют понятие «присоединение», поскольку после принятия народами бывшего Сибирского ханства русского подданства отсутствовали массовые протесты местного населения. По мнению исследователей, это объяснялось не столько превосходством русских в вооружении, сколько терпимым отношением переселенцев к местному населению [25, с. 430].

Е. В. Вершинин считает, что практически у всех народов Сибири не было мотивов добровольно принимать власть России, а степень и продолжительность сопротивления коренного населения зависела от уровня социального развития, военного дела и вооруженности конкретных племён. Автор обратил внимание на то, что «факты добровольного обращения сибирских народов к русскому правительству

о принятии подданства единичны, в то время, как присоединение сибирских земель силой оружия – правило» [8, с. 416]. Стоит отметить, что ввиду неграмотности и незнания русского языка практически отсутствуют письменные источники, а именно прошения сибирских народов к русскому правительству о помощи или принятия в подданстве. Однако, как уже было отмечено, в историографии существует точка зрения, что разные сибирские народы могли принять подданство русского царя для обеспечения собственной выгоды.

Таким образом, в последние годы в сибиреведении развиваются разные, подчас полярные, концепции присоединения Сибири к России. Неоднозначно оценивается характер взаимодействия первопроходцев с аборигенными племенами. Несмотря на длительность изучения вопроса и, казалось бы, глубокую изученность темы, дискуссия о «завоевании» или «добровольном вхождении» продолжается. Появляются новые теории, сравнивающие присоединение Сибири с освоением США Дикого Запада, которые основаны на концепции «фронта». Дальнейшего изучения требуют вопросы о времени начала вхождения региона в состав Русского государства, соотношении мирных и военных методов в процессе колонизации Сибири, сходств и различий проникновения русских за Урал с колонизацией европейцами Нового Света.

Список источников и литературы

1. Агеев А. Д. *Сибирь и американский Запад: движение фронтиров*. М.: Аспект-Пресс, 2005. 334 с.
2. Бахрушин С. В. *Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.* // *Научные труды*. В 4 т. Т. 3, ч. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 86-152.
3. Бахрушин С. В. *Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.* М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 198 с.
4. Бахрушин С. В. *Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв.* // *Научные труды*. В 4 т. Т. 3, ч. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 17-160.
5. Бахрушин С. В. *Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.* // *Научные труды*. В 4 т. Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 7-192.
6. Бахрушин С. В. *Ясак в Сибири* // *Научные труды*. В 4 т. Т. 3, ч. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 49-85
7. Буцинский П. Н. *Заселение Сибири и быт первых её насельников*. Харьков: Типография губернского правления, 1889. 345 с.
8. Вершинин Е. В. *Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв.* Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
9. Горюшкин Л. М. *Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – нач. XX в.)* / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1984. 317 с.
10. Зуев А. С. *Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в.* / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
11. Зуев А. С. *Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века*. Новосибирск, 2002. 330 с.
12. Иванов В. Н. *Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства*. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 199 с.
13. *История Сибири с древнейших времен до наших дней* / Глав. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков. Л.: Наука, В 6 т. Т. 2: *Сибирь в составе феодальной России*. 1968. 538 с.
14. Карамзин Н. М. *История государства Российского*. М.: Эксмо, 2011. В 12 т. Т. 12. С. 673–781.

15. Кызласов Л. Р. О титуле государя хакасов «ажо» и времени исчезновения рунической письменности на Енисее // Северная Евразия от древности до средневековья : тез. докл. конф. СПб., 1992. С. 18-19.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. В 2 т. Т. 1. 607 с.
17. Небольсин П. И. Покорение Сибири. М.: Вече, 2014. 352 с.
18. Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. 176 с.
19. Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX стол. Часть II. Вып. I. Завоевание русскими Сибири. Владивосток: Типография Дальневосточного государственного университета, 1924. 108 с.
20. Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае Л.: Соцэкгиз, 1935. 149 с.
21. Резун Д. Я. Очерки истории изучения русского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 221 с.
22. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 253 с.
23. Словоцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
24. Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.
25. Трепавлов В. В. Сибирские царевичи в истории России. / В. В. Трепавлов, А. А. Беляков. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 496 с.
26. Тураев В. А. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII — XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 154-169.
27. Шерстова Л. И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета 2012. № 365. С. 93-97.
28. Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 631с.
29. Шунков В. И. Основные проблемы изучения истории Сибири // Вопросы истории. 1960. № 9. С. 3-17.
30. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

References

1. Ageev A. D. *Sibir i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov [Siberia and the American West: the moving of frontiers]*. Moscow: Aspekt-Press, 2005. P. 334. [In Russian].
2. Bakhrushin S. V. *Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vekakh [Ostyak and Vogul principalities in the 16th–17th centuries]*. *Nauchnyye trudy. V 4 t. T. 3, ch. 2 [Scientific works. In 4 volumes. Vol. 3, part 2]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. Pp. 86-152. [In Russian].
3. Bakhrushin S. V. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv. [Essays on Colonization History of Siberia in 16th and 17th Centuries]*. Moscow: Izdanye M. i S., Sabaşnikovikh, 1927. 198 p. [In Russian].
4. Bakhrushin S. V. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri XVI–XVII vv. [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 16th–17th centuries]*. *Nauchnyye trudy. V*

- 4 t. T. 3, ch. 1 [Scientific works. In 4 volumes. Vol. 3, part 1]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. Pp.17-160. [In Russian].
5. Bakhrushin S. V. Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uezda XVII v. [Essays on the History of the Krasnoyarsk district]. *Nauchnyye trudy. V 4 t. T. 4* [Scientific works. In 4 volumes. Vol. 4]. Izd-vo AN SSSR Publ., 1959. Pp. 7-192. [In Russian].
 6. Bakhrushin S. V. Yasak v Sibiri v XVII v. [Yasak in Siberia in the 17th. Century]. *Nauchnyye trudy. V 4 t. T. 3, ch. 2* [Scientific works. In 4 volumes. Vol. 3, part 2]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. Pp. 49-85. [In Russian].
 7. Butsin'sky P. N. *Zaseleniye Sibiri i byt pervykh yeyo nase'l'nikov* [Population of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Typography of Provincial Government, 1889. 345 p. [In Russian].
 8. Vershinin E. V. *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoj Sibiri v konce XVI XVII vv.* [Russian Colonization of North-Western Siberia at the End of the 16th 17th centuries]. Yekaterinburg: Demidovskij institut, 2018. 504p. [In Russian].
 9. Goriushkin L. M. *Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konets XVI – nach. XX v.)* [Historiography of Siberia in the pre-October period (late 16th – early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoye otdeleniye: 1984. 317 p. [In Russian].
 10. Zuev A. S. Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v rossiyskoye gosudarstvo v kontse XVI -nachale XVIII v. [Under the canopy of the two-headed eagle: the incorporation of the peoples of Siberia into the Russian state at the end of the 16th - beginning of the 18th century.]. Novosibirsk: Publishing and printing center NGU, 2017. 444 p. [In Russian].
 11. Zuev A. S. *Russkie i aborigeny na krainem severo-vostoke Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Russian and aborigines in the extreme North-East of Siberia in the second half of the 17th-the first quarter of the 18 th centuries]. Novosibirsk: 2002, 330 p. [In Russian].
 12. Ivanov V. N. *Vkhozdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva* [The entry of North-East Asia in Russian state]. Novosibirsk: Nauka. Publishing House SB RAS, 1999. 199 p. [In Russian].
 13. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Siberia from Ancient Times to Present Day]. V 6 t. T. 2: *Sibir' v sostave feodal'noy Rossii* [Siberia Within the Structure of Feudal Russia in 6 Volumes. Vol. 2]. Edited by A.P. Okladnikov and V. I. Shunkov. Leningrad: Nauka. 1968. 538 p. [In Russian].
 14. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo. V 12 tomakh. T. 12* [History of the Russian State. In 12 volumes, vol. 12]. Moscow: Eksmo, 2011. Pp. 673–781. [In Russian].
 15. Kyzlasov L. R. O titule gosudarya khakasov «azho» i vremeni ischeznoveniya runicheskoy pis'mennosti na Yeniseye [On the title of the Khakass sovereign "ajo" and the time of the disappearance of runic writing on the Yenisei]. *Severnaya Yevraziya ot drevnosti do srednevekov'ya: tez. dokl. konf. SPb* [Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages: abstracts of the conference]. St. Petersburg: 1992. Pp. 18-19. [In Russian].
 16. Miller G. F. *Istoriya Sibiri. V. 2 tomakh. T. 1.* [The history of Siberia. In 2 volumes. Vol. 1.]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1937. 607 p. [In Russian].
 17. Nebolsin P. I. *Pokorenie Sibiri* [Conquest of Siberia]. Moscow: Veche Publ., 2014. 352 p. [In Russian].
 18. Nikitin N. I. *Sibirskaya epopeya XVII veka (nachalo osvoyeniya Sibiri russkimi lyud'mi).* [Siberian epic of the 17th century: The beginning of the development of Siberia by Russian people]. Moscow: Nauka, 1987. 176 p. [In Russian].
 19. Ogorodnikov V. I. *Ocherk istorii Sibiri do nachala XIX stol. Chast' II. Vyp. I. Zavoyevaniye russkimi Sibiri.* [Essay on the history of Siberia before the beginning of the XIX century. Part 2. Issue 1. Conquest of Siberia by the Russians]. Vladivostok:

- Типografiya Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1924. 108 p. [In Russian].
20. Okun S. B. *Ocherki po istorii kolonial'noy politiki tsarizma v Kamchatskom kraje [Essays on the history of the colonial policy of tsarism in the Kamchatka Territory]*. Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1935. 149 p. [In Russian].
 21. Rezun D. Ya. *Ocherki istorii izucheniya russkogo goroda kontsa XVI – pervoi poloviny XVIII veka [Essays on the history of the study of the Russian city of the end of the XVI – the first half of the XVIII century]*. Novosibirsk: Nauka. Publishing House SB RAS, 1982. 221 p. [In Russian].
 22. Skrynnikov R. G. *Sibirskaya ekspeditsiya Yermaka [Ermak's Siberian Expedition]*. Novosibirsk: Nauka. Publishing House SB RAS, 1982. 253 p. [In Russian].
 23. Slovtsov P. A. *Istoriya Sibiri. Ot Yermaka do Yekateriny II. [History of Siberia. From Ermak to Catherine II]*. Moscow: Veche Publ., 2006. 512 p. [In Russian].
 24. Trepavlov V. V. «*Belyy tsar'*»: *obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV-XVIII vv. [The "White Tsar": The image of the monarch and the idea of citizenship among peoples of Russia in the 15th – the 18th centuries]*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p. [In Russian].
 25. Trepavlov V. V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii [The Siberian Princes in the History of Russia]*. St. Petersburg: Publishing House of Oleg Abyshko, 2018. 496 p. [In Russian].
 26. Turaev V. A. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. Tom 2 [On the nature of banknotes in the publications of documents of Russian explorers of the 17th century. Vol. 2]. *Russkiye pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII – XIX vv. (Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya) [Russian pioneers in the Far East in the 17th - 19th centuries (Historical and archaeological research)]*. Vladivostok: 1995. Pp.154-169. [In Russian].
 27. Sherstova L. I. Aborigennaya politika Moskovskogo tsarstva v Sibiri: problema sinteza sotsial'no-politicheskikh institutov v XVII v. [Aboriginal policy of the Moscow kingdom in Siberia: the issue of the synthesis of social and political institutions in the 17th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 365. [Tomsk State University Journal of History. Issue 365]*. Tomsk: 2012. Pp. 93-97. [In Russian].
 28. Fisher I. E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoyevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiyem [Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons]*. St. Petersburg: 1774. 631 p. [In Russian].
 29. Shunkov V. I. Osnovnyye problemy izucheniya istorii Sibiri [The main issues of studying the history of Siberia]. *Voprosy istorii. Issue 9. 1960. Pp. 3-17.* [In Russian].
 30. Yadrintsev N. M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]*. St. Petersburg: I. M. Sibiryakov Publishing House, 1892. 720 p.

Сведения об авторе

Романов Дмитрий Анатольевич – магистрант кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (e-mail: dmitry-sylvestr@mail.ru).

Information about the Author

Romanov Dmitri Anatol'evich, master degree student of the Department of History and Archaeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (e-mail: dmitry-sylvestr@mail.ru).

ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Т. А. Тарунтаева

Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена армии Российской империи как многонационального и поликонфессионального по составу социального института. В отечественной историографии существует большое количество трудов, в которых изучалась и систематизировалась информация о вооруженных силах имперского периода, однако практически никем не затрагивался вопрос об имперском характере армии в собственном смысле. Целью настоящего исследования является анализ работ отечественных историков по этой проблеме. Были рассмотрены две группы трудов: общие фундаментальные работы об истории вооруженных сил Российской империи и статьи с «локальным подходом», посвященные отдельным социальным или этническим группам в армии. В результате проведенного анализа было выявлено, что в первых отсутствует концептуальное осмысление армии России как вооруженных сил империи, в них лишь «мимоходом» упоминается её гетерогенный этноконфессиональный состав. Вторая группа исследований представлена по большей части работами региональных исследователей и краеведов, представителями народов, о роли которых в армии они пишут. В основном это небольшие статьи, посвященные рассмотрению какого-то отдельного аспекта государственной политики в отношении способов комплектования армии в разные хронологические периоды, положению различных социальных групп в вооруженных силах. При этом большое внимание уделяется освещению роли того или иного народа в военных победах России. Для таких работ характерен субъективный подход, выражающийся в завышении роли своего народа и принижении значимости представителей других. Поэтому вопрос об армии Российской империи как о сложном по своей этноконфессиональной структуре институте до сих пор остается открытым вследствие недостаточной изученности и наличия неоднозначных подходов.

Ключевые слова: историография, армия, империя, государственное строительство, нации, народы.

THE REVIEW OF HISTORIOGRAPHY ON THE ISSUE OF ARMY FORMATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

T. A. Taruntaeva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of the army of the Russian Empire as a multi-ethnic and multi-confessional social institution. There is a large number of works that studied and systematized information about the armed forces of the Imperial period in Russian historiography. However, almost no one had touched upon the question of the Imperial character of the army in a proper sense. The purpose of this research is to analyze the works of Russian historians on this problem. It considered two groups of works: the general fundamental works on the history of the armed forces of the

Russian Empire and the articles with a "local approach" dedicated to individual social or ethnic groups in the army. As a result of the analysis, it was revealed that the first ones do not have a conceptual understanding of the Russian army as the armed forces of the Empire. They only mention its heterogeneous ethno-confessional composition "in passing". The second group of studies is mainly represented by the works of regional researchers and local historians, representatives of the peoples whose role in the army they write about. These are mainly small articles devoted to the consideration of a particular aspect of state policy in relation to the methods of recruitment of the army in different chronological periods, the position of various social groups in the armed forces. At the same time, these articles pay much attention to highlighting the role of a particular nation in Russia's military victories. Such works are characterized by a subjective approach, which is expressed in overestimating the role of one's own people and belittling the importance of representatives of others. Therefore, the question of the army of the Russian Empire as a complex institution in its ethno-confessional structure still remains open due to insufficient research and the presence of ambiguous approaches.

Key words: *historiography, army, empire, nation building, nations, peoples.*

Заголовок данной статьи требует пояснения. Мы попытаемся проанализировать изучение в исторической науке российской армии в контексте того, что она в период XVIII – начала XX вв. представляла собой важнейший институт империи. При этом термин «империя» в данной статье употребляется без всякой позитивной или негативной коннотации, а как научная категория, обозначающая обширное государство с сильной вертикалью власти, объединяющее в своих пределах различные в культурном, языковом, религиозном и этническом плане племена и народы. Ставился ли в исторической науке вопрос о формировании и функционировании этой армии, в которой, перефразируя А. С. Пушкина, должен был служить «всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык»?

Военно-историческая наука всегда привлекала внимание российских и советских историков. Однако в их работах рассматривалась в первую очередь «батальная» сторона вопроса: история сражений, войн, полководческого искусства, порядок организации и снабжения войск. Имперский же контекст армии почти не затрагивался учеными. Вопреки тому, что имперская армия не была однородной, обладая разноплеменным составом, предопределившим существование различных правил в порядке привлечения на службу и ее исполнения в зависимости от социальной, этнической и конфессиональной принадлежности населения, что в конечном итоге обеспечивало могущество государства. В связи с этим данная статья имеет своей целью рассмотреть и проанализировать существующую научную литературу по данной проблематике для ее концептуального осмысления.

Дореволюционная, эмигрантская и советская историография в лице ее ярчайших представителей дает немало примеров обобщающих работ по истории российской армии. Среди авторов, посвятивших себя этой проблематике, можно назвать: Д. Ф. Масловского, П. О. Бобровского, А. И. Михайловского-Данилевского, А. А. Керсновского, Л. Г. Бескровного и П. А. Зайончковского.

При этом отдельного внимания заслуживает 4-х томный труд А. А. Керсновского, над которым он работал в эмиграции в период с 1933 по 1938 годы [24]. Поэтому, ввиду отсутствия у автора возможности пользоваться архивными источниками и разнообразным историографическим материалом, его работа выглядит не совсем по-научному, представляя собой подробное публицистическое повествование, восходящее к далёким временам создания России великими князьями и заканчивая крушением Российской империи в 1917 году. Для автора история русской армии представляет собой «историю жизни... и дел русского народа», которая неотделима от военной истории и вооруженных сил страны [24]. Поэтому в данной монографии, А. А. Керсновский лишь мимоходом затрагивает те сюжеты, которые касаются именно имперского характера армии: «За этот десятилетний период [1805-1815 гг.] было поставлено не менее 800000 рекрут, не считая 300000 ополчения

Двенадцатого Года... под ружьем ... в первую половину царствования Императора Александра I находилось не менее 1500000 человек с казаками и ополчением (что составит 4 процента 40-миллионного населения страны)» [24]. Он не рассматривает ни порядок ее организации и комплектования, ни особенности ее функционирования, ни ее многонациональный состав, о котором мы можем догадаться только по упоминанию казаков. Но и для него они преданные представители русского народа. А. А. Керсновский и не ставит перед собой такой цели, так как для него история зиждется на трех столпах: вере в великий русский народ, царя и Отечество. Это монография националиста и монархиста, который пытается найти ответ на свой главный вопрос: Почему же империя прекратила свое существование, если она была так сильна?

Л. Г. Бескровный работает в рамках советской идеологической парадигмы. Тем не менее, если для историков 20-х годов было свойственно принижение роли армии вплоть до полного нивелирования ее значения, ратование за слабость вооруженных сил и империи, то для Л. Г. Бескровного армия – это слава и достояние России. Хотя автор рассматривает в своих фундаментальных трудах армию с точки зрения классового подхода и военно-экономического потенциала, он ставит своей целью показать: какое влияние это оказало на развитие военного искусства и экономическое развитие страны в целом? Поэтому помимо общих вопросов об организации, комплектовании и управлении армией и флотом, историком поднимаются отдельные аспекты боевой подготовки, рассматриваются общественно-политические движения, большое внимание уделяется военному искусству, материальному обеспечению, состоянию промышленности, транспорта и системы обороны, а также расходам на армию [8, 9]. Вследствие этого в данных монографиях гетерогенный состав армии хотя и проявляется в некоторых главах, но имеет форму только констатации, так как большее значение автор придает порядку организации и численному составу войск.

Монографии П. А. Зайончковского, несмотря на то, что писались в советское время, гораздо меньше грешат идеологическими клише. Собственно, благодаря этому его работы до сих пор остаются в багаже всех исследователей, занимающихся военной историей. В них автор рассматривает имперскую армию как в период великих реформ, так и во времена последующих изменений, вызванных сменой политического курса после убийства Александра II [20, 21]. Известный историк демонстрирует состояние войск и военного ведомства, начиная с их положения накануне преобразований и заканчивая войнами, в которых на практике можно проследить итоги произошедших изменений. П. А. Зайончковский освещает вопросы организации, комплектования и управления войсками, их боевой подготовки, численного состава и вооружения, а также системы военно-учебных заведений. При этом основная цель автора заключается в том, чтобы отразить: как характер самодержавной власти и политический курс влиял на российскую армию? Известный историк пытается всесторонне осветить предмет своего исследования, поэтому указывает на разношерстный национальный состав войск (в частности, когда идет повествование об иррегулярных частях и существующих изъятиях), затрагивает вопрос комплектования армии и офицерского корпуса по национальному признаку, процентного соотношения русских и «иностранцев», однако рассматривает в первую очередь «русскую армию». Так как для него именно коренное население было имперскообразующей нацией, силой и мощью страны. В связи с этим П. А. Зайончковский хотя и констатирует причины превосходства одних национальных меньшинств над другими, но не ставит перед собой задачу осмыслить их концептуально, демонстрируя читателю только статистические данные и численные характеристики представителей различных народов в армии [21, с. 196-202]. Так, например, мы узнаем, что «высокий процент немцев среди генералитета (до 14,7%) объясняется, с одной стороны, исконными симпатиями императорской фамилии к немцам, а особенно к остзейскому дворянству с времен Павла I и

Александра I. С другой стороны... значительное число офицеров немецкой национальности имело высшее военное образование» [21, с. 199]. Хотя в то же время историк упоминает о том, что Александр III наоборот был поборником всего русского [21, с. 199]. В итоге получается, что если в первой монографии [20] нет ответа на вопрос: почему вообще имперская армия была многонациональной, если количество подлежащих призыву превышало потребности государства [20, с. 270; 21, с. 119], - то во второй [21] мы видим основную причину существования данного феномена в «национально-шовинистических» взглядах Александра III, поддерживаемых потом Николаем II [21, с. 242]. Однако неясно почему такая позиция императоров выражалась в стремлении насильственной русификации инородцев, если можно было призывать на службу только русское население [18, с. 47, 199-203]. Более того автором делается вывод, что разноплеменный состав был одной из причин ослабления русской армии [21, с. 291], хотя столетия до этого империя активно привлекала к военной службе представителей национальных меньшинств, участвовавших в различных кампаниях и внёсших свою лепту в её великие виктории.

Так почему же армия развалилась? Вследствие своей деморализации, вызванной тяготами и поражением в Первой мировой войне, вследствие которой практически исчез надежный кадровый состав в войсках, а в умах только что призванных солдат витала мысль о «черном переделе» земли [18, с. 198]. Ослабленная армия уже не могла встать на защиту империи, поэтому произошла социальная революция, и монархия канула в пропасть.

Но почему же и после революции 1917 года не появилось ни одной работы, где бы исследователи попытались концептуально осмыслить феномен имперской армии и рассмотреть ее социокультурный аспект? Дело в том, что авторы жили в мощной и сильной стране. И пока все было хорошо, что в Российской империи, что в СССР, который продлил время существования империи и стал своеобразной формой ее нового воплощения, никто не задумывался о возможности распада государства. И тем более не связывал эти события с армией.

Поэтому только в постсоветской историографии, после распада СССР и появления ряда трудов зарубежных авторов (А. Каппелер, Д. Ливен), пытающихся концептуально осмыслить проблемы империи и национализма, этой теме также начинают касаться и отечественные исследователи. Поэтому возникает ряд работ, посвящённых разным аспектам имперского строительства. Так В. В. Трепавлов рассматривает национальную политику государства, надэтничность как важнейшую черту империи, задачу инкорпорации народов в государственные структуры и отношение иноверцев к власти, но при этом он практически не обращается к важнейшему имперскому институту – армии, через который во многом и обеспечивалась их интеграция [43]. И. Г. Дуров изучает процесс организации чиновничества в армии эпохи Петра I, и так как в период становления Российской империи наблюдался массовый найм иностранцев, автор в рамках своего исследования невольно касается рассмотрения различных социально-этнических групп и феномена иностранцев в армии Российской империи [16]. В статье Д. Г. Целорунго [44] и монографии С. В. Волкова [13], посвящённых сбору рекрут, нижним чинам и офицерскому корпусу, в поле зрения исследователей попадает краткий обзор их национального, конфессионального и социального составов. М. И. Ивашко в своей статье рассматривает религиозную политику государства и взаимоотношение русских и иноверцев в армии и на флоте, однако его работа представляет собой краткий обзор с протяженными хронологическими рамками от Петра I до Николая II, уходящими в современную Россию, поэтому в ней можно ознакомиться лишь с процентным соотношением представителей нижних чинов из различных конфессий, а также с положением и особенностями работы неправославного духовенства в воинских частях [22]. Кроме того, отдельный интерес представляют работы, где авторами демонстрируется участие различных народов

России в знаковых исторических событиях истории нашей страны, в частности статья Л. В. Выскочкова, в которой показывается национальный характер Отечественной войны 1812 года и совместное участие на полях сражений представителей различных народов империи [14].

Остальную научную литературу составляют в основном статьи небольшого объема без концептуального осмысления, изучающие в отдельности феномен какой-то определенной социальной или этнической группы в армии Российской империи. Так, исследованием статуса иностранцев в России, а также порядка привлечения и принятия их на русскую службу вместе с особенностями присвоения им офицерских званий и назначением жалования занимались Р. В. Рыбак [38], О. И. Куприянова [25] и И. Г. Дуров [19]. При этом данные авторы отдельно коснулись вопроса о причинах, подтолкнувших к этому военное ведомство, проследили как изменилась динамика государственной политики в данном вопросе и каковы были её результаты.

Можно выделить целый круг научных работ, имеющих регионально-этническую компоненту. Они концентрируются вокруг местных исследовательских центров гуманитарного профиля в автономных республиках и краях, где компактно проживает определенная этническая общность. Поэтому вполне естественно, что для них свойственен комплиментарный характер. Нет концептуального анализа феномена армии в империи, большее внимание уделяется героизму и военным подвигам «нашего народа».

В эту парадигму попадает целый комплекс исследований, посвященных истории казачьего сословия. В работах Е. И. Лаптевой, Л. П. Рожковой [28], Д. Н. Соловьева, В. А. Чернухина [39], Е. И. Рудых [37] и И. А. Суздальцевой [40] можно проследить не только особенности устройства казачьих военных формирований, историю участия казаков в регулярных и иррегулярных частях, но и характер их взаимоотношений с русским населением, инородцами и иноверцами империи. И вообще убедиться в том, что казачество – главная сила и слава имперской армии.

Конечно, ещё можно найти круг работ, которые отдельно показывают татар, калмык, башкир и представителей других национальностей как часть имперской государственности России и её армии. Однако для них характерен узколокальный подход, и почти все они несут отпечаток национальной принадлежности своих авторов, их любви к своему народу. Поэтому их труды не всегда характеризуются высокой степенью объективности и беспристрастности, часто имеют целью возвеличить роль именно своей этнической группы в имперских структурах.

Так, исследованием положения татарского населения в России и в её вооруженных силах занимался историк И. Р. Габдуллин, который в монографии «От служилых татар к татарскому дворянству» дает характеристику различных групп татарского народа, выделяя их как по религиозному (крещенных и мусульман), так и по территориальному признакам (татары Касимовского ханства и Касимовского уезда, Мещерского края, Казанского, Хлыновского, Уфимского, Романовского и Ярославского уездов). При этом автор подробно повествует о порядке привлечения татар на службу, об особенностях ее организации (в части распределения новобранцев, осуществления чинопроизводства и др.), а также рассматривает процесс интеграции этого народа в имперское общество [15]. Замечает, что именно от татарских предков ведут свою родословную многие известные русские дворяне, которые «на протяжении десятилетий играли видную роль в жизни страны [15, с. 4]. Существует и ряд работ по проблематике инкорпорации крымских татар и исследованию форм их участия в имперской армии в различные временные периоды, к которым можно отнести статьи В. Е. Возгринна [12], А. А. Бобкова [10] и Х. М. Абдуллина [2]. Авторы также указывают, что, несмотря на краткое существование их национальных военных формирований и мятежи, они «принесли

существенную пользу государству» и воспитали национальные офицерские кадры, оказавшие неоценимую помощь России [10, с. 7].

Изучением участия калмыцкого народа в вооруженных силах империи занимались Т. И. Беликов [7], Д. А. Сусеева [41], Е. Чонов [45], М. Р. Яфарова [47] и другие авторы, тоже по большей части калмыцкого происхождения. При этом среди них работы Т. И. Беликова и Е. Чонова представляют наибольший интерес, так как эти исследователи не только дают краткие сведения об истории калмыцкого народа, рассматривают этап его вхождения в состав Российской империи вместе с особенностями государственной политики и возникшие дифференциации в структуре этого народа, но также повествуют о порядке привлечения калмык на службу, специфике её организации. И конечно же от их внимания не ускользает освещение множества военных кампаний империи, пополнившихся представителями этого народа, оказавшего колоссальную помощь в военных победах России, борясь за независимость и славу Родины [7].

В группу исследователей службы башкирского населения России вошли такие историки как Р. Н. Рахимов [33-36], А. В. Лямзин [30] и С. Г. Астафуллин [5]. Вместе с тем многочисленны работы Р. Н. Рахимова [33-36] и С. Г. Астафуллина [5] имеют наиболее системный характер, так как их авторы наряду с рассмотрением участия башкир во внешнеполитических мероприятиях России, уделяют большое внимание интеграционной политике государства, ее перегибам и сложностям взаимоотношений башкир и русского населения, а также прослеживают процесс произошедших изменений в национальном курсе правительства, который предопределил кардинальные перемены в отношении этого народа к коренному населению империи и трансформацию образа башкир в сознании русского человека. Однако облик башкир во многом тоже является проекцией их авторов, для которых они предстают не только отличными воинами, но и «рыцарями без страха и упрёка», которые готовы бороться с врагами, имея только лук и стрелы, способны на истинное самопожертвование, сочувствие и помощь.

Также стоит отметить, что все вышеперечисленные авторы, проникнутые любовью к своему народу, обычно всегда затрагивают вопрос о существовании множества сложностей во взаимоотношениях отдельных народов с имперской властью, повествуют о восстаниях «угнетаемых и притесняемых». Однако никто не отвечает на вопрос: как должна была действовать империя, привлекая разноплеменное население на русскую службу, чтобы в дальнейшем избежать потрясений? Почему в одном случае политика правительства приводила к появлению лояльных частей, в другом – к интеграции инородцев, и в третьем – к фатальным последствиям?

Историки-представители других азиатских народов России практически отсутствуют, поэтому и работ о службе тептярей, мещеряков, эвенков и тунгусов и других инородцев крайне мало. Так изучением процесса включения в имперские структуры других народов юго-востока через доминанту военного фактора составили лишь небольшие статьи Т. Е. Шагжиевой [46], С. Е. Калинина [23] и Р. Н. Рахимова [33], которые представляют собой краткий экскурс в историю существования этих народов в составе Российской империи и их участия в военных структурах страны.

Подобная ситуация обстоит и с греками, сербами, молдаванами, представителями других балканских народов. Нет административно-территориальных образований, соответственно не существует научно-исследовательских структур (институтов или академий) – нет и работ, рассматривающих представителей этих народов в армии империи. Поэтому обзором положения в России переселенцев из балканских народов (сербов, греков и др.), их особого устройства в Новороссийском крае и анализом их специфических военных формирований вместе с отличительными способами комплектования

занимались только В. А. Артамонов [3], С. Ю. Танин [42], С. А. Пинчук [32] и Г. Л. Арш [4].

Отдельную группу образуют историки, повествующие о службе в русской армии евреев. Так как учёных-евреев было много, особенно в советское время, то работы, посвящённые жизни еврейского народа в России и его участию в армии империи, очень многочисленны. Однако все они условно делятся на две группы, в которых проводятся две диаметрально противоположные мысли: 1) как ужасно угнетала Россия евреев и издевалась над ними (С. М. Гинзбург [16], А. Е. Локшин [29] и др.); 2) государственная политика была хотя и жесткой, но по-своему оправданной, именно благодаря привлечению евреев к военной службе, представители этого сообщества включались в модернизационные процессы, гражданские структуры империи и преодолевали социальную и культурную изоляцию (Й. Петровский-Штерн [31]). Все они освещают проводимую в отношении этого народа государственную политику вместе с рассмотрением процесса его вхождения в военные структуры империи. Тем не менее наибольшую ценность представляет труд Й. Петровского-Штерна «Евреи в русской армии: 1827—1914», изучающего объективно не только интеграцию евреев через вооруженные силы империи, но и феномен русской армии в жизни всего еврейского народа [31].

Немногочисленны и работы, посвящённые службе поляков и финнов в армии Российской империей. Так, процесс привлечения поляков в военные структуры империи рассматривают А. В. Ващенко [11] и Д. Г. Дмитриев [17], уделяя особое внимание способам комплектования вооруженных сил империи, а также характеристике состояния и организации Польской армии. Положение финского народа в имперской армии представлено лишь одной работой В. В. Лапина «Финляндия в военной системе Российской империи», где автор всесторонне рассматривает статус княжества Финляндского и различные формы участия его населения в вооруженных силах России [27].

Тем не менее комплексным исследованием Российской империи и ее армии стали заниматься западные коллеги. Так, Д. Байрау в своей работе впервые поднимает вопрос о национализации империи и ее армии, рассматривает существующие сложности, гибкость имперской политики. А также приходит к выводу, что именно разложение вооруженных сил стало одной из причин поражений в Первой мировой войне, вызвало революцию 1917 года и крушение монархии. Интересно также его замечание, что, несмотря на интернациональный характер новой советской власти, она продолжит имперскую политику, выразившуюся в полиэтничности Рабоче-крестьянской красной армии, а затем в «создании культа военного дела и власти» [6, с. 36]. Сходной позиции придерживается и историк А. Рибер, заявляя, что понятия «империя» и «национализация», как это ни странно, неотделимы. И важнейшей модернизационной категорией любой империи, обеспечивающей процесс национализации и могущество имперской государственности, является армия [1, с. 593-594].

И благодаря появлению ряда работ западных коллег, пытающихся по-новому рассмотреть эту проблематику, поставить вопрос о необходимости более глубокого осмысления данной темы, стало выкристаллизовываться новое направление, занимающееся изучением Российской империи как феноменального института, способного проводить гибкую политику и воплощать глобальные задачи. Начало этому положила статья В. В. Лапина «Армия империи – империя в армии...», в которой автор заявляет об уникальности имперского государственного строительства и огромных адаптационных возможностях империи, что непосредственно находит свое отражение в армии, превращая ее из «инструмента внешней политики в инструмент внутренней» [26, с. 109-110]. Стали появляться работы А. И. Миллера, исследующие феномен империи и происходящие в ней процессы национализации.

Но вопреки всему, вопрос о причинах, лежащих в основе имперской политики, об ее характере и результатах до сих пор остаётся открытым и требует концептуального осмысления.

Список источников и литературы

1. Alexei Miller, Stefan Berger (eds.). *Nationalizing Empires*. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p.
2. Абдуллин Х. М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 1. С. 49-54.
3. Артамонов В. А. Сербь и турецко-русская война 1710-1713 гг. // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 333-341; то же [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17937472> (дата обращения: 12.06.2020).
4. Арш Г. Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // *Советская этнография*. 1969. № 3. С. 85-95; то же [Электронный ресурс]. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1969/Arsh_1969_3.pdf (дата обращения 12.06.2020).
5. Астафуллин С. Г. *Северные амуры в Отечественной войне 1812 года*. Уфа: Полиграфкомбинат, 2000. 116 с.
6. Байрау Д. Империя и ее армия // *Новый часовой*. 1997. № 5. С. 19-39.
7. Беликов Т. И. *Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII–начало XIX вв.)*. Элиста: Калмыцкое гос. изд-во, 1965. 180 с.
8. Бескровный Л. Г. *Русская армия и флот в XIX веке* / Акад. наук СССР; Ин-т истории. М. : Воениздат, 1958. 611 с.
9. Бескровный Л. Г. *Русская армия и флот в XVIII веке* / Акад. наук СССР; Ин-т истории. М. : Воениздат, 1958. 645 с.
10. Бобков А. А. *Таврические конные дивизионы: к истории крымских татарских иррегулярных формирований Российской императорской армии в 1784-1796 гг.* // *Военно-исторический журнал: интернет-приложение*. 2006. № 2. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bobkov.pdf> (дата обращения: 12.06.2020).
11. Ващенко А. В. *Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи, 1815-1830 гг.* : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ващенко Андрей Владимирович. М., 2000. 182 с.
12. Возгрин В. Е. Крымские татары в Отечественной войне 1812 г. // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2013. № 10. С. 25-34; то же [Электронный ресурс]. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/10_2013/2013_10_Vozgrin_V_E_-_Krymskie_tatary_v_Otechestvennoj_vojne_1812_g.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
13. Волков С. В. *Русский офицерский корпус*. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.
14. Выскочков Л. В. «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: народы России в Отечественной войне 1812 года // *Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–12 сентября 2012 г.)* / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста, 2012. С. 18-24.
15. Габдуллин И. Р. *От служилых татар к татарскому дворянству*. М.: Изд. Р. Ш. Кудашев, 2006. 317 с.
16. Гинзбург С. М. *Отечественная война 1812 года и русские евреи*. СПб. : Разум, 1912. 144 с.
17. Дмитриев Д. Г. Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации) [Электронный ресурс] // *Славянский альманах*. 2014. № 1-2. С. 134-141.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyaki-na-sluzhbe-v-tsarskoj-armii-pakanine-pervoy-mirovoj-voyny-k-voprosu-o-vektore-sotsialnoj-motivatsii> (дата обращения: 12.06.2020).

18. Дурново П. Н. Записка П. Н. Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 178-199.
19. Дуров И. Г. Организация военного чиновничества в русской регулярной армии и военно-морском флоте в эпоху Петра Великого // Меншиковские чтения: научный альманах. 2013. № 4 (11). С. 71-124.
20. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. 368 с.
21. Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. М. : Мысль, 1973. 351 с.
22. Ивашко М. И. Межконфессиональный мир в армии и на флоте: исторический опыт // Журнал Личной, Национальной и Коллективной Безопасности. 2004. № 3. С. 566-573.
23. Калинин С. Е. Тенгярские казаки в эпоху Наполеоновских войн. 1805-1815 гг. [Электронный ресурс] // Военно-исторический форум. 2012. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_01.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
24. Керсновский А. А. История русской армии. В 4 т. М. : Голос, 1999; то же [Электронный ресурс] // Милитера: военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (дата обращения: 12.06.2020).
25. Куприянова О. И. Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // Вестник Московского университета. Сер., Право. 2008. № 5. С. 78-90.
26. Лапин В. В. Армия империи, империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX вв. // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 109-140.
27. Лапин В. В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 98-120; то же [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finlyandiya-v-voennoy-sisteme-rossiyskoj-imperii> (дата обращения: 12.06.2020).
28. Лаптева Е. В., Рожкова Л. П. К вопросу об истории российского казачества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. № 4. С. 60-67; то же [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-rossiyskogo-kazachestva> (дата обращения: 12.06.2020).
29. Локишин А. Е. Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I // Вопросы истории. 2012. № 7. С. 77-85.
30. Лямзин А. В. «Энциклопедия башкирской военной жизни» // Историческая экспертиза. 2015. № 1 (2). С. 67-71. Рец. на кн.: На службе «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. / Р. Н. Рахимов. М.: РИСИ, 2014. 554 с.
31. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 556 с.
32. Пинчук С. А. Греки Российской империи в войне 1812 года // Архивы Украины. 2012. № 5. URL: <https://secrethistory.su/1486-greki-rossiyskoj-imperii-v-vojne-1812-goda.html> (дата обращения: 12.06.2020).
33. Рахимов Р. Н. Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII в. как фактор интеграции в империю // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 229-247.
34. Рахимов Р. Н. Поход башкирской команды в Польшу в 1771 году // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 1. С. 160-164.
35. Рахимов Р. Н. Участие башкир в русско-шведской войне 1788-1790 гг. [Электронный ресурс] // Военно-исторический форум. URL:

- http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Raximov_07.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
36. Рахимов Р. Н. Эволюция вооружения башкирской конницы в эпоху наполеоновских войн [Электронный ресурс] // Военно-исторический форум. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Raximov_02.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
 37. Рудых Е. И. Взаимоотношение русских казаков с местным населением в ходе освоения Восточной Сибири (первая половина XVII в.) // Байкальская Сибирь в военной истории России: материалы студ. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 25 марта 2016 г.). Иркутск, 2016. С. 18-23.
 38. Рыбак Р. В. Иностранцы на службе в армии России в XVII – XVIII вв. [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по материалам VIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 8. URL: sibac.info/archive/humanities/8.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
 39. Соловьев Д. Н., Чернухин В. А. Участие казаков в регулярных войсках России в дореформенный период [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 1. С. 116-122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18939123>.
 40. Суздальцева И. А. Основание, социальная организация и население российского города-крепости Святой Крест (20-30-е гг. XVIII в.) [Электронный ресурс] // Известия ДГПУ. 2016. Т. 10, № 2. С. 14-19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovanie-sotsialnaya-organizatsiya-i-naselenie-rossiyskogo-goroda-kreposti-svyatoy-krest-20-30-e-gg-xviii-v> (дата обращения: 12.06.2020).
 41. Сусеева Д. А. Об участии калмыков в походах русской армии // Участие народов России в Отечественной войне 1812 года: материалы Всероссийской научной конференции. Элиста, 2012. С. 106-114.
 42. Танин С. Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009. 301 с. (Русские за границей)
 43. Трепавлов В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI-XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2, № 1. С. 60-73.
 44. Целорунго Д. Г. Социальный и антропологический облик рекрутов российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс] // Военно-исторический форум. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Celoryngo_08.pdf (дата обращения: 12.06.2020).
 45. Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год: очерк, статьи, биография. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2006. 72 с.
 46. Шагжиева Т. Е. Роль бурят и эвенков в истории сибирского казачества // Байкальская Сибирь в военной истории России: материалы студ. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 25 марта 2016 г.). Иркутск, 2016. С. 36-39.
 47. Яфарова М. Р. Об участии калмыков в Чигиринском походе 1678 г. [Электронный ресурс] // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 640-646. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25470244> (дата обращения: 12.06.2020).

References

1. Alexei Miller. *Nationalizing Empires*. Budapest ; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p.

2. Abdullin K. M. Voinskaya sluzhba krymskikh tatar v Rossiyskoy imperii [Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal. № 1* [Military History Journal. Issue 1]. 2007. Pp. 49-54. [In Russian].
3. Artamonov V. A. Serby i turetsko-russkaya voyna 1710-1713 gg. [Serbians and Turkish-Russian war 1710-1713]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]* Vol. 13. Issue 3(2). 2011. Pp. 333-341. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17937472> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
4. Arsh G. L. Grecheskaya emigratsiya v Rossiyu v kontse XVIII – nachale XIX v. [Greek emigration to Russia in the late 18th - early 19th centuries]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*. Issue 3. 1969. Pp. 85-95. Available at: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1969/Arsh_1969_3.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
5. Astafullin S. G. *Severnyye amury v Otechestvennoy voyne 1812 goda [Northern Amurs in the Patriotic War of 1812]*. Ufa: Poligrafkombinat Publ., 2000. 116 p. [In Russian].
6. Bairau D. Imperiya i yeye armiya [The Empire and its army]. *Novyy chasovoy* Issue 5. 1997. Pp. 19-39. [In Russian].
7. Belikov T. I. *Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashei Rodiny (XVII -nachalo XIX v.) [Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland (17th -early 19th century)]*. Elista: Kalmytskoye gos. izd-vo Publ., 1965. 180 p. [In Russian].
8. Beskrovny L. G. *Russkaya armiya i flot v XIX veke [The Russian Army and Fleet in the Nineteenth Century]*. Institute of Russian History RAS. Moscow: Voenizdat Publ., 1958. 611 p. [In Russian].
9. Beskrovny L. G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke [The Russian Army and Fleet in the 18th Century]*. Institute of Russian History RAS. Moscow: Voenizdat Publ., 1958. 645 p. [In Russian].
10. Bobkov A. A. Tavricheskiye konnyye diviziony: k istorii krymskikh tatarskikh irregulyarnykh formirovaniy Rossiyskoy imperatorskoy armii v 1784-1796 gg. [Taurida cavalry divisions: to the history of the Crimean Tatars irregular formations of the Russian Imperial Army in 1784-1796]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal: internet-prilozheniye*. Issue 2. 2006. Available at: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bobkov.pdf> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
11. Vaschenko A. V. *Pravovoy status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii, 1815-1830 gg: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 [The legal status of the polish kingdom within the russian empire (1815-1832): Thes. ... Cand. Law Sciences: 12.00.01]*. Moscow: 2000. 182 p. [In Russian].
12. Vozgrin V. E. Krymskiye tatory v Otechestvennoy voyne 1812 g. [The Crimean Tatars in the Patriotic war of 1812]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni [Transactions of the Chair of Modern and Current History]*, Issue 10. 2013. Pp. 25-34. *Ibid* Available at: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/10_2013/2013_10_Vozgrin_V_E_-_Krymskie_tatory_v_Otechestvennoj_vojne_1812_g.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].

13. Volkov S. V. *Russkij oficerskij korpus [Russian officer corps]*. Moscow: Tsentrpoligraph Publ., 2003. 414 p. [In Russian].
14. Vyskochkov L. V. «Voyna teper' ne obyknovennaya, a natsional'naya»: narody Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 goda [«War is now not ordinary, but national»: the people of Russia in Patriotic war of 1812]. *Materialy Vserossiyskoy nauch-noy konferentsii (g. Elista, 11–12 sentyabrya 2012 g.) [Proc. All-Russian Scientific Conference (Elista, September 11-12, 2012)]*, executive editor N.G. Ochirova. Elista: 2012. Pp. 18-24.
15. Gabdullin I. R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From the military Tatars to the Tatar nobility]*. Moscow: R. Sh. Kudashev Publ., 2006. 317 p. [In Russian].
16. Ginzburg S. M. *Otechestvennaya vojna 1812 goda i russkie evrei [Patriotic War of 1812 and Russian Jews]*. St Petersburg: Razum Publ., 1912. 144 p. [In Russian].
17. Dmitriev D.G. Polyaki, sluzhivshiye v tsarskoy armii nakanune Pervoy mirovoy voyny (k voprosu o vektore sotsial'noy motivatsii) [The Poles serving in the tsarist army on the eve of the First World War (on the question of the vector of social motivation)]. *Slavyanskiy al'manakh [Slavic Almanach]*. Issues 1-2. 2014. Pp. 134-141. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyaki-na-sluzhbe-v-tsarskoy-armii-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny-k-voprosu-o-vektore-sotsialnoy-motivatsii> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
18. Durnovo P. N. Zapiska [Note]. *Krasnaya Nov'*. Issue 6. 1922 Pp. 178-199. [In Russian]
19. Durov I. G. Organizatsiya voyennogo chinoproizvodstva v russkoy regulyarnoy armii i voyenno-morskom flote v epokhu Petra Velikogo [Organization of military rank production in the Russian regular army and navy in the era of Peter the Great]. *Menshikovskiy chteniya: nauchnyy al'manakh [Menshikov memorial readings: The scientific almanac]*. Issue 4 (11). 2013. Pp. 71-124. [In Russian]
20. Zayonchkovsky P. A. *Voyennyye reformy 1860-1870 godov v Rossii [Military Reforms of 1860-1870 in Russia]*. Moscow: MSU Publ., 1952. 368 p. [In Russian].
21. Zayonchkovsky P. A. *Samoderzhaviye i russkaya armiya na rubezhe XIX-XX stoletiy. 1881-1903. [Autocracy and the Russian army at the turn of the 19th - 20th centuries. 1881-1903]*. Moscow: Mysl' Publ., 1973. 351 p. [In Russian].
22. Ivashko M. I. Mezkhkonnessional'nyy mir v armii i na flote: istoricheskiy opyt [Interreligious world in the army and navy: historical experience]. *Zhurnal Lichnoy, Natsional'noy i Kollektivnoy Bezopasnosti*. Issue 3. 2004. Pp. 566-573. [In Russian].
23. Kalinin S. E. Teptyarskiye kazaki v epokhu Napoleonovskikh voyn. 1805-1815 gg. [Teptyar Cossacks in the era of the Napoleonic wars. 1805-1815]. *Voyenno-istoricheskiy forum*, 2012. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_01.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
24. Kersnovsky A. A. *Istoriya russkoy armii. V 4 t. [The History of the Russian Army. In 4 volumes]*. Moscow: Golos Publ., 1999. Ibid available at: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
25. Kupriyanova O. I. Inostrantsy na gosudarstvennoy sluzhbe v Rossii v XVIII v.: pravovoy status [Foreigners in the public service in Russia in the 18th century: legal status]. *Vestnik MGU. Seriya pravo [Vestnik MSU. Law series]*, Issue 5. 2008. Pp. 78-90. [In Russian].

26. Lapin V. V. Armiya imperii, imperiya v armii: organizatsiya i kompletovaniye vooruzhennykh sil Rossii v XVI – nachale XX vv. [The army of the empire – the empire in the army: the organization and recruitment of the armed forces of Russia in the 16th – early 20th centuries]. *Ab Imperio*. Issue 4. 2001. Pp. 109-140. [In Russian].
27. Lapin V. V. Finlyandiya v voyennoy sisteme Rossiyskoy imperii [Finland in the military system of the Russian Empire]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal [Petersburg historical journal]*. Issue 1. 2014. Pp. 98-120. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/finlyandiya-v-voennoy-sisteme-rossiyskoy-imperii> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
28. Lapteva E. V., Rozhkova L.P. K voprosu ob istorii rossiyskogo kazachestva [To the question of the history of the Russian Cossacks]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]*. Issue 4. 2012. Pp. 60-67. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-rossiyskogo-kazachestva> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
29. Lokshin A. E. Rekrutskaya povinnost' i obrashcheniye yevreyev v khristianstvo pri Nikolaye I [Recruiting and the conversion of Jews to Christianity under Nicholas I]. *Voprosy istorii*. Issue 7. 2012. Pp. 77-85. [In Russian].
30. Lyamzin A. V. Entsiklopediya bashkirskoy voyennoy zhizni [Encyclopedia of Bashkir Military Life]. *Istoricheskaya ekspertiza [The Historical Expertise]*. Issue 1 (2). Pp. 67-71, 2015. Retsenziya na kn.: Na sluzhbe «Belogo tsarya» Voyennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v. [Review of the book: In the service of the "White Tsar". Military service of non-Russian peoples of the southeast of Russia in the 18th - first half of the 19th centuries]. Moscow: RISS Publ., 2014. 554 p. [In Russian].
31. Petrovsky-Shtern Y. *Yevrei v russkoy armii: 1827–1914*. [Jews in the Russian Army, 1827-1917]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2003. 556 p. [In Russian]
32. Pinchuk S. A. Greki Rossiyskoy imperii v voyne 1812 goda [The Greeks of Russian Empire in the War of 1812 year]. *Arkhivy Ukrainy [Archives of Ukraine]*. Issue 5. 2012. Available at: <https://secrethistory.su/1486-greki-rossiyskoy-imperii-v-voyne-1812-goda.html> (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
33. Rakhimov R. N. Voyennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII v. kak faktor integratsii v imperiyu [Military service of non-Russian peoples of South-Eastern. Russia in the 18th century as a factor of integration into empire]. *Problemy natsional'noy strategii [National Strategy Issues]*. Issue 3 (30). 2015. Pp. 229-247. [In Russian].
34. Rakhimov R. N. Pokhod bashkirskoy komandy v Pol'shu v 1771 godu [Campaign bashkir command in poland in 1771]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]*. Vol. 12. Issue 1. 2007. Pp. 160-164. [In Russian].
35. Rakhimov R. N. Uchastiye bashkir v russko-shvedskoy voyne 1788-1790 gg. [Participation of the Bashkirs in the Russian-Swedish war of 1788-1790]. *Voyenno-istoricheskiiy forum*. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Raximov_07.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
36. Rakhimov R. N. Evolyutsiya vooruzheniya bashkirskoy konnitsy v epokhu napoleonovskikh voyn [The evolution of the armament of the Bashkir cavalry in the

- era of the Napoleonic wars]. *Voyenno-istoricheskiy forum*. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Raximov_02.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
37. Rudykh E. I. Vzaimootnosheniye russkikh kazakov s mestnym naseleniyem v khode osvoyeniya Vostochnoy Sibiri (pervaya polovina XVII v.) [The Relationship of Russian Cossacks with the local population during the development of Eastern Siberia (first half of the 17th century)]. *Baykal'skaya Sibir' v voyennoy istorii Rossii: materialy stud. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 25 marta 2016 g.)* [Baikal Siberia in the military history of Russia: materials stud. scientific-practical conf. (Irkutsk, March 25, 2016)]. Irkutsk: 2016. Pp. 18-23. [In Russian].
38. Rybak R. V. Inostrantsy na sluzhbe v armii Rossii v XVII – XVIII vv. [Foreigners serving in the Russian army in the 17th - 18th centuries]. *Nauchnoye soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnyye nauki: sb. st. po materialam VIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. № 8* [Scientific community of students of the XXI century. Humanities: a collection of articles based on the materials of the VIII Intern. student scientific-practical. conf. No. 8.]. Available at: sibac.info/archive/humanities/8.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].
39. Soloviev D. N., Chernukhin V. A. Uchastiye kazakov v regulyarnykh voyskakh Rossii v doreformenny period [Cossacks in Russia's regular military campaigns during the pre-Reform period]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. Vol. 4. Issue 1. 2013. Pp. 116-122. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18939123> [In Russian].
40. Suzdaltseva I. A. Osnovaniye, sotsial'naya organizatsiya i naseleniye rossiyskogo goroda-kreposti Svyatoy Krest (20-30-ye gg. XVIII v.) [Founding, Social Organization and Population of Svyatoy Krest, the Russian Fortress Town (20-30s of the 18th century)]. *Izvestiya DGPU*. Vol. 10. Issue 2. 2016. Pp. 14-19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovanie-sotsialnaya-organizatsiya-i-naselenie-rossiyskogo-goroda-kreposti-svyatoy-krest-20-30-e-gg-xviii-v> (accessed: 12. June 2020). [In Russian].
41. Suseeva D. A. Ob uchastii kalmykov v pokhodakh russkoy armii. *Uchastiye narodov Rossii v Otechestvennoy voyne 1812 goda: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Participation of the peoples of Russia in the Patriotic War of 1812: materials of the All-Russian scientific conference]. Elista: 2012. Pp. 106-114. [In Russian].
42. Tanin S. Yu. *Russkiy Belgrad [Russian Belgrade]*. Moscow: Veche Publ., 2009. 301 p. [In Russian].
43. Trepavlov V. V. "Nacional'naja politika" v mnogonacional'noj Rossii XVI–XIX vekov ["National Policy" in the Multinational Russia dated 16th –19th Centuries]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologia istorii [Historical Psychology & Sociology]*. Vol. 2, Issue 1. 2009. Pp. 60-73. [In Russian].
44. Tselorungo D. G. Sotsial'nyy i antropologicheskiy oblik rekrutov rossiyskoy armii epokhi Otechestvennoy voyny 1812 goda [Social and anthropological appearance of the Russian army recruits during the Patriotic War of 1812]. *Voyenno-istoricheskiy forum*. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Celoryngo_08.pdf (accessed: 12 June 2020). [In Russian].

45. Chonov E. Ch. *Kalmyki v russkoy armii XVII v., XVIII v. i 1812 god: ocherk, stat'i, biografiya. 2-ye izd.* [Kalmyks in the Russian Army, 17th century, 18th century and 1812 Essay, Articles, Biography. 2nd ed.]. Elista: Kalmytskoye gos. izd-vo Publ., 2006. 72 p. [In Russian].
46. Shagzhiyeva T. E. Rol' buryat i evenkov v istorii sibirskogo kazachestva [The role of Buryats and Evenks in the history of the Syberian Cossacks]. *Baykal'skaya Sibir' v voyennoy istorii Rossii: materialy stud. nauch.-prakt. konf (g. Irkutsk, 25 marta 2016 g.)* [Baikal Siberia in the military history of Russia: materials of student scientific-practical conference (Irkutsk, March 25, 2016)]. Irkutsk: 2016. Pp. 36-39. [In Russian].
47. Yafarova M. R. Ob uchastii kalmykov v Chigirinskom pokhode 1678 g. [The role of the Kalmyks in the Chigirin campaign of 1678]. *Rus', Rossiya, Sredniye veka i Novoye vremya*. Issue 4. 2015. Pp. 640-646. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25470244> (accessed: 12 June 2020).

Сведения об авторе

Тарунтаева Тамара Александровна –
магистрантка кафедры истории и
археологии ФГБОУ ВО «Тулский
государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: kir.tspu@mail.ru).

Information about the Author

Taruntaeva Tamara Aleksandrovna,
master degree student of the Department of
History and Archaeology of the
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: kir.tspu@mail.ru).

РОССИЯ И МИССИЯ МОРГАНА ШУСТЕРА В ИРАН

А. В. Макутчев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу отношения российской дипломатии к пребыванию в Иране в 1911 г. американского финансового советника Моргана Шустера. Шустер был приглашен иранским парламентом на завершающей стадии Конституционной революции для восстановления финансовой и налоговой систем государства. Для реализации этих задач Шустер начал проведение независимой политики, вызвавшей негативную реакцию со стороны иностранных держав, в первую очередь России. Шустер инициировал реформы всей финансовой системы Ирана, что неизбежно привело к его вовлечению в политические интриги. Политика Шустера противоречила российским интересам в Иране, которые были закреплены в 1907 г. в соглашении с Англией о разделе Ирана на сферы влияния. Автор анализирует основные мероприятия Шустера, их трактовку в историографии и последствия для истории Ирана, а также роль российской дипломатии в увольнении Шустера. В частности, на основе анализа научной литературы, как отечественной, так и зарубежной, а также воспоминаний Шустера, автор приходит к выводу, что неудачу миссии Шустера предопределило его стремление проводить независимую от России и Англии политику в условиях, когда Иран фактически был полуколонией этих держав: действия Шустера были способны нарушить установленный в 1907 г. паритет держав. В исторической перспективе миссия Шустера лишь стала поводом к вводу иностранных войск в Иран, новому витку внутренней напряженности в стране и фактической утрате Ираном национальной самостоятельности. При этом, по мнению автора, восприятие Шустера как ставленника какой-либо из держав, долгое время господствовавшее в отечественной историографии, является тенденциозным и необоснованным. Отдельное внимание автор уделяет оценке роли российской дипломатии в отставке Шустера – именно позиция России стала причиной досрочного отъезда британца из Ирана. Действия Шустера были способны ослабить российские позиции в регионе, изменив геополитическое соотношение сил.

Ключевые слова: М. Шустер, Иран, «Большая игра», дипломатия, раздел сфер влияния, англо-русское соглашение (1907), меджлис, Конституционная революция (1905-1911).

RUSSIA AND MORGAN SHUSTER'S MISSION IN IRAN

A. V. Makutchev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. The article analyzes the attitude of Russian diplomacy to the stay in Iran of the American financial adviser W. Morgan Shuster in 1911. Shuster was invited by the Iranian Parliament at the final stage of the Constitutional revolution to restore the financial and tax systems of the state. In order to achieve these goals, Shuster launched an independent policy that provoked a negative reaction from foreign powers, primarily Russia. Shuster initiated reforms of the entire financial system of Iran, which inevitably led to his involvement in political intrigues. This policy contradicted Russian interests in Iran, which were enshrined in the agreement of 1907 with Britain about the division of Iran into spheres of influence. The author analyzes the main initiatives of Shuster, their interpretation in historiography and

consequences for the history of Iran, as well as the role of Russian diplomacy in Shuster's dismissal. In particular, based on the analysis of scientific literature, both domestic and foreign, as well as Shuster's memoirs, the author comes to the conclusion that the failure of Shuster's mission was predetermined by his desire to pursue a policy independent of Russia and England in conditions when Iran was actually a semi-colony of these powers: Shuster's actions were capable of violating the sovereignty of the powers established in 1907. In the historical perspective, Schuster's mission only served as a pretext for the introduction of foreign troops into Iran, a new round of internal tension in the country, and the actual loss of Iran's national independence. At the same time, according to the author, the perception of Schuster as a protege of any of the powers that has long dominated Russian historiography is tendentious and unfounded. The author pays special attention to the assessment of the role of Russian diplomacy in Schuster's resignation – it was Russia's position that caused the Briton's early departure from Iran. Schuster's actions were able to weaken Russia's position in the region, changing the geopolitical balance of power.

Keywords: *M. Shuster, Iran, «The Great Game», diplomacy, spheres of Influence, Anglo-Russian Convention of 1907, majlis, Constitutional Revolution of Iran.*

В апреле 1911 г. в Тегеран во главе группы экспертов прибыл американский юрист и финансист Уильям Морган Шустер. Целью его миссии было восстановление финансовой системы Ирана по поручению иранского парламента (меджлиса). Страна менее чем два года назад пережила гражданскую войну, революцию и свержение шаха, что подорвало и без того скудные финансы Ирана и побудило парламент пригласить иностранца на пост генерального казначея. Шустер уже имел опыт кризисного управляющего, однако его миссия осложнялась тем, что Иран в указанный период фактически являлся полуколонией России и Англии, частью так называемой «Большой игры» – глобального англо-русского соперничества, что нельзя было не учитывать при проведении сколь-либо существенных преобразований в Иране. Позиция России, поначалу сдержанная по отношению к Шустеру, в скором времени сменилась на негативную. В итоге именно действия российской дипломатии, с которыми в силу определенных обстоятельств согласилась британская сторона, привели к сворачиванию миссии Шустера, а сами действия американского финансиста в исторической перспективе привели к наступлению крайне значимых для истории Ирана последствий.

В российской историографии миссия Шустера традиционно изучается в общем контексте «Большой игры», не уделяя ей отдельного внимания. При этом в основе оценки деятельности Шустера на сегодняшний день, на наш взгляд, по-прежнему лежат сформировавшиеся еще в советской историографии представления об антироссийской направленности миссии и ангажированности Шустера со стороны германской [10, с. 23] или американской [1, с. 28] агентуры. Подобные представления «кочуют» из одной статьи в другую [8, с. 193]. Иранская историография также сомневается в самостоятельности и объективности действий Шустера и, в силу политического антагонизма с США и Израилем, рассматривает его миссию в Иране в контексте складывания системы американских интересов на Ближнем Востоке и интересов еврейских финансовых кругов [12, с. 4]. Наконец, в западной историографии имя Шустера не принято ассоциировать с интересами каких-либо государств и сообществ, а его миссия чаще всего рассматривается как пример тщетности усилий по проведению независимой политики в условиях анархии, слабости центральной власти и господства в конкретной стране интересов конкурирующих между собой мировых держав. С учетом перечисленных подходов и характеристик попытаемся объективно оценить, какую роль сыграл Морган Шустер в событиях в Иране в 1911 г., какие последствия имела его миссия, чьи интересы он преследовал и насколько его действия действительно были опасны для российских интересов в регионе.

Финансы Ирана к моменту приезда Шустера в Тегеран находились в тяжелом состоянии. Виной тому была коррупция, расточительность придворных и правителей,

поощряемая Россией и Англией – важнейшими геополитическими игроками на Ближнем Востоке к началу XX в. Иран являлся ценным рынком сырья и сбыта, привлекательным для развивавшихся экономик России и Англии. Не меньшую значимость страна имела в геополитическом контексте: гегемония в Иране предоставляла Петербургу контроль над всем Каспийским регионом и шансы выйти к южным морям, а Лондону – возможность управлять морской торговлей по всей Южной Азии и стратегическое спокойствие за свои интересы в Индии.

Ключом к господству в Иране для обеих держав была коррумпированность иранского двора и лично шаха, который активно брал займы у России и Англии, взамен предоставляя им концессии на природные ресурсы страны. К концу XIX в. в руках иностранцев оказались табачная, горнорудная, железнодорожная отрасли, в стране действовали представительства российских и британских банков, а доходы с таможен Ирана поступали в бюджеты России и Англии в счет оплаты по займам. Так вопрос улучшения государственных финансов стал для Ирана вопросом сохранения национального суверенитета.

Всю вторую половину XIX в. Россия и Англия провели в соперничестве за господство в Иране. К началу XX в. между ними установился некоторый паритет, на что повлияло появление нового активного геополитического игрока – Германии, нацелившейся на передел сложившихся в мире сфер влияния. Перед лицом германской угрозы российская и британская дипломатии пошли на сближение и попытались урегулировать спорные вопросы, мешавшие намечавшемуся альянсу. К тому же в Иране началось националистическое движение, грозившее изменить отношения между шахским правительством и иностранными державами и приведшее в 1907 г. к принятию конституции и учреждению парламента. В этом контексте 31 августа 1907 г. было подписано англо-русское соглашение, разделившее Иран на сферы влияния: север остался за Россией, юго-восток за Англией, между ними – нейтральная зона. По этому соглашению державы обязались не нарушать паритета и не искать усиления своих позиций в ущерб оппоненту [7, с. 214]. Российский министр иностранных дел А. П. Извольский так высказался по поводу позиции России о разграничении в Иране: «Общий принцип России будет заключаться в том, чтобы воздерживаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела других стран до тех пор, пока не будет сделано ничего вредного для ее интересов; и совершенно невозможно, чтобы она отступила от этого принципа в данном случае» [5, с. 89].

Соглашение в Иране позволило России и Англии переключиться на проблемы европейской политики, но ослабление их контроля над ситуацией внутри страны, а также возмущение значительной части иранцев полукOLONиальным положением своей родины, повлекли за собой цепь неконтролируемых событий, важным участником которых стал Морган Шустер.

В июле 1909 г. в ходе революционных событий шах Мухаммед Али был свернут сторонниками конституции. Россия и Англия, первоначально противившиеся смене власти в Тегеране, в итоге признали власть конституционалистов и меджлис. Парламент оказался не способен решить проблемы дороговизны и нехватки хлеба, а главным вопросом, стоявшим перед депутатами и правительством, стал поиск способов покрытия огромного дефицита бюджета. Как вспоминал Шустер, «Вся нация находилась в ужасном состоянии беспорядка, худшей чертой которого были финансовый хаос и огромная внешняя задолженность» [14, с. 55].

Не имея альтернатив, меджлис начал переговоры с Россией и Англией о новом займе. Опыт предыдущих займов неизменно лишь усугублял положение Ирана ввиду коррумпированности правительства и очередных уступок державе-кредитору части национального достояния в счет платы по займу. Однако в этот раз цена неплатежеспособности Ирана по новому займу могла стать особенно высокой, учитывая, в первую очередь, нескрываемую неприязнь России к установившейся

власти конституционалистов. Российская сторона подозревала, что за спинами лидеров конституционного движения стояли Англия или Германия, угрожавшие российским интересам в Иране [6, с. 124].

Чтобы обеспечить рациональное расходование денег, меджлис решил пригласить иностранных советников. Их национальная принадлежность была принципиальным вопросом: приглашение советников из Англии или России неизбежно нарушило бы паритет между ними, а германским экспертам воспротивились бы обе державы. В итоге, после обсуждения возможности приглашения бельгийцев, итальянцев или шведов, депутаты меджлиса приняли решение пригласить представителей нейтральной державы – американцев.

Российская дипломатия первоначально настороженно восприняла информацию о намерениях меджлиса: исполнявший обязанности министра иностранных дел А. А. Нератов считал, что самостоятельные действия персидского правительства по привлечению на службу подданных другой державы без согласования с Россией следует считать опасным прецедентом [5, с. 99]. Однако после совместного обсуждения российские и британские дипломаты сошлись во мнении, что США не имеют политических интересов в Иране, и решили не препятствовать приглашению американских экспертов [6, с. 482].

25 декабря 1910 г. иранский поверенный в делах в Вашингтоне официально просил госсекретаря США Ф. Нокса подыскать экспертов для иранского казначейства. Нокс проконсультировался с посланниками России и Англии, демонстрируя отсутствие американских интересов в Иране, протестов не последовало [11, с. 242]. В итоге госсекретарь США порекомендовал Тегерану Моргану Шустера – бывшего чиновника американской колониальной администрации на Кубе (1899-1901) и на Филиппинах (1906-1909). Шустер имел репутацию опытного финансиста, но его жесткий и бескомпромиссный характер нередко приводил к конфликтам с коллегами и начальством [2, с. 155]. 2 февраля 1911 г. меджлис одобрил кандидатуры экспертов, и в мае 1911 г. Шустер, новый генеральный казначей Ирана, вместе с командой экспертов (Ф. Кэрнсом, Б. Дикки, Р. Хиллом и Ч. Маккески) по трехлетнему контракту прибыл в Персию.

В воспоминаниях Шустера писал, что в первые дни пребывания в Тегеране многие влиятельные иранцы и иностранцы при встрече предупреждали его об интригах, которые свойственны государственным делам Ирана [14, с. 65]. Уже скоро генеральный казначей столкнулся с ними.

Шустер получил от меджлиса исключительные полномочия в сфере финансов и принялся за наведение порядка в делах казны с энергией и принципиальностью, как привык на Кубе и Филиппинах. Однако его стремление ограничить самовластие крупных чиновников и землевладельцев вызвало недовольство многих местных придворных, а демонстративная беспристрастность и самостоятельность (так, Шустер воздержался от посещения российской и британской миссий после прибытия в страну, несмотря на поступающие приглашения, такое поведение было нетипичным для иностранцев, приезжавших в Иран и неизменно искавших себе покровителей среди представителей держав) раздражали российскую дипломатию. Нератов отмечал, что «американские советники взяли в Персии все дела, а это, несомненно, опасно» [6, с. 485]. При этом первоначальный доброжелательный нейтралитет Британии по отношению к Шустеру представлялся России формой негласной поддержки последнего. Недовольство России подкреплялось и более мелкими фактами: тем, что правительство во главе с крупным землевладельцем Сепехдаром обратилось за займом к Англии, а не к России, а также тем, что регент Ирана (шаху Султану Ахмаду было лишь 13 лет) Насер оль-Мульк был однокурсником британского министра иностранных дел Э. Грэя по Оксфордскому университету [14, с. 52].

Первой мерой Шустера на новом посту стало упорядочение финансовой системы. 13 июня 1911 г. меджлис принял предложенный им законопроект о передаче

всех финансовых вопросов в государстве в руки генерального казначея. В этой ситуации Шустер столкнулся с первым случаем открытого противодействия своим инициативам, связанным с начальником иранских таможен бельгийцем Морнар, который до приглашения американцев рассчитывал занять пост генерального казначея [14, с. 68]. Доход с части иранских таможен шел в уплату долгов Тегерана перед Россией, поэтому Морнар имел тесные связи с российской дипломатией. В целом большинство иранских чиновников, в том числе иностранцев, были ставленниками либо держав, либо местных политических кругов, этот статус гарантировал им их посты [14, с. 69]. Еще до приезда Шустера Морнар подготовил для рассмотрения в меджлисе законопроект, передававший контроль за расходованием взятых в долг у Англии 1,25 млн фунтов стерлингов в руки комиссии во главе с самим собой. Принятие такого закона делало генерального казначея подчиненным Морнара и лишало возможности влиять на расходование денег. Однако Шустер добился принципиальных изменений в этом законопроекте: после его доклада текст был переписан, и контроль за заемными средствами был передан в руки генерального казначея [11, с. 244].

В июне 1911 г. Шустер представил в меджлис проект бюджета Ирана. До его составления, по данным Шустера, государственного бюджета как такового в Иране не было, каждое ведомство распоряжалось казенными деньгами по своему усмотрению, а вопрос выделения государственных средств решался в ходе личных визитов к министру финансов [14, с. 70]. Для сокращения дефицита в 400 тысяч долларов по инициативе Шустера всем банкам страны было сообщено требование, чтобы никакие чеки и платежные поручения не обналичивались без подписи генерального казначея. Это вызвало бурную реакцию иностранных представительств, оскорбленных тем, что отныне все выплаты из иранской казны согласуются с казначеем и могут быть им заблокированы. Протесты заявили германское, французское и итальянское посольства. Российское представительство, по данным Шустера, высказало наибольшее негодование, увидев в этой инициативе Шустера угрозу своим финансовым интересам: российский посланник в Тегеране С. Поклевский-Козелл заявил, что контроль со стороны американского казначея над выплатами по иранским долгам перед Россией, проводимыми через таможи, недопустим, в случае необходимости Россия готова занять таможи северного Ирана и передать их под контроль российских чиновников [14, с. 70]. Начальник таможен Морнар также отказался перечислять все доходы от таможен в казну, как того требовал утвержденный проект бюджета. Тогда Шустер приказал Шахиншахскому банку больше не принимать чеки Морнара, а правительство приняло резолюцию с требованием к Морнару подчиниться. Поддерживавшие бельгийца российские дипломаты обвинили Шустера в том, что он ищет дешевой популярности у националистов. Тем не менее, в середине июля 1911 г. бельгийские таможенники были вынуждены согласиться с новым порядком [8, с. 194].

Одновременно Шустер попытался сократить все нецелевые расходы казны, пользуясь тем, что фактически единолично контролировал государственные расходы. Это вызвало ненависть многих придворных, привыкших распоряжаться государственными деньгами по своему усмотрению, и оттолкнуло от казначея до того симпатизировавшего ему главу правительства Сепехдара. Шустер отказал Сепехдару в выделении дополнительного финансирования для армии, что вызвало с его стороны личную обиду. Когда меджлис встал на сторону казначея, Сепехдар демонстративно покинул Тегеран и удалился на север, а отношения между парламентом и правительством обострились.

Второй важной мерой Шустера по налаживанию иранских финансов стало учреждение казначейской жандармерии. Для обеспечения охраны караванов, доставлявших собранные налоги в Тегеран, Шустер получил согласие меджлиса на создание при казначействе специальных жандармских отрядов. К этой инициативе

Россия и Англия отнеслись в целом одобрительно, однако предложенная Шустером кандидатура на должность шефа жандармов вызвала жаркие споры. Казначей поручил командование жандармами британскому военному атташе майору Ч. Стоуксу, официально служившему в индийской армии.

10 июля 1911 г. заместитель министра иностранных дел Нератов высказал пожелание английскому послу в Петербурге Дж. Бьюкенену, чтобы командование жандармерией было поручено офицеру, представляющему второстепенную державу, а не Англию, или же убедить Шустера организовать двойное командование – из русского и британского офицеров [3, с. 274]. К тому же полномочия Стоукса, по замыслу Шустера, должны были распространяться на всю территорию Ирана, а Россия не могла позволить командовать вооруженными отрядами на севере страны, в зоне своего влияния, британскому офицеру. Характерно, что в Лондоне к кандидатуре Стоукса также отнеслись неоднозначно. «С русской точки зрения выбор майора Стоукса в высшей степени неудачен, поскольку он настроен фанатично антироссийски, – заявил заместитель министра иностранных дел Норман. – С другой стороны, с общей точки зрения это назначение удачно» [6, с. 500]. В условиях международной напряженности в Европе для британской дипломатии были принципиально важны достигнутые соглашения с Россией и паритет держав в Иране, поэтому опасения сорвать эти договоренности возобладали. 8 августа 1911 г. британский посланник в Тегеране Дж. Баркли предупредил Шустера, что он может настаивать на кандидатуре Стоукса, но только если его деятельность не распространится на русскую зону влияния [6, с. 502]. В адрес иранского правительства Лондон направил депешу, в которой говорилось: «если персидское правительство будет упорствовать, Правительство Его Величества признает право России на такие шаги, которые она посчитает необходимыми для защиты своих интересов в Северной Персии» [14, с. 72]. Окончательно британцы отвергли кандидатуру Стоукса после сообщения одного из директоров Англо-Персидской нефтяной компании, который рассказал, что майор имел связи с крайними националистами и был настроен столь же антибритански, как и антирусски [8, с. 82].

Баркли предложил Шустеру назначить вместо англичанина шведа. Однако американец отказался, заявив, что только Стоукс способен справиться с задачей формирования жандармских отрядов. В случае дальнейшего давления Шустер грозил уйти в отставку. Не имея рычагов воздействия на казначея, британский министр иностранных дел Э. Грей связался с Нератовым и подчеркнул, что не хочет ухудшения отношений между державами по такому поводу, как вопрос Стоукса. При этом он прямо заявил, что единственным доступным для Лондона способом помешать назначению Стоукса остается затягивание принятия его прошения об отставке из индийской армии: не уйдя со службы, он не мог принять новое назначение [4, с. 68].

Русская дипломатия в этой ситуации изменила тактику и усилила давление на «работодателя» Шустера – иранское правительство. 19 августа 1911 г. Поклевский-Козелл передал главе правительства ноту с протестом против назначения Стоукса, обозначив право России «принять необходимые меры для защиты своих интересов в Северной Персии» [8, с. 194]. Меджлис увидел в этой ноте угрозу русской интервенции и дал указание Шустеру пойти на переговоры. Казначей был вынужден уступить и предложить Поклевскому следующий вариант: срок полномочий Стоукса должен был быть ограничен девятью месяцами, по истечении которых он подлежал переводу в Шираз. В ходе следующего визита в русскую миссию Шустер просил русское правительство, в качестве жеста великодушия, разрешить пребывание Стоукса в Тегеране в течение девяти месяцев, однако Николай II на полях телеграммы Поклевского по поводу этой просьбы написал: «Не согласен» [6, с. 508]. Некоторое время переговоры еще продолжались, но, в сущности, вопрос о назначении Стоукса был окончательно заблокирован Россией.

Наконец, третьей инициативой Шустера, в конечном счете приведшей его к

отставке, а Иран – на грань катастрофы, стала его принципиальная позиция в деле ареста имущества брата бывшего шаха Шоа ос-Салтане.

Летом 1911 г. Мухаммед Али попытался вернуть престол. После свержения он жил в Одессе под надзором российской полиции с обязательством не возвращаться в Иран. Отношение России к реставрации Мухаммеда Али остается неясным. По мнению Ф. Казем-Заде, русская дипломатия видела иранскую революцию как английский заговор, направленный на вытеснение России из Ирана, поэтому восстановление на троне русофила Мухаммеда Али и ликвидация националистического меджлиса могли укрепить русские позиции в регионе [6, с. 512]. При этом открытой поддержки бывшему шаху Россия не оказала, это противоречило бы соглашениям с Англией, тем не менее, 17 июля 1911 г. Мухаммед Али с группой сторонников вернулся на родину на борту российского судна «Христофор». Российская сторона объясняла этот факт тем, что бывший шах имел при себе фальшивый паспорт, а оружие по документам значилось как минеральная вода, что якобы позволило обмануть пограничников [2, с. 162]. Шустер в этих объяснениях сомневался, по его данным, основанным на показаниях одного из плененных генералов шаха, Мухаммед Али встречался в Вене с бывшим посланником России в Тегеране Гартвигом. На просьбу о помощи Гартвиг ответил: «Россия и Англия заключили соглашение в отношении Персии. С другой стороны, если мы ничего не можем сделать для вас, мы также ничего не сделаем и против вас. Мы не можем помочь вам, и если вы потерпите неудачу, мы не несем ответственности» [14, с. 74]. После публикации этих данных в лондонской «Таймс» Россия официально отвергла факт подобной встречи, в российской и советской историографии о ней также ничего не упоминается. В доказательство осведомленности России о планах бывшего шаха Шустер приводит сведения о том, что за десять дней до возвращения Мухаммеда Али на иранскую землю российский посланник Поклевский на званом обеде в Тегеране заявил, что через несколько недель конституционное правительство прекратит свое существование [14, с. 73]. В случае своей правдивости эти данные противоречат официальной позиции России, высказанной в совместной с британцами ноте иранскому правительству 31 июля 1911 г.: «Видя, что бывший шах, вопреки советам, даваемым ему правительствами Англии и России, высадился в Персии, правительства объявляют, что в конфликт, который, к несчастью, возник в Персии, они никоим образом вмешиваться не будут» [2, с. 187].

Через несколько дней после прибытия бывшего шаха в Иран его брат Шоа ос-Салтане во главе отрядов туркменских племен двинулся на Тегеран. Меджлис начал готовить столицу к обороне. 5 и 11 сентября 1911 г. в боях под Верамином и Сабаткухом войска бывшего шаха были разбиты отрядами правительственного генерала Ефрема Давидянца. Реставрация провалилась, Мухаммед Али бежал в Европу.

4 октября 1911 г. меджлис поручил Шустеру конфисковать собственность Шоа ос-Салтане. Однако в особняке Шоа ос-Салтане в Тегеране жандармов казначейства встретили русские казаки, а Поклевский сообщил меджлису: Шоа ос-Салтане является русским подданным, его особняк заложен в русском Учетно-ссудном банке, поэтому, если персидское правительство его конфискует, оно возьмет на себя долги владельца перед Россией (по мнению западных историков, документ был подложным) [6, с. 482]. Однако 9 октября 1911 г. жандармы Шустера заняли дом Шоа ос-Салтане. В ответ по приказу русского генерального консула И.Ф. Похитонова несколько казаков выдворили жандармов из особняка. Шустер заявил протест русскому посланнику и вновь дал приказ захватить дом Шоа ос-Салтане. Последовало несколько стычек между казаками и жандармами Шустера, вылившихся в итоге в дипломатический скандал.

Ошибка Шустера состояла в том, что он пытался вести самостоятельную политику в несамостоятельном стане. Сам Шустер обозначал свою позицию так: «Я не могу... признать существование в Персии иностранных сфер влияния – то, что

персидское правительство официально отказывалось делать и фактически запрещало мне делать не один раз» [14, с. 75]. Такая позиция сделала его отставку неизбежной.

Россия потребовала извинений за ситуацию с домом Шоа ос-Салтане и начала консультации с Британией по поводу удаления Шустера из страны. Стороны договорились о совместных действиях по выдворению казначея: англичане согласились с русским мнением, что Шустер зашел слишком далеко и мог стать причиной серьезного разлада между державами [6, с. 520]. Это стало очевидно, когда, не сделав выводов из истории с майором Стоуксом, Шустер в одностороннем порядке назначил на должность финансового инспектора Тебриза, центра зоны российского влияния на севере Ирана, британского подданного Лекоффра. Лондонская «Таймс» по этому поводу опубликовала статью, в которой обвинила Шустера в связях с иранскими националистами [8, с. 195].

Реакция России на назначение Лекоффра была гневной: Нератов через Поклевского потребовал у иранского правительства отозвать Лекоффра, в случае отказа Россия обещала «принять любые меры, которые сочтет необходимыми для защиты своих интересов на севере Персии, вплоть до военной экспедиции» [9, с. 153]. Британский посланник Баркли, в свою очередь, 6 ноября 1911 г. в беседе с Шустером отметил, что «английское правительство рассматривает любое назначение, которое могло бы вызвать протест России, противоречащим духу своего соглашения с Россией» [11, с. 245]. Промедление с ответом на требования было воспринято как оскорбление, и 8 ноября Петербург разорвал дипломатические отношения с Тегераном. 11 ноября 1911 г. правительству Ирана был вручен русский ультиматум. Россия требовала отозвать жандармов Шустера из имения Шоа ос-Салтане, принести извинения работникам русского консульства и отозвать Лекоффра. В политических реалиях Тегерана надеяться на скорый и положительный ответ меджлиса не приходилось, поэтому Нератов на случай отказа дал указание готовиться к использованию силы [6, с. 522].

Британский премьер-министр Э. Грэй, по данным Шустера, заверил иранское правительство, что если Тегеран официально извинится перед Россией, то русские войска, которые уже вступили в Иран, будут выведены [14, с. 82]. На основании итого заверения глава иранского правительства Самсам ос-Салтане официально принес извинения России и приказал Шустеру вывести жандармов из дома Шоа ос-Салтане. Однако казначей вновь проявил своеобразие и заявил, что поскольку изначальный приказ об изъятии имущества Шоа ос-Салтане был подписан всеми министрами, то и постановление о его отмене также должны подписать все члены кабинета. Министры разошлись во мнениях, и, пытаясь выиграть время, правительство подало в отставку, не дав ответа на русский ультиматум. Восприняв этот шаг как уклонение от русских требований, 16 ноября 1911 г. глава совета министров России В. Н. Коковцов дал поручение направить 4 тыс. солдат в Иран. Когда русские войска уже двигались из Энзели в Решт, министр иностранных дел Персии Восуг од-Дойлы принес официальные извинения России за действия Шустера и принял ультиматум.

Мотивы дальнейших действий России в историографии описаны противоречиво. 29 ноября 1911 г. секретарь русской миссии вручил иранскому правительству второй ультиматум с требованиями в течение 48 часов уволить Шустера и Лекоффра, обязаться не приглашать иностранных советников без предварительного согласия российского и британского представительств, а также возместить России расходы на проведенную военную экспедицию [13, с. 147]. Как указывает А. А. Шевель, новый ультиматум стал неожиданностью как для Тегерана, так и для Лондона [8, с. 194]. Почему Россия не остановила продвижение своих войск на севере Ирана после удовлетворения первого ультиматума? Очевидно, что даже уязвленная действиями Шустера гордость великой державы не могла стать веской причиной для фактического нарушения положений соглашения с британцами 1907 г.

Официальным мотивом ввода русских войск стала защита жизни и имущества

российских подданных в Иране. Однако этот мотив не воспринимается всерьез ни в российской, ни в зарубежной историографии. Отечественные исследователи традиционно объясняют действия России стремлением защитить свои интересы в Иране от якобы растущих претензий Англии (как уже отмечалось, фигура Шустера в этом контексте оценивалась как лоббирующая интересы Англии или даже Германии) [9, с. 399]. Зарубежная историография указывает на стремление России гарантировать свое влияние в Иране в условиях, когда Европа готовилась к войне, а Ближний Восток мог стать одним из театров боевых действий. Для этого следовало усмирить своенравие межджиса и обеспечить спокойствие на южных границах империи [6, с. 525]. Наконец, сам Шустер в своих воспоминаниях выдвигал версию, что Россия, вводя войска в Иран, стремилась расширить зону своего влияния после заключения Потсдамского соглашения с Германией в 1910 г.: поддержка Германии позволяла России не опасаться ответных мер со стороны Англии [14, с. 89].

По мнению Ф. Казем-Заде, Лондон рассчитывал, что принятие Тегераном второго ультиматума России остановит продвижение русских войск, поскольку занятие ими Тегерана неизбежно обострило бы англо-русские отношения. В итоге британцы также рекомендовали Тегерану принять требования России, и иранский кабинет оказался в безвыходном положении. 1 декабря 1911 г. правительство Ирана призвало межджис принять ультиматум России. Однако депутаты после бурного и долгого обсуждения и открытого голосования отклонили условия России как унижающие достоинство страны. Русские войска продолжили движение на Казвин, а в Тегеране и в главных городах провинций начались антирусские демонстрации. Правящая коалиция в межджисе распалась, в итоге перед лицом вступления русских войск в Тегеран 20 декабря 1911 г. правительственные отряды и полицейские Ефрема Давидянца распустили межджис. Правительство известило русского посланника Поклевского о принятии ультиматума России. После разгона парламента Иран официально пообещал все свои действия согласовывать с Россией и Англией. Морган Шустер официально был отправлен в отставку, и уже через несколько дней навсегда покинул Иран.

Так бесславно миссия Шустера в Иран была завершена. Шустеру не удалось добиться тех амбициозных целей, которые он ставил перед собой, более того, его деятельность фактически стала поводом для ввода русских войск в Иран. Главной причиной этой неудачи стало стремление Шустера проводить независимую политику, не считаясь с мнением России и Англии и политическими реалиями. По данным самого Шустера, британский премьер Э. Грэй в своем письме обвинил его в том, что он пытался «повернуть время вспять» в Иране [14, с. 73].

Определяющую роль в отставке Шустера, несомненно, сыграла Россия. Чем объяснить неприязнь российской стороны к американскому казначею? Действия Шустера противоречили российским интересам в Иране, а осуществление его планов, а именно создание эффективной финансовой системы, рост национального благосостояния Ирана, могли привести к ослаблению влияния России в регионе, ее место могла занять другая мировая держава. Однако можно ли считать политику Шустера антирусской, как считают некоторые исследователи? На наш взгляд, нет, так как намеренных действий в ущерб исключительно российским интересам американец не предпринимал. Обвинения в продвижении интересов Англии или Германии в Иране также представляются несостоятельными. Британская дипломатия ничем не проявила своих симпатий к Шустеру, сам он регулярно критиковал Англию, к примеру, за переменчивую позицию в отношении назначения майора Стоукса, обвинив Лондон в том, что он «не только отступил от первоначального соглашения, но и объединился с другим иностранным правительством в хладнокровной попытке запугать персидское правительство при осуществлении им своих элементарных суверенных прав» [14, с. 68].

Иными словами, если признавать действия Шустера антирусскими, то в той

же мере они были и антибританскими. Его попытки вести независимую политику в интересах своего работодателя – правительства Ирана – в итоге привели к иностранной интервенции, утрате Ираном национальной самостоятельности и превращению в русско-английский кондоминиум. Насколько оправданными можно считать действия России? С одной стороны, в дипломатии та или иная политика может быть либо нравственной, либо успешной, с другой – изгнание американского казначея из Тегерана и унижение Ирана в исторической перспективе не принесли России значимых выгод.

Список источников и литературы

1. Абдуллаев З. З. *Начало экспансии США в Иране*. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 97 с.
2. Берар В. *Персия и персидская смута*. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1912. XII, 300 с.
3. Бьюкенен Дж. *Моя миссия в России: воспоминания англ. дипломата, 1910-1918*. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.
4. Звавич А. И. *Англо-русские противоречия в Иране накануне Первой мировой войны*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 144 с.
5. Извольский А. П. *Воспоминания*. Петроград; М.: Петроград, 1924. 191 с.
6. Казем-Заде Ф. *Борьба за влияние в Персии: дипломатическое противостояние России и Англии*. М.: Центрполиграф, 2004. 542 с.
7. *Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917*. М.: Госполитиздат, 1952. 470 с.
8. Шевель А. А. *Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905-1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190-195.*
9. Широкопад А. Б. *Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907*. М: АСТ, 2003. 512 с.
10. Шишов А. В. *Персидский фронт (1909-1918): незаслуженно забытые победы*. М.: Вече, 2010. 349 с.
11. Abrahamian E. *Iran between two revolutions*. NJ, Princeton: Princeton University Press, 1982. 580 p.
12. Behgar H. *A review of the book "Inspection of the relations between Iran and America 1851–1925"*. Tehran, 2001. 112 p.
13. Kamrava M. *The political history of modern Iran: from tribalism to theocracy*. Westport, Conn.: Praeger, 1992. 200 p.
14. Shuster W. M. *The strangling of Persia. A record of European diplomacy and oriental intrigue*. London: T.F. Unwin, 1912. 370 p.

References

1. Abdullayev Z. Z. *Nachalo ekspansii SSHA v Irane [The beginning of US expansion in Iran]*. Moscow: Izd-vo vost. lit. publ, 1963. 97 p. [In Russian].
2. Bérard V. *Persiya i persidskaya smuta [Révolutions de la Perse : les provinces, les peuples et le gouvernement du roi des rois]*. SPb: Brokgauz-Yefron publ, 1912. XII, 300 p. [In Russian].
3. Buchanan G. *Moya missiya v Rossii: vospominaniya angl. diplomata, 1910-1918 [My mission to Russia and other diplomatic memories]*. Moscow: Tsentrpoligraf publ, 2006. 398 p. [In Russian].
4. Zvavich A. I. *Anglo-russkiye protivorechiya v Irane nakanune Pervoy mirovoy voyny [Anglo-Russian contradictions in Iran on the eve of the First World War]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR publ, 1960. 144 p. [In Russian].

5. Izvol'skiy A. P. *Vospominaniya [Memoirs]*. Petrograd; Moscow: Petrograd publ, 1924. 191p. [In Russian].
6. Kazemzadeh F. *Bor'ba za vliyaniye v Persii: diplomaticheskoye protivosto-yaniye Rossii i Anglii [Russia and Britain in Persia, 1864-1914: A Study in Imperialism]*. Moscow: Tsentrpoligraf publ, 2004. 542 p. [In Russian].
7. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856-1917 [Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917]*. Moscow: Gospolitizdat publ, 1952. 470 p. [In Russian].
8. Shevel' A. A. Anglo-russkoye sotrudnichestvo i sopernichestvo v Persii v 1905-1914 gg [Anglo-Russian cooperation and rivalry in Persia in 1905-1914]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 2. Pp. 190-195. [In Russian].
9. Shirokorad A. B. Rossiya – Angliya: neizvestnaya vojna, 1857–1907 [Russia – England: Unknown War, 1857–1907]. Moscow: ACT publ, 2003. 512 p. In Russian
10. Shishov A. V. Persidskiy front (1909-1918): nezasluzhenno zabytyye pobedy [Persian Front (1909-1918): undeservedly forgotten victories]. Moscow: Veche publ, 2010. 349 p. [In Russian].
11. Abrahamian E. Iran between two revolutions. NJ, Princeton: Princeton University Press, 1982. 580 p.
12. Behgar H. A review of the book "Inspection of the relations between Iran and America 1851–1925". Tehran, 2001. 112 p.
13. Kamrava M. The political history of modern Iran: from tribalism to theocracy. Westport, Conn.: Praeger, 1992. 200 p.
14. Shuster W. M. The strangling of Persia. A record of European diplomacy and oriental intrigue. London: T.F. Unwin, 1912. 370 p.

Сведения об авторе

Макутчев Александр Валерьевич –
кандидат исторических наук, доцент
кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: mackutcheve@mail.ru).

Information about the Author

Mackutchev Alexander Valeryevich,
candidate of historical Sciences, Associate
Professor of the Department of legal
disciplines of the Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: mackutcheve@mail.ru).

ПЛАНИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ ПЕРЕДОВОГО ОТРЯДА В КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ (ДЕКАБРЬ 1941 г.)

С. Н. Ткаченко

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. На основе архивных документов приведены данные о составе передового отряда 44-й армии Закавказского (Кавказского) фронта, который освободил Феодосию, Коктебель и вел бои за расширение плацдарма в Юго-Восточном Крыму. Раскрыт процесс планирования действий передового отряда, задачи каждой группы по действиям в Феодосии и окрестностях.

Ключевые слова: передовой отряд, дивизия, полк, планирование, десантная операция, Феодосия.

PLANNING THE ACTIONS OF THE ADVANCE PARTY IN KERCH-FEODOSIYA LANDING OPERATION (DECEMBER 1941)

S. N. Tkachenko

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. On the basis of archival documents, data on the composition of the advanced detachment of the 44th army of the Caucasian front, which liberated Feodosia, Koktebel and fought for the expansion of the bridgehead in the South-Eastern Crimea, are given. The process of planning the actions of the advanced detachment, the tasks of each group for actions in Feodosia and the surrounding area is revealed.

Keywords: advanced detachment, division, regiment, planning, landing operation, Feodosia.

История Керченско-Феодосийской морской десантной операции (25 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г.) в историографии известна, однако, как оказывается, в основных событиях. Многие факты и имена участников раскрываются в работах исследователей по сей день. И как выяснилось в результате анализа историографии, при изучении из поля зрения не только историков, но и публицистов выпали целые этапы операции. Это касается прежде всего изучения планирования действий и событий после высадки и далее в боях по расширению плацдарма. Особенно – боевые действия передового отряда, созданного из нескольких частей и подразделений, имевшего задачу обеспечения высадки последующих эшелонов десанта в Феодосии и расширения территории на юг, юго-запад и запад.

Целью настоящего исследования является определение причинно-следственных связей процесса планирования действий одного из основных элементов морского десанта через введение в научный оборот соответствующих оперативных документов и их анализа. Исследование базируется на классических принципах

научности, историзма и объективности. Основой работы стали общенаучные методы. При интерпретации документальных источников и других материалов использованы проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический методы.

Керченско-Феодосийская десантная операция войск Закавказского, (переименованного с 30.12.1941 г. в Кавказский фронт (командующий генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, член Военного совета фронта дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, начальник штаба фронта генерал-майор А.И. Толбухин)), сил Черноморского флота, Керченской военно-морской базы и Азовской военной флотилии была спланирована и проведена с целью овладения Керченским полуостровом и Феодосией, отвлечения сил немецко-румынских войск от Севастополя и создания условий для освобождения всего Крыма. Морские силы были оперативно подчинены Закавказскому (Кавказскому) фронту. Опыта по проведению крупных десантных операций в Красной Армии и военно-морском флоте на тот момент не было [1, с. 33–34]. Однако в довоенных теоретических разработках основные этапы таких операций были определены, в том числе – подготовка и использования такого специфического формирования, как передовой отряд [2, с. 148–150]. На основании этого предприняты соответствующие расчеты на операцию и планирование действий, а также предположен боевой и численный состав, в рамках же общего непосредственного планирования всей операции – также способ переброски отряда.

Формирование необходимости применения передового отряда и его состава осуществлялось в рамках общего процесса планирования всей десантной операции армейскими и флотскими структурами. Однозначно можно утверждать, что замысел такого формирования 6 декабря 1941 г. выразил командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский. Для большей гибкости операции, а также легкости и быстроты переброски адмирал Октябрьский предлагал в первом броске высаживать не штатные части, а специально сформированные десантные полки без тылов и полевых орудий, компенсируя отсутствие артиллерии огневой поддержкой с моря [3, с. 303].

7 декабря 1941 г. в директиве командующему войсками Закавказского фронта № 005471 Ставка Верховного Главнокомандования утвердила представленный комфронта Д.Т. Козловым план операции, внося в него несколько существенных добавлений. Кроме запланированных фронтом высадок в Керченском проливе и у горы Опук, Ставка утверждала предложенную флотом высадку в Феодосии «с целью захвата Ак-Монайского перешейка» [4, с. 325].

9 декабря 1941 г. командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский на крейсере «Красный Кавказ» отбыл из Севастополя в Новороссийск. Здесь, на встрече с генералом Д. Т. Козловым, и был выработан окончательный план операции, доложенный в Ставку в ночь с 13 на 14 декабря 1941 г. и оформленный в виде оперативной директивы № 01696/оп [5, л. 41–44]. Командующий Черноморским флотом 13 декабря 1941 г. издал свой приказ № 1/орг, определявший состав и организацию флота в десанте [5, л. 37–38]. А уже 14 декабря был издан и боевой приказ по флоту № 1/оп, составлен план десанта [5, л. 33–35]. На основании этих документов начал формироваться состав передового отряда (или по другим источникам – части первого броска).

Количество и состав десантных войск, исходя из возможности погрузки на корабли, предварительно были учтены и согласованы со штабом 44-й армии (генерал-майор А. Н. Первушин, член Военного совета бригадный комиссар А. Г. Комиссаров). Первоначально планировалось в передовой отряд определить наиболее подготовленные подразделения и части 79-й отдельной морской стрелковой бригады и 345-й стрелковой дивизии, но обстановка под Севастополем, где 17 декабря начался штурм и требовалась срочная помощь, внесли коррективы – указанные соединения

были переброшены туда 20 – 21 и 23 – 24 декабря [6, с. 187, 190, 203]. Пришлось на месте искать другие части и соединения вообще во все эшелоны десанта. Некоторые части были переформированы, сокращены за счет обоза, главным образом за счет лошадей и частично за счет артиллерии. Боевой состав частей первого броска, планировавшийся к переходу на боевых кораблях, был специально облегчен, так как ни лошадей, ни нужного количества артиллерии, автомашин и повозок боевые корабли принять не могли.

Окончательно после изменений, происшедших в связи с отправкой 79-й отдельной морской стрелковой бригады и 345-й стрелковой дивизии в Севастополь, в состав передового отряда уже в 20-х числах декабря 1941 г. вошли: 633-й стрелковый полк 157-й стрелковой дивизии, 716-й стрелковый полк (без одного батальона) 157-й стрелковой дивизии, батарея 76-мм пушек 384-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии, 251-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии, два отряда морской пехоты с саперной ротой из 9-й бригады морской пехоты Черноморского флота, дивизион 256-го артиллерийского полка. Возглавил передовой отряд, назначенный приказом командующего 44-й армией командир 633-го стрелкового полка майор Г. И. Андреев, обладавший отличными организаторскими способностями, волей, решительностью и хладнокровием. Политруком отряда назначен батальонный комиссар Н. А. Трофимов.

Совместно штабы Кавказского фронта и Черноморского флота для участия в десанте в Феодосию наметили следующие части 44-й армии, сведенные для переброски в несколько морских эшелонов:

а) первый бросок – 251-й горнострелковый и 633-й стрелковый полки (полностью – по три батальона и подразделения усиления: минометный батальон, артбатареи 45-мм противотанковых и 76-мм пушек, разведвзвод, комендантский взвод, саперный взвод и санитарная рота) из 63-й горнострелковой и 157-й стрелковой дивизий соответственно, и 2-й батальон 814-го стрелкового полка из 236-й стрелковой дивизии. Время включения в состав передового отряда 716-го стрелкового полка, а также средство его перевозки пока окончательно не выяснено (учитывая, что этот полк находился на транспорте «Кубань» и высажен позже основных сил отряда, вероятно, это было сделано в последний момент). Высадка – с боевых кораблей отряда высадки «А» (крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Незаможник», «Шаумян» и «Железняков») и транспортов «Кубань» и «Азов», двух тральщиков, 12 катеров-морских охотников, двух буксиров и ряда мелких баркасов. Всего на корабли и транспорт было посажено 5119 человек и погружено 30 автомобилей, 72 лошади, 14 76-мм пушек, 4 45-мм пушки, 6 крупнокалиберных минометов, 19 повозок, 100 т боеприпасов, 56 т продфуража и 12 т других грузов [7, л. 30–31].

б) Первый эшелон – 236-я стрелковая дивизия и часть 157-й стрелковой дивизии. Выход из Новороссийска. Высадка – с 1-го отряда транспортов отряда высадки «А» (первая группа – «Зырянин», «Жан Жорес», «Ногин», «Серов», «Кубань»; вторая группа – «Шахтер», «Ташкент», «Красный Профинтерн») [7, л. 35].

в) Второй эшелон – 63-я горнострелковая дивизия. Выход из Туапсе. Высадка – со 2-го отряда транспортов отряда высадки «А» (первая группа – «Калинин», «Димитров»; вторая группа – «Курск», «Красногвардеец», «Фабрициус») [7, л. 36–37].

Штурмовой отряд, намеченный к высадке с катеров МО, состоял из отборного личного состава, хорошо обученного и побывавшего в боях. Подготовка войск к десантной операции, кроме штурмовых отрядов, была низкой. Войска не были подготовлены к ночным действиям. Но в передовой отряд майором Г. И. Андреевым были подобраны более опытные воины, в частности из бывших воздушных десантников после выписки их из госпиталей. Подразделения частей, назначенных в

передовой отряд (особенно 633-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии), настойчиво тренировались в морских переходах и высадке [8, с. 192–193].

Задачи для частей и подразделений передового отряда были определены заблаговременно еще при этапе планирования операции, однако они не всегда учитывали складывающуюся обстановку. В соответствии с боевым приказом от 26.12.1941 г. №1 по передовому отряду [9, л. 5–8], после оценки противника, ставится главная задача – разгромить немецко-румынские войска в Крыму, но в первую очередь надлежало отрезать и уничтожить группировку на Керченском полуострове; в дальнейшем продвижением на Симферополь должна была отрезана и ликвидирована группировка под Севастополем. При этом справа от передового отряда должна была действовать 236-я стрелковая дивизия, слева отмечалось отсутствие соседних частей по причине упора фланга в море.

Первая боевая группа (633-й стрелковый полк и 251-й горнострелковый полк со 2-м дивизионом 256-го артиллерийского полка при поддержке боевых кораблей ЧФ) имела задачей захватить феодосийский порт и с выходом на рубеж село Сарыголь – гора Лысая – высота 288,9 и обеспечить высадку 236-й стрелковой дивизии; дальнейшим продвижением на рубеж селений Карагоз–Изюмовка обеспечить плацдарм для высадки всей 44-й армии.

Морскому 1-й штурмовому отряду под командованием старшего лейтенанта А. Ф. Айдинова высадкой с катеров в 5.30 следовало захватить прибрежную часть территории порта (и особенно ворот и других входов в порт) и обеспечить высадку первой боевой группы. После овладения городом отряду совместно с 5-й ротой 251-го полка предписывалось зачистить кварталы Феодосии от остатков подразделений противника. 2-й штурмовой отряд под командованием старшего лейтенанта А. М. Шермана после высадки с боевых кораблей в 5.30 в районе села Коктебель и быстрым продвижением на Султановку – Насыпкой отрезать пути отхода противника из Феодосии; при этом удерживая рубеж высота 126,5 – село Султановка – хутор Крыма, прикрыть правый фланг первой боевой группы. После достижения первой группой участка дороги Дальняя Байбуга – Коктебель, морскому отряду следовало сосредоточиться в Султановке и по дополнительному приказу поступить в распоряжение Айдинова в Феодосии.

Второй боевой группе (4-я рота 251-го горнострелкового полка, пулеметный взвод и одно саперное отделение) следовало высадиться в 6.20 с эсминца «Железняков» в центральной части феодосийской гавани и быстрым продвижением захватить на северной окраине железную дорогу и шоссе на Старый Крым–Карасубазар с целью прикрыть правый фланг первой боевой группы для обеспечения штурма горы Лысой и высоты 288,9 (это горы, находящиеся в ближних окраинах Феодосии, ныне – в черте города; первая – выдающаяся высота в 2,5 км к западу от городского пляжа, вторая – северный отрог хребта Тепе-Оба в 3 км к юго-западу от морского порта, между ними – понижение более 2 км (в нем располагался кирпичный завод)). После захвата этих высот группе следовало обеспечить высадку частей 236-й стрелковой дивизии; после выхода дивизии на Сарыголь группе следовало сосредоточиться на северной окраине Феодосии и выйти в район высоты 288,9 в распоряжение командира 251-го горнострелкового полка. Артиллерийскую поддержку этой группе должен был оказывать крейсер «Красный Крым».

Третья боевая группа (1-й батальон 633-го полка, 1-я рота минометного батальона, 5-я батарея 256-го артполка и 2-я отдельная саперная рота) должна была высадиться в 6.20 – 6.50 с крейсеров в порту, атаковать противника в центре города и стремительным продвижением через дворы и огороды захватить перекресток дорог и район гора Лысая – колхоз Герценберг – кирпичный завод, также обеспечивая высадку и развертывание 236-й дивизии. В дальнейшем следовало во взаимодействии с соседями (разграничительная линия справа по Кирпичный завод – Куру-Баш – Ак-Мелез (исключительно) – высота 341,6) выйти на рубеж Насыпкой – высота 251,4, а к

исходу дня достичь рубежа курган Большой – курган Мишень. Артподдержку группе должен был оказывать эсминец «Шаумян».

Четвертой боевой группе (251-й горнострелковый полк в составе 1, 2 и 3 рот и подразделений усиления) предписывалось высадиться с помощью тральщиков с эсминцев «Шаумян» и «Незаможник» в 6.00 в порту Феодосии, закрепить территорию, захваченную штурмовым отрядом, затем стремительным наступлением захватить юго-западную часть города, двумя ротами взять высоту 288,9 и одной ротой – поселок Двужорный, также обеспечивая высадку 236-й дивизии. В дальнейшем следовало нанести удар в направлении высот Кара-Оба и Сары-Кая, гряды высот Узун-Сырт и Биюк-Янышар, прикрывая левый фланг первой боевой группы, а также перерезать дорогу на Судак и Алушту. Артподдержку группе должен был оказывать эсминец «Незаможник». Разграничительная линия устанавливалась справа колхоз Герценберг (исключительно) – высота 251,4 – высота Кара-Оба.

2-му батальону 633-го стрелкового полка, батарее полковой артиллерии и 2-й минометной роте приказывалось высадиться в 6.40 на рейде с крейсера «Красный Крым», сосредоточиться в центре порта и подавлять оставшиеся огневые точки противника, после чего перейти в район кирпичного завода и оставаться там в качестве резерва командира передового отряда.

5-я рота 251-го горнострелкового полка должна была высадиться с баркаса крейсера «Коминтерн» в 6.50 в южной части гавани, очистить от противника южную и юго-западную часть города (вместе со штурмовым отрядом), затем выйти к высоте 288,9 в резерв командира 251-го горнострелкового полка.

Рота автоматчиков оставалась в резерве командира передового отряда на случай ведения уличных боев и по высадке сосредоточивалась у здания администрации порта.

Боевым приказом предписывалось корабельной артиллерии подготовить данные для ведения огня по целям в соответствии с таблицей стрельбы, а огонь открывать только по сигналу командира передового отряда с флагманского корабля.

Передовой пункт выдачи боеприпасов планировалось развернуть на пирсе феодосийского порта, после овладения городом – в районе Кирпичного завода, затем – в селении Насыпкой. Передовой перевязочный пункт предписывалось развернуть сначала в городской больнице, затем в колхозе Герценберг.

Командный пункт командира передового отряда во время боя за порт намечался на крейсере «Красный Кавказ», после овладения городом – на кирпичном заводе, в дальнейшем – гора Лысая, Насыпкой, Ак-Мелез. Ось связи: главный причал порта Феодосия – кирпичный завод – южные склоны горы Лысая – Насыпкой – Ак-Мелез.

В 13.00 28 декабря 1941 г. в Новороссийске началась посадка первого броска десанта (251-й горнострелковый и 633-й стрелковый полки) на корабли отряда корабельной поддержки. В 17.00 28 декабря на 12 катеров-морских охотников было посажено более 260 бойцов 1-го штурмового отряда под командованием старшего лейтенанта А. Ф. Айдинова и разведгрупп штаба ЧФ. 2-й штурмовой отряд в 300 добровольцев-моряков под командованием старшего лейтенанта А. М. Шермана переходил в Феодосию на эсминце «Железняков» [10, с. 100, 110].

Несмотря на то, что корабли были расставлены в Новороссийском порту по заранее утвержденной диспозиции, хорошо известной штабам частей Красной Армии, погрузка и посадка войск происходили недостаточно организованно. Некоторые части подходили с опозданием против намеченного времени, путали корабли и создавали пробки. Следует отметить, что при размещении на боевых кораблях посаженных войск только лишь на крейсере «Красный Крым» была допущена перегрузка его как следствие путаницы при посадке. Сторожевые катера МО приняли в среднем по 43 бойца штурмовых групп десантников [10, с. 108].

Погрузка войск и материальной части на отряд корабельной поддержки заняла: на крейсера «Красный Кавказ» – 5 часов 30 минут, «Красный Крым» – 4 часа, эсминцы «Железняков» – 1 час 25 минут, «Шаумян» – 30 минут, «Незаможник» – 1 час 28 минут [7, л. 30–31]. Остальная часть первого броска (батальон 814-го стрелкового полка и батальоны 716-го стрелкового полка) была погружена на транспорт «Кубань» еще 25 декабря 1941 г. для участия в операции по захвату района горы Опук и все время находилась на транспорте. У этого обстоятельства была своя предыстория [7, л. 24]. Для высадки Новороссийской военно-морской базой был сформирован отряд «Б» (командир отряда контр-адмирал Н. О. Абрамов) в составе 3 канонерских лодок, сторожевого корабля, 6 сторожевых катеров и нескольких вспомогательных судов. От удара с моря десант прикрывал отряд кораблей, включавший крейсер «Молотов», лидер «Ташкент», эсминец «Смышлёный». Задачей этого вспомогательного десанта являлась высадка в районе горы Опук на южной стороне полуострова и овладение рубежом Чурубаш, Орта-Эли. В дальнейшем отряду предстояло наступать на Султановку (на Керченском полуострове, в отличие от упомянутого выше села с таким же названием вблизи Феодосии) и отрезать пути отхода противника из Керчи на запад. В ночь на 27 декабря из Анапы на транспортных судах вышли в море 105-й горнострелковый полк, 716-й стрелковый полк (без одного батальона) и батарея 384-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии. Но начались трудности – организационные и погодные [7, л. 27]. Причалы в районе горы Опук оказались разрушенными, выгрузить орудия, минометы и транспортные средства не представлялось возможным. Почти неосуществимой оказалась перевозка десантников с судов на берег с помощью нескольких шлюпок по разбушевавшемуся морю. Кроме того, командир высадки оказался на одном корабле, а аппаратура управления – на другом судне. В ответ на радиограмму о сложившейся обстановке последовал приказ командующего фронтом немедленно вернуться назад. Транспорту «Кубань» с подразделениями 716-го, 384-го полков и опергруппой штаба 157-й дивизии предписывалось следовать в Новороссийский порт [3, с. 316]. И тут его без высадки войск, и перегрузки спланировали для похода в Феодосию, личный состав на транспорте при этом был утомлен несколькими сутками переходов в бурном море.

Первым в 15.00 28 декабря 1941 г. вслед за транспортом «Кубань» в море вышел отряд высадочных средств в составе десяти катеров МО № 013, 0131, 054, 052, 064, 032, 97, 98, 141, 146 и двух тральщиков БТЩ № 14 и 16. В 18.00 из гавани вышли эсминцы «Шаумян», «Незаможник» и «Железняков», а в 19.00 – крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым» [7, л. 34]. Выход кораблей советской истребительной авиацией не прикрывался вследствие неблагоприятных метеоусловий и плохого состояния аэродромов из-за обильных снегопадов [11, с. 170–171]. Начался переход кораблей и транспорта в сторону Крыма и другой важный этап – высадка в порт и захват его и города Феодосии в рамках морской десантной операции. Изучение последующих эпизодов этой операции требует дополнительных исследований и соответствующих публикаций.

Опираясь на архивные источники и результаты исследований, можно говорить о достаточно полной проработке плана действий передового отряда в период перехода морем и боя за высадку. Однако планом не предусматривались такие важные вопросы, как разностороннее снабжение уже высадившихся войск, эвакуация раненых, учет погодно-климатических и других технических факторов. Не прописаны конкретные задачи командира боя за высадку, да и вообще не указан командный состав. Вместе с этим следует отметить, что опыта применения таких формирований в морских десантах у командования не только Черноморским флотом, но и военно-морскими силами СССР – не было. Теоретические разработки 1930-х годов только должны были проверяться практикой десантных операций. И начало этому положила высадка передового отряда со штурмовыми группами в порт Феодосии в рамках морской десантной операции, ставшей крупнейшей операцией Красной армии и

флота в годы Великой Отечественной войны. Первый опыт был позитивным, его наработки использовались еще несколько раз, и лишь только к концу войны он оформился в боевых уставах флота [12, с. 703–704].

Список источников и литературы

1. Жуматий В. И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы ВОВ 1918-1945. М.: Центрполиграф, 2011. 399 с.
2. Жерве Б. Б. Десантная операция. Оперативно-тактический очерк. Л.: Военно-Морская Академия РККА им. тов. Ворошилова, 1931. 232 с.
3. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. М.; Л.: Воениздат, 1945. 352 с.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). М.: Терра, 1996. 448 с.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 209. Оп. 1089. Д. 6.
6. Моргунов П. А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. 516 с.
7. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1089. Д. 14.
8. Алтунин А. Т. На службе Отечеству. М.: Воениздат, 1985. 590 с.
9. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 408.
10. Один год из 25 веков. Феодосия, 1941-1942 / под ред. С. Н. Ткаченко и Ю. А. Утробина. Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. 475 с.
11. Ткаченко С. Н. Морские десанты в Крыму. Авиационное обеспечение действий советских войск. 1941-1942. М.: Центрполиграф, 2015. 414 с.
12. Доценко В. Д. История военно-морского искусства. Т.1: Вооружение и теория. М.: Эксмо, 2005. 848 с.

References

1. Zhumatiy V. I. *Morskiye desantnyye operatsii Vooruzhennykh sil SSSR. Morskaya pekhota v dovoennyi period i v gody VOV 1918-1945* [Marine landing operations of the USSR Armed Forces. Marine Corps in the pre-war period and during the Second World War 1918-1945]. Moscow: Tsentrpoligraf publ, 2011. 399 p. [In Russian].
2. Gervais B. B. *Desantnaya operatsiya. Operativno-takticheskiy ocherk* [Landing operation. Operational and tactical sketch]. Leningrad: Voenno-Morskaya Akademiya RKKA im. tov. Voroshilova publ, 1931. 232 p. [In Russian].
3. *Khronika Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz na Chernomorskom teatre* [Chronicle of the Great Patriotic War of the Soviet Union at the Black Sea theater]. Issue 1. Moscow; Leningrad: Voenizdat publ, 1945. 352 p. [In Russian].
4. *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka VGK. Dokumenty i materialy. 1941 god* [Russian archive: Great Patriotic War: Headquarters of the Supreme Command. Documents and materials. 1941]. Vol. 16 (5-1). Moscow: Terra publ, 1996. 448 p. [In Russian].
5. *Tsentr'al'nyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (TsAMO RF)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF)]. Fund 209. Inventory 1089. File 6.
6. Morgunov P. A. *Geroicheskiy Sevastopol'* [Heroic Sevastopol]. Moscow: Nauka publ, 1979. 516 p. [In Russian].
7. TSAMO RF. Fund 209. Inventory 1089. File 14.

8. Altunin A. T. *Na sluzhbe Otechestvu [At the service of the Fatherland]*. Moscow: Voenizdat publ, 1985. 590 p. [In Russian].
9. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy (TsGAVO Ukrainy) [Central State Archives of the Supreme Authorities and Administration of Ukraine (TsGAVO of Ukraine)]*. Fund KMF-8. Inventory 2. File 408. [In Russian].
10. *Odin god iz 25 vekov. Feodosiya, 1941-1942 [One year out of 25 centuries. Feodosia, 1941-1942]*. Ed. S. N. Tkachenko and YU. A. Utrobina. Simferopol': DIAYPI publ, 2011. 475 p. [In Russian].
11. Tkachenko S. N. *Morskiye desanty v Krym. Aviatsionnoye obespecheniye deystviy sovetskikh voysk. 1941-1942 [Sea landings in the Crimea. Aviation support for the actions of the Soviet troops. 1941-1942]*. Moscow: Tsentrpoligraf publ, 2015. 414 p. [In Russian].
12. Dotsenko V. D. *Istoriya voyenno-morskogo iskusstva [History of naval art]*. Vol.1: Vooruzheniye i teoriya [Armament and theory]. Moscow: Eksmo publ, 2005. 848 p. [In Russian].

Сведения об авторе

Ткаченко Сергей Николаевич –
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и археологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: tkserg2018@yandex.com).

Information about the Author

Tkachenko Sergey Nikolaevich,
candidate of historical Sciences, Associate
Professor of the Department of history and
archeology of the Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: tkserg2018@yandex.com).

ТЕКСТ В ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 811.161.1
ББК 81.2

Дата поступления статьи: 23.11.2020
Дата решения о публикации: 01.12.2020

РЕЧЕЭТИКЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ИЗВИНЕНИЕ» В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Т. А. Бак

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Опорой при исследовании и кодификации современного этикета общения может стать речевой этикет русского дворянства, зафиксированный прежде всего в русской классической литературе. Проводимый в статье анализ ситуаций речевого этикета с общим условным названием «Извинение» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» позволяет расширить представление о типологии таких ситуаций, о классификационных признаках принесений извинения (метакоммуникативных и конвенциональных извинений) и просьб о прощении (извинений по существу). Рассматриваются особенности функционирования единиц речевого этикета и других вербальных средств, используемых в данных ситуациях. Выявляется значительная роль паралингвистической составляющей при принесении извинения и просьбе о прощении. Особо рассматривается выражение интенционального значения высказывания в косвенных извинениях, а также в молитве. Приводятся примеры рече-поведенческих тактик аггравации и минимизации деликта. Рассматривается специфика так называемых «заместительных извинений» в романе. На примерах из текста показано отличие метакоммуникативных, конвенциональных извинений и извинений по существу с точки зрения требуемой вербальной реакции адресата. Производится сравнение реализации ситуаций извинения и просьбы о прощении в дворянском речевом этикете и современном этикете общения. Делается вывод о том, что отличие состоит в социостилистических характеристиках и частотности употребления некоторых этикетных формул: ряд речеэтикетных единиц, используемых в ситуации «Извинение» в этикете общения дворян, в современном этикете маркированы как особо вежливые и нехарактерны для узуса. Кроме того, существует различие и в частотности использования извинений в общении, что обусловлено частотой грубого и вежливого коммуницирования тогда и сейчас.

Ключевые слова: речевой этикет; метакоммуникативные извинения; конвенциональные извинения; извинения по существу; просьба о прощении; дворянство.

UDC 811.161.1
LBC 81.2

Date of receipt of article: 23.11.2020
Date of publication decision: 01.12.2020

SPEECH ETIQUETTE SITUATION “APOLOGIZING” IN L. TOLSTOY’S ANNA KARENINA

T. A. Bak

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. *The speech etiquette of the Russian nobility that is largely recorded in the Russian classical literature can become a reference when studying and codifying the modern etiquette of communication. The article provides an analysis of speech etiquette situations with a general conventional name "Apologizing" in L. Tolstoy's 'Anna Karenina'. This analysis gives an opportunity to broaden understanding of the typology of such situations and of the classification attributes of presenting one's apologies (metacommunicative and conventional apologies) and requests for forgiveness (substantive apologies). The article deals with the peculiarities of functioning of speech etiquette units and other verbal means used in these situations. The author reveals a considerable role of the paralinguistic component in presenting one's apologies and requests for forgiveness. The work particularly considers the expression of the intentional meaning of the statement in indirect apologies as well as in a prayer. The article provides examples of the speech-behavioural tactics of delict aggravation and minimization. The article regards the peculiarity of the so-called 'substitutive apologies' in the novel is examined. The examples from the text demonstrate the difference between metacommunicative, conventional and substantive apologies in terms of the required verbal reaction of the addressee. The author compares the implementation of presenting one's apologies and requests for forgiveness in the aristocratic speech etiquette with the modern etiquette of communication. The author draws a conclusion that the difference is in sociostylistic characteristics and usage frequency of some etiquette formulas: a number of speech etiquette units used in the 'Apologizing' situation in the aristocratic etiquette of communication are marked as extra polite and are untypical for customary usage. Moreover, there is also a difference in frequency of using apologies in communication that is determined by frequency of rude and polite intercourse at that time and nowadays.*

Keywords: *speech etiquette; metacommunicative apologies; conventional apologies; substantive apologies; request for forgiveness; the nobility.*

Описание, изучение и кодификация характерного для современной России этикета общения не могут осуществляться без опоры на речевые традиции прошлого, в том числе на этикет общения, который был присущ высокой аристократической культуре русского дворянского общества. Дворянский речевой этикет зафиксирован прежде всего в произведениях русской классической литературы, и одним из подходов к его изучению может быть анализ ситуаций речевого этикета героев-дворян в рамках одного художественного произведения. В настоящей статье рассматривается ситуация с общим условным названием «Извинение» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», который можно считать в определённом смысле «энциклопедией» дворянского этикета общения второй половины XIX столетия.

Проблемным является вопрос о типологии ситуаций «Извинение». С точки зрения присутствующей в них коммуникативной цели, а также степени серьёзности проступка эти ситуации, по мнению Л. Н. Чиновой [16], следует разделять на принесения извинения и просьбы о прощении. Ренате Ратмайр классифицирует «извинения» в зависимости от повода, породившего такую ситуацию, а также от того, «какие конверсационные (диалоговые) обязательства они порождают» [8, с. 116], и выделяет метакоммуникативные, конвенциональные извинения и «извинения по существу» (то есть по серьёзным поводам), при этом характеристики метакоммуникативных и конвенциональных извинений, описываемые Р. Ратмайр, позволяют отнести эти этикетные интеракции к ситуациям принесения извинения (в терминологии Л. Н. Чиновой), а «извинение по существу» можно считать термином, синонимичным «просьбе о прощении», что подтверждается словами самой Р. Ратмайр: «В извинениях по существу полностью сохраняется семантика просьбы о прощении» [8, с. 179].

В качестве ведущих коммуникативных целей и речевых интенций в ситуациях принесения извинения исследователи называют «выражение сожаления по поводу своего поступка» [16, с. 279], «удовлетворение социальных ожиданий окружающих» [1, с. 14], поддержание собственного имиджа вежливого человека и демонстрацию уважения адресата (Р. Ратмайр), представление «говорящего как вежливого человека, признающего общественные нормы» [8, с. 52], а в ситуациях просьбы о прощении –

«получение прощения» [16, с. 279], модифицирование отношения адресата к адресанту – прощение [1, с. 14], желание «восстановить хорошие отношения с адресатом» [8, с. 241].

В ситуациях принесения извинения степень серьёзности проступка, вины адресанта является незначительной. При этом поводом для метакоммуникативных извинений являются нарушения максим общения и речевого этикета, для конвенциональных – нарушения общих правил поведения и вежливости. Повод для просьбы о прощении (извинения по существу) должен быть серьёзным. Р. Ратмайр рассматривает континуум поводов для «извинений», где на одном полюсе находятся нарушения правил хорошего тона, а на другом – действительно тяжкая вина.

Чем более существенным является повод, находящийся в пресуппозиции ситуации «Извинение», тем более трудоёмкой должна быть формулировка высказывания адресанта. Принесения извинения имеют краткие формулировки, зачастую ограничиваются стандартными этикетными формулами, тогда как просьбы о прощении (извинения по существу) «в обязательном порядке нужно формулировать более весомо» [8, с. 179], поэтому они более многословные, расширенные интенсификаторами, объяснениями, признанием своей вины, выражением готовности исправить ситуацию и т. п.

С точки зрения положения относительно повода для извинения метакоммуникативные извинения бывают чаще превентивными, а конвенциональные извинения и извинения по существу, как правило, ретроспективные.

Как отмечает Р. Ратмайр, метакоммуникативные извинения не требуют или даже не допускают вербальной реакции, конвенциональные извинения требуют конвенциональной ответной реплики, а извинения по существу предполагают дифференцированную вербальную реакцию: прощение, минимизацию, отказ в прощении.

Существенным отличием ситуаций принесения извинения от просьб о прощении является характер реализации функционально-семантической категории вежливости. При принесении извинения проявление вежливости, посыл знака вежливости адресату являются приоритетом, а при просьбе о прощении демонстрация вежливости представляет собой не главную цель, а лишь прагматическое условие достижения коммуникативной цели. По словам Р. Ратмайр, «если <...> в центре внимания стоит некоторый серьёзный повод, понятие «вежливость» не будет адекватной категорией для описания поведения» [8, с. 22]. Р. Ратмайр отмечает и такую зависимость: «Взаимосвязь извинения и вежливости состоит в том, что по мере уменьшения вины возрастает степень присущей извинению вежливости» [8, с. 244]. Таким образом, проявление вежливости является доминирующим именно в ситуациях принесения извинения, а единицы речевого этикета в таких ситуациях выступают как актуализаторы вежливости, смягчающие неблагоприятные для адресата речевые (отказ, возражение, несогласие, перебивание и т. п.) и неречевые действия говорящего. В ситуации принесения извинения развёрнутость формулировки и вежливость соотносятся следующим образом: «Чем больше слов содержит извинение, тем оно вежливее» [8, с. 110].

В ситуациях принесения извинения отсутствуют какие-либо сильные эмоции говорящего. Просьбы о прощении эмоционально окрашены.

Все вышеизложенные классификационные признаки обнаруживаются в ситуациях с условным названием «Извинение» в тексте романа «Анна Каренина».

Рассмотрим ситуации принесения извинения в романе и используемые в них речезыкетные единицы. В качестве примера такой ситуации Л. Н. Чинова приводит следующий диалог из романа «Анна Каренина»:

– *Что ж, нашли брата?* – *сказала Вронская, обращаясь к даме.*
Вронский вспомнил теперь, что это была Каренина.

– Ваш брат здесь, – сказал он, вставая. – **Извините меня**, я не узнал вас, да и наше знакомство было так коротко, – сказал Вронский, кланяясь, – что вы, верно, не помните меня.

– О, нет, – сказала она, – я бы узнала вас, потому что мы с вашей матушкой, кажется, всю дорогу говорили только о вас [10, т. 18, с. 67].

В реплике Вронского речевая интенция принесения извинения выражена формулой *Извини(-те)!*, представляющей собой десемантизированный императив. Эта формула в современном этикете общения является наиболее частотной и стилистически нейтральной в случае небольшого проступка. Распространителем для единицы *Извини(-те)!* может быть указывающее на адресанта местоимение в винительном падеже, которое придаёт этикетной формуле гораздо более личностный характер, пропозициональная часть высказывания может содержаться в придаточном предложении, а слово *пожалуйста* делает принесение извинения более вежливым:

– Но не будем говорить. **Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой**, – сказал Левин [10, т. 18, с. 182].

При небольшом проступке, наряду с *Извини(-те)!*, в романе используется и этикетная единица *Прости(-те)!* (с факультативным местоименным распространителем):

– **Простите меня**, если вам неприятно то, что я сказал, – заговорил он [Вронский] покорно [10, т. 18, с. 109].

В ситуациях принесения извинения в романе часто используется этикетная единица *Виноват(-а)* без распространителей:

– Но **виновата**, я вас перебила, вы хотели сказать... [Анна Левину] [10, т. 19, с. 275] (Пример метакоммуникативного извинения).

– **Виноват, господа!** – сказал он [Левин], выбегая на крыльцо [10, т. 19, с. 149]. (Извинение за опоздание; пример конвенционального извинения).

В современном речевом этикете формула *Виноват(-а)* как извинение за малый проступок не обладает той частотностью, которую мы наблюдаем в речи дворян в романе «Анна Каренина», значительно уступает по частоте использования единицам *Извини(-те)!* и *Прости(-те)!* и свойственна скорее интеллигентам старшего поколения.

Просьба извинить эксплицитно выражается в романе в этикетной единице (*Я*) *прошу (тебя) извинить меня*: «В таком случае **я прошу тебя извинить меня**» [10, т. 18, с. 156].

Принесение извинения за решительное возражение, несогласие может быть выражено «риторической просьбой о разрешении» [8, с. 102] с помощью формулы *Позвольте!*, которая «редко используется в современной речи» [8, с. 102] и является скорее свойственной интеллигентам:

– То есть, **позвольте**, почему ж вы знаете, что вы потеряете время? [10, т. 18, с. 95].

– **Позвольте**, вы, кажется, ставите меня в положение обвиняемого, – проговорил Алексей Александрович [10, т. 19, с. 302]. (Оба этих примера иллюстрируют метакоммуникативное извинение).

В романе есть пример ситуации извинения с употреблением нескольких этикетных формул в одном высказывании, что делает речевой акт извинения более «весомым»:

В дверях губернский предводитель столкнулся с Левиным.

– **Виноват, извините, пожалуйста**, – сказал он, как незнакомому; но, узнав Левина, робко улыбнулся [10, т. 19, с. 230]. (Пример конвенционального извинения).

В «Анне Карениной» находим ситуации принесения извинения с помощью контекстуально-ситуативных речевых актов (косвенные извинения):

– **Я не во время, кажется, слишком рано**, – сказал он [Левин], оглянув пустую гостиную. <...>

– *О нет*, – сказала Кити и села к столу [10, т. 18, с. 52].

– *Так вот, княгиня, я за вас бессовестно хватаюсь, как за якорь спасения. Помогите мне уговорить ее писать ему и требовать развода!* [Вронский Дарье Александровне] [10, т. 19, с. 203]

Выделенные высказывания, будучи изолированными от контекста, не обладают значением принесения извинения. Эта коммуникативная интенция обнаруживается в них только в ситуации общения и содержится в имплицитных перформативных приставках *Простите, если* и *Простите, что*. Так, высказывание *Я не вовремя, кажется, слишком рано* синонимично фразе **Простите, если** *я не вовремя, слишком рано*, причём синонимичность основывается и на общем значении эвентуальности в семантике вводного слова «кажется» и союза «если». Здесь уместно замечание Р. Ратмайр о том, что выражение как условия, так и сомнения является «пропозициональным ограничением извинения» [8, с. 109], которое несколько ослабляет извинение. Ответная реплика Кити *О нет* имеет в том числе и интенциональный смысл снятия вины. Также вполне тождественны высказывания *Я за вас бессовестно хватаюсь, как за якорь спасения* и **Простите, что** *я за вас хватаюсь, как за якорь спасения*. Содержащееся в пропозиции обстоятельство «бессовестно» (негативная оценка своих действий) имплицитно подразумевает признание Вронским своей вины и, соответственно, просьбу её снять. В следующем примере содержащаяся в контекстуально-ситуативном речевом акте интенция извинения поясняется в словах автора с помощью интенционального глагола речи (в форме деепричастия):

– **Да, мы здесь очень чопорны**, – сказала она, как бы **извиняясь** за свою нарядность [10, т. 19, с. 204].

В этом высказывании Анны содержится описание положения дел и признание его неправильности. «Такие описания положения дел, – пишет Р. Райтмар, – занимают самое крайнее положение в континууме косвенных извинений (т. е. являются самым слабым косвенным извинением)» [8, с. 119]. Извинение также может быть косвенно выражено ссылкой на ненамеренность действия:

– *Я, право, не хотела вас огорчить*, – сказала Варенька улыбаясь [10, т. 18, с. 249]. (С интенсификатором извинения *право* в данном примере).

К косвенным извинениям «нужно отнести и просьбы не сердиться, поскольку они являются имплицитным признанием правомерности отрицательных эмоций адресата» [8, с. 100]. В тексте романа просьбы не сердиться в большинстве случаев соединены с эксплицитным признанием вины:

– *Ну полно, Саша, не сердись!* – сказал он [Михайлов] ей, робко и нежно улыбаясь. – *Ты была виновата. Я был виноват. Я все устрою. – И, помирившись с женой, он надел оливковое с бархатным воротничком пальто и шляпу и пошел в студию* [10, т. 19, с. 37].

– *Но не будем говорить. Извини меня, пожалуйста, если я был груб с тобой*, – сказал Левин. *Теперь, высказав всё, он опять стал тем, каким был поутру. – Ты не сердишься на меня, Стива? Пожалуйста, не сердись*, – сказал он и улыбаясь взял его за руку [10, т. 18, с. 182].

Сложно квалифицировать ситуацию, в которой говорящий просит адресата не сердиться, но при этом отрицает свою вину:

– **Алексей! Не сердись на меня. Пожалуйста, пойми, что я не виновата**, – заговорила Варя, с робкою улыбкой глядя на него [10, т. 19, с. 101].

С одной стороны, непризнание адресатом за собой вины не позволяет считать такую ситуацию принесением извинения, так как «извинение <...> всегда содержит осуждение деятелем своих действий» [8, с. 70]. С другой стороны, просьба не сердиться смягчает, делает более вежливым отстаивание своей позиции адресантом,

возможно, имплицитно сожалеет о том, что сложились такие неприятные обстоятельства, а также извинение за отказ принять на себя вину. Просьба не сердиться, наряду с формулами *пожалуйста*, *пойми*, несомненно, выполняет здесь этикетную функцию.

Возникает вопрос и об отнесении следующего диалога к ситуации принесения извинения:

– Ну, как тебе не совестно! Я не понимаю, как можно быть такой неосторожной! – с досадой напал он [Левин] на жену.

– Я, ей Богу, **не виновата**. Только что хотели уйти, тут он развоzilся. Надо было его переменить. Мы только что... – стала **извиняться** Кити [10, т. 19, с. 394].

Здесь непризнание вины говорящим сочетается с объяснениями, которые «не могут сами по себе выполнять роль извинений, поскольку объяснение, хотя и предоставляет признание наличия смягчающих обстоятельств, но со стороны говорящего не является признанием вины» [8, с. 104 – 105]. Содержащийся в авторском комментарии интенциональный глагол *извиняться* употреблён здесь не в значении «просить прощения», а в значении «оправдываться, приводить что-нибудь как смягчающее обстоятельство» (имеющем в словарях помету «устаревшее»). Всё это позволяет сделать вывод, что данная ситуация принесением извинения не является.

Обратимся к ситуациям просьбы о прощении (извинения по существу) в романе «Анна Каренина». Прежде всего отметим, что в этих ситуациях, как и при принесении извинения, часто может использоваться формула *Прости(-те)!*, а единица *Извини(-те)!* при просьбе о прощении невозможна. Так, уличённый в супружеской неверности Степан Аркадьевич говорит жене:

– Долли, что я могу сказать?.. Одно: – **прости, прости...** [10, т. 18, с. 13].

Повторение формулы в данном случае усиливает иллокутивную силу речевого акта. По словам Н. И. Формановской, в ситуации просьбы о прощении «в диалогическом единстве первая реплика-стимул может разворачиваться по горизонтали свободно построенными фразами, более или менее подробно объясняющими причину проступка, вины. Здесь могут быть также обещания исправиться, заверения не совершать больше подобного и т. п. Свободно построенные фразы не поддаются учёту в речевом этикете» [15, с. 125]. В тексте романа находим примеры таких свободных фраз, остающихся за рамками стереотипных речэтикетных единиц просьбы о прощении, но составляющих их окружение:

– Долли! – проговорил он [Стива], уже всхлипывая. – Ради Бога, подумай о детях, они не виноваты. Я **виноват**, и накажи меня, вели мне искупить свою вину. Чем я могу, я все готов! Я **виноват**, нет слов сказать, как я виноват! Но, Долли, **прости!** [10, т. 18, с. 14].

Степень серьёзности вины коррелирует со сложностью формулировки просьбы о прощении и количеством средств, которые в ней комбинируются. В данном случае просьба или, скорее, даже мольба о прощении («*прости!*») усиливается препозитивным и интерпозитивным обращениями, невербальным сопровождением («*всхлипывая*»), аргументом по поводу судьбы совместных детей, сопровождаемым экспрессивным выражением *Ради Бога*, признанием своей вины, её глубины («*нет слов сказать, как я виноват!*»), готовностью понести наказание и искупить свою вину. Другой пример просьбы о прощении (извинения по существу):

Левин помолчал, потом пригляделся к ее бледному, испуганному лицу и вдруг схватился за голову.

– Катя, я измучал тебя! Голубчик, **прости меня!** Это сумасшествие! Катя, я кругом **виноват**. И можно ли было из такой глупости так мучаться?

– Нет, мне тебя жалко.

– Меня? Меня? Что я? Сумасшедший!.. А тебя за что? Это ужасно думать, что всякий человек чужой может расстроить наше счастье.

– Разумеется, это-то и оскорбительно...

– Нет, так я, напротив, оставляю его нарочно у нас всё лето и буду рассыпаться с ним в любезностях, – говорил Левин, целуя ее руки. – Вот увидишь [10, т. 19, с. 148].

Здесь достижению коммуникативной цели способствуют повторение обращения, употребление регулятива *голубчик*, признание вины, самоукорение, самоуничижение, использование интенсификатора («**кругом виноват**»), а также восклицаний и риторических вопросов, выражение готовности исправить ситуацию, невербальное сопровождение («*схватился за голову*», «*целуя ее руки*»). Краткое прилагательное *виноват* также часто используется в речи героев романа в случае большого проступка, но, как видно из двух вышеприведённых примеров, в отличие от ситуации принесения извинения, где это прилагательное употребляется без распространителей, при просьбе о прощении оно включено в более или менее свободно построенные фразы.

Два приведённых выше фрагмента из романа являются иллюстрациями речеповеденческих тактик аггравации деликта (вины), служащих достижению стратегической цели – прощения. Как уже было выше отмечено, это демонстрация самоуничижения, отчаяния, стремления понести наказание и т. д. Но есть пример и тактики минимизации деликта, в которую «встроены» этикетные формулы *Прости*. Эту тактику Степан Аркадьевич пытается применить в своём объяснении с женой, что, однако, не приводит к желаемому перлокутивному эффекту:

– Долли, что я могу сказать?.. Одно: – **прости, прости...** Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить **минуты, минуты...**

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он скажет, как будто умоляя его о том, чтобы он как-нибудь разуверил ее.

– **Минуты... минуты увлеченья...** – выговорил он и хотел продолжать, но при этом слове, будто от физической боли, опять поджались ее губы и опять запрыгал мускул щеки на правой стороне лица.

– Уйдите, уйдите отсюда! – закричала она еще пронзительнее, – и не говорите мне про ваши увлечения и про ваши мерзости! [10, т. 18, с. 13 – 14].

Следует отметить, что данная ситуация просьбы о прощении имеет продолжение и после примирения супругов: «*Весь вечер, как всегда, Долли была слегка насмешлива по отношению к мужу, а Степан Аркадьич доволен и весел, но настолько, чтобы не показать, что он, будучи **прощен**, забыл свою **вину***» [10, т. 18, с. 80]».

От всех вышеприведённых ситуаций, в которых чётко представлены прагматические координаты «я – ты – здесь – сейчас», отличаются ситуации опосредованной просьбы о прощении (Р. Ратмайр называет их «заместительными извинениями» [8, с. 46]). Прежде всего, это просьбы простить другое лицо. Такую просьбу мы встречаем в рассказе Вронского княгине Бетси, в котором Вронский сообщает, как он просил титулярного советника простить его товарищей: «*Я согласен, что поступок их нехорош, но прошу вас принять во внимание недоразумение, молодость; потом молодые люди только позавтракали. Вы понимаете. **Они раскаиваются от всей души, просят простить их вину***» [10, т. 18, с. 138]. С подобной же просьбой Левин обращается к Долли:

– Ну, **прости ее** [Машу], Долли! **Она не будет**, – сказал он про маленькую преступницу, которая не шла к Фанни, и нерешительно стояла против матери, исподлобья ожидая и ища ее взгляда [10, т. 19, с. 176].

Анна просит Левина передать Кити свои слова, в которых присутствует и интенция просьбы о прощении, и проявление симпатии (Р. Ратмайр рассматривает проявление симпатии как один из видов косвенного извинения):

– *Передайте вашей жене, что я люблю ее как прежде, и что если она не может простить мне мое положение, то я желаю ей никогда не прощать меня. Чтобы простить, надо пережить то, что я пережила, а от этого избави ее Бог.*

– *Непременно, да, я передам...* – краснея говорил Левин [10, т. 19, с. 279].

Особо следует сказать о ситуациях просьбы о прощении и актах прощения, которые мы встречаем в романе в покаянной и разрешительной молитвах. Рассмотрим следующее обращение Левина к Богу:

– *Господи, помилуй! прости, помоги!* – твердил он [Левин] как-то вдруг неожиданно пришедшие на уста ему слова. И он, неверующий человек, повторял эти слова **не одними устами**. Теперь, в эту минуту, он знал, что все не только сомнения его, но та невозможность по разуму верить, которую он знал в себе, нисколько не мешают ему **обращаться к Богу**. Всё это теперь, как прах, слетело с его души. К кому же ему было **обращаться**, как не к Тому, **в Чьих руках он чувствовал себя, свою душу и свою любовь?** [10, т. 19, с. 286].

По словам В. П. Руднева, «молитва – речевой акт: для того чтобы молитва дошла до Бога, она должна быть успешной, обладать исчерпывающей "иллокутивной силой"» [9, с. 146]. В православии утверждается, что, для того чтобы молитва была принята Богом, она должна быть произнесена со вниманием, благоговением и покаянием. То есть только при этих условиях молитва как речевой акт обретает «иллокутивную силу». Молитва Левина, по-видимому, соответствует этим трём условиям: авторские слова о том, что Левин обращается к Богу и обращается «не одними устами», говорят о внимании; осознание того, что он сам, его душа и его любовь находятся в руках Божиих, сопряжено с благоговением; императивы *Помилуй! Прости!* указывают на покаяние. Интенция просьбы или, скорее, мольбы о прощении находит прямое выражение в императиве *Прости!*, а вот слово «помилуй» в религиозном контексте обладает гораздо более глубокой, неоднозначной и многослойной семантикой, и, соответственно, императивное высказывание *Помилуй!* имеет очень сложную иллокуцию, что отдельно рассматривается в богословской литературе.

Мольба о прощении звучит и в другой молитве, которую упоминает в романе Левин: «*Одно утешение, как в этой молитве, которую я всегда любил, что не по заслугам **прости меня**, а по милосердию*» [10, т. 18, с. 43]. Вероятно, имеется в виду «Молитва 8-я, ко Господу нашему Иисусу Христу» из «Молитв утренних».

Перед своей свадьбой Константин Левин приступает к Таинству Покаяния, которое завершается разрешительной молитвой священника: «*Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами своего человеколюбия, да **простит** ти чадо*»... [10, т. 19, с. 8]. Л. Н. Толстой приводит только первую часть «разрешительной формулы», имеющей следующее завершение: «*И аз недостойный иерей Его властью мне данною **прощаю и разрешаю** тя от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь*». Первая часть разрешительной формулы представляет собой речевой акт со сложной адресацией и иллокуцией: его можно рассматривать как пожелание кающемуся (*ти чадо*) и как просьбу к Богу о прощении исповедника. Вторая часть является прямым перформативным высказыванием с интенциональным значением отпущения грехов.

Выше уже говорилось о том, что ситуации принесения извинения (метакоммуникативные и конвенциональные извинения по терминологии Р. Ратмайр) и ситуации просьбы о прощении (извинения по существу) накладывают разные обязательства на адресата с точки зрения его вербальной реакции. Метакоммуникативные извинения не накладывают никаких обязательств или даже не допускают словесной реакции на них. Например, Левин даёт ответ на вопрос Свяжского, никак вербально не реагируя на его извинение:

– Да, это: мы шапками закидаем, мы нашли то, чего ищет Европа! Всё это я знаю, но, **извините меня**, вы знаете ли всё, что сделано в Европе по вопросу об устройстве рабочих?

– Нет, плохо [10, т. 18, с. 353].

В случае конвенциональных извинений снятие вины является предсказуемым событием, конвенциональной обязанностью адресата в соответствии с правилами хорошего тона и выражается в стереотипной вербальной реакции. Например, в следующем диалогическом единстве этикетной реакцией может быть только минимизация вреда:

– Я не во время, кажется, слишком рано, – сказал он [Левин], оглянув пустую гостиную. <...>

– **О нет**, – сказала Кити и села к столу [10, т. 18, с. 52].

В случае конвенционального извинения за мелкую оплошность ответная реакция адресата может быть и необязательна.

Извинения по существу требуют дифференцированной вербальной реакции (неконвенциализированных ответных реплик). Адресат просьбы о прощении волен простить, отказать в прощении, минимизировать причинённый вред, ответить обвинениями, поучениями или проявить какую-то другую реакцию. Примером могут послужить ответные реплики Долли в разговоре с мужем, пытающимся загладить свою вину и выпросить прощение.

Отдельного рассмотрения требует паралингвистическая составляющая ситуаций «Извинение» в романе. Нередко даже при отсутствии вербальных извинений или просьб о прощении в речи персонажей авторский нарратив содержит словосочетания «виноватый вид / взгляд / тон», «виноватая улыбка», «виноватое выражение», «сказать виновато», «быть виноватым мальчиком», «взглянуть с виноватую мольбой», «виновато пожимать ее руку». Ярким примером, демонстрирующим роль невербального общения в ситуации просьбы о прощении и снятия вины, является эпизод романа [10, т. 18, с. 132], в котором Кити говорит сестре обидные слова, после чего «Долли молчит, грустно опустив голову». Далее просьба простить и само прощение осуществляются невербально с помощью жестов, движений, поз, положения относительно друг друга, а главное – с помощью слёз. Единственная реплика Кити, сопровождаемая авторским комментарием фонационной составляющей, является контекстуально-ситуативным речевым актом с интенцией просьбы о прощении, а последующий разговор сестёр вербально не имеет отношения к просьбе простить и прощению: «Кити, вместо того чтобы выйти из комнаты, как намеревалась, **села у двери и, закрыв лицо платком, опустила голову. Молчание** продолжалось минуты две. Долли думала о себе. <....> Но вдруг она услышала шум платья и вместе **звук разразившегося сдержанного рыданья**, и чьи-то **руки снизу обняли ее шею. Кити на коленях стояла** пред ней.

– Долинька, я так, так несчастна! – **виновато** прошептала она.

И покрытое **слезами** милое лицо **спряталось в юбке платья** Дарьи Александровны.

Как будто слезы были та необходимая мазь, без которой не могла идти успешно машина взаимного общения между двумя сестрами, – сестры после **слез** разговорились не о том, что занимало их; но, и говоря о **постороннем, они поняли друг друга**. Кити поняла, что сказанное ею в сердцах слово о неверности мужа и об унижении до глубины сердца поразило бедную сестру, но что она **прощала ей**» [10, т. 18, с. 132].

Нельзя не упомянуть и сцену прощения Карениным Вронского у постели находящейся на грани жизни и смерти Анны. Смысл акта прощения в этой сцене вербально выражен в реплике Анны, но сам акт совершается бессловесно: «Алексей

Александрович взял руки Вронского и отвел их от лица, ужасного по выражению страдания и стыда, которые были на нем.

– **Поддай ему руку. Прости его.**

Алексей Александрович **подал ему руку**, не удерживая слез, которые лились из его глаз [10, т. 18, с. 435].

Проведённый анализ ситуаций «Извинение» в тексте романа Л. Н. Толстого позволяет расширить представление о типологии таких ситуаций, а также о вербальных и паралингвистических средствах, используемых в каждой разновидности «извинения». Сравнивая этикетное выражение извинения и просьбы о прощении в речи героев-дворян романа «Анна Каренина» с тем, как это принято в современном этикете общения, можно сделать вывод, что отличие состоит в социостилистических характеристиках и частотности употребления некоторых этикетных формул. Ряд речевых единиц, используемых в ситуации «Извинение» в этикете общения дворян, в современном этикете являются маркированными как особо вежливые и остаются нехарактерными для узуса. Кроме того, видимо, существует различие и в том, насколько часто используются извинения в общении, а это обусловлено частотой грубого и вежливого коммуницирования тогда и сейчас. Здесь уместно следующее замечание Р. Ратмайр: «Частота употребления извинений коррелирует, кроме того, с манерой общения: при грубой манере разговора <...> ожидание услышать извинение будет напрасным <...>, но если речь в целом вежлива и не категорична, извинения встречаются в ней очень часто» [8, с. 44].

Список источников и литературы

1. Артамонова Е. В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Казань, 2008. 19 с.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Астрель, 2007. 768 с.
3. Гольдин В. Е. Этикет и речь. Изд. 3-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 120 с.
4. Ковалёва Т. В. Речевой этикет в культурной традиции русского дворянского общества XIX в. // Дискурсы этики: альманах. Вып. I / под ред. В. Ю. Петрова. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. С. 15 – 24.
5. Михальчук Т. Г. Речевой этикет в художественной литературе. Могилёв: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2005. 418 с.
6. Михальчук Т. Г. Русский речевой этикет: практикум. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 319 с.
7. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
9. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
10. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928-1958. Т. 18. 1934. 557 с.; Т. 19. 1935. 520 с.
11. Формановская Н. И. Коммуникативный контакт. М.: ИКАР, 2012. 200 с.
12. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения: 3-е изд. М.: ИКАР, 2018. 238 с.
13. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
14. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 160 с.

15. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1984. 193 с.
16. Чинова Л. Н. Просьба о прощении и принесение извинений // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997. С. 278 – 281.

References

1. Artamonova E. V. *Zhanry russkoy rechi: ispoved', pros'ba o proshchenii, prineseniye izviniyaya: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Genres of Russian speech: confession, request for forgiveness, presenting one's apologies: Abstract of Cand. Thes. ... Cand. Philol. Sciences]*. Kazan, Kazan State University Publ., 2008. 19 p. [In Russian].
2. Balakay A. G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa [Dictionary of Russian speech etiquette]*. Publ. 3, corr. and suppl. Moscow, Astrel' Publ., 2007. 768 p. [In Russian].
3. Gol'din V. E. *Etiket i rech' [Etiquette and speech]*. Publ. 3, suppl. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 120 p. [In Russian].
4. Kovalyova T. V. Rechevoy etiket v kul'turnoy traditsii russkogo dvoryanskogo obshchestva 19 v. [Speech etiquette in the cultural tradition of 19th century Russian aristocratic society]. *Diskursy ehtiki. Al'manakh*. no. I. Petrov V. Y., editor. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2012. Pp. 15 – 24. [In Russian].
5. Mikhal'chuk T. G. Rechevoy etiket v russkoy khudozhestvennoy literature [Speech etiquette in Russian fiction]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2005. 418 p. [In Russian].
6. Mikhal'chuk T. G. *Russkiy rechevoy etiket: praktikum [Russian speech etiquette. Practice]*. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 2016. 319 p. [In Russian].
7. Prokhorov Y. Y., Sternin I.A. *Russkoye kommunikativnoye povedeniye [Russian communicative behavior]*. Publ. 2, corr. and suppl. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 238 p. [In Russian].
8. Rathmayr R. *Pragmatika izviniyaya: Sravnitel'noye issledovaniye na materiale russkogo yazyka i russkoy kul'tury [Pragmatics Apology. a Comparative Research on a Material of Russian Language and Culture]*. Translation from German by E. Aralova. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2003. 272 p. [In Russian].
9. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury 20 veka [Dictionary of culture of the 20th century. Moscow]*, Agraf Publ., 1999. 384 p. [In Russian].
10. Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 tomakh [90-volume complete works] 1928 – 1958*. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ. Tom 18. *Anna Karenina. Chasti 1-4 [vol. 18. Anna Karenina. Parts 1 – 4]*. 1934. 557 p. Tom 19. *Anna Karenina. Chasti 5-8 [vol. 19. Anna Karenina. Parts 5 – 8]*. 1935. 520 p. [In Russian].
11. Formanovskaya N. I. *Kommunikativnyy kontakt [Communicative contact]*. Moscow, IKAR Publ., 2012. 200 p. [In Russian].
12. Formanovskaya N. I. *Kul'tura obshcheniya i rechevogo povedeniya [Culture of communication and speech behaviour]*, 3rd publ. Moscow, IKAR Publ., 2018. 238 p. [In Russian].
13. Formanovskaya N. I. *Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika [Speech interaction: communication and pragmatics]*. Moscow, IKAR Publ., 2007. 480 p. [In Russian].
14. Formanovskaya N. I. *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]*, 5th publ. Moscow, LENAND Publ., 2015. 160 p. [In Russian].
15. Formanovskaya N. I. *Upotrebleniye russkogo rechevogo etiketa [The Use of Russian speech etiquette]*, 2nd publ. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1984. 193 p. [In Russian].

16. Chinova L. N. Pros'ba o proshchenii i prineseniye izvineniy [Request for forgiveness and presenting one's apologies]. *Zhanry rechi [Speech genres]*. no. 2. Saratov, 1997. Pp. 278 – 281. [In Russian].

Сведения об авторе

Бак Татьяна Александровна –
магистрантка факультета русской
филологии и документоведения
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: tatyana.bak2013@yandex.ru).

Information about the Author

Bak Tatiana Aleksandrovna,
master student of the Russian Philology and
Documentation Science Department of the
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: tatyana.bak2013@yandex.ru).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СТИХОТВОРЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА «ЗИМНЯЯ НОЧЬ»

О. М. Жабина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Аннотация. Перевод метафоры часто рассматривается как одна из общих проблем «непереводимости». Это связано с тем, что метафоры обычно связаны с переносным значением, следовательно, трудно переводимо. Таким образом, переводчик должен тщательно продумать, как переводить метафору. В данной статье анализируется перевод метафоры в поэме Пастернака «Зимняя ночь» с использованием структуры, предложенной Питером Ньюмарком. Выделяется семь способов, применяемых для перевода метафор, а именно: сохранение метафорического образа, в случае если он понятен и близок носителям другого языка, замена образа исходного языка стандартным образом на переводящем языке, перевод метафоры путем сравнения, метафорический образ сохраняется с добавлением поясняющей информации, метафора переводится перефразированием, объединение метафор с одинаковым смыслом и удаление метафоры. Проанализированы метафоры в поэтических переводах К. Барнеса, Л. Пастернак-Слейтер и Э. Клайна и установлены основные способы перевода тропа. Проблема перевода метафоры Пастернака заключается в том, что в ряде случаев точность перевода нарушается при любом подходе в результате принципиального несовпадения дискурсов. Самым частотным оказалось перефразирование, а наиболее приближенным к оригиналу - сравнение. В статье отмечено, что буквальный перевод метафоры исходного языка может быть непонятен читателю перевода. Однако стоит отметить, что переводчики не нейтрализовали метафоры, сохранив экспрессивность и эмоциональность текста. Это позволяет сделать вывод, что при переводе метафор у переводчика могут возникнуть трудности из-за отсутствия адекватного эквивалента в переводящем языке, различий в реалиях двух языков, их культурах и системах ценностей, которые неизбежно ведут к невозможности прямого перевода. Но всегда можно найти прием перевода, который максимально точно сможет передать смысл метафоры.

Ключевые слова: метафора, перевод метафоры, способы перевода метафоры, художественный перевод, поэтический перевод, сравнение, перефразирование, английский язык.

FEATURES OF THE METAPHOR TRANSLATION INTO ENGLISH IN THE POEM OF B. PASTERNAK "WINTER NIGHT"

O. M. Zhabina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

Abstract. Metaphor translation is often considered as one of the general problems of “untranslatability”. This is because metaphors are generally associated with indirectness; therefore, it is hard to translate them. Thus, the translator must carefully consider how to translate a metaphor. The article analyzes metaphor translations in Pasternak’s poem “Winter night” using a framework proposed by Peter Newmark. There are seven approaches used for translating metaphors: preserving the metaphorical image if it is understandable and close to native speakers of the target language, replacing

the image of the source language with a standard target language image, translating the metaphor by simile, saving the metaphorical image and adding some explanatory information, translating the metaphor by paraphrasing, combining metaphors with the same meaning, deleting the metaphor. The author analyzes the metaphors in the poetic translations of K. Barnes, L. Pasternak-Slater and E. Klein and reveals the principal ways of translating them. The main difficulty of translating Pasternak's metaphor is that in some cases the translation is not accurate regardless of the chosen approach due to a fundamental discrepancy between discourses. Paraphrasing turns out to be the most frequently used approach and simile makes the translation as close to the original as possible. The article notes that the reader of the translation may not understand the literal translation of the metaphor of the source language. However, it is worth noting that the translators of the poem did not neutralize the metaphors, retaining the expressiveness and emotionality of the text. This allows us to conclude that when translating metaphors, the translator may have difficulties due to the lack of an adequate equivalent in the translating language, differences in the realities of the two languages, their cultures and value systems, which inevitably lead to the impossibility of direct translation. However, a translator can always find a translation approach that can convey the meaning of the metaphor as accurately as possible.

Keywords: *metaphor, literary text, translation, metaphor translation, comparison, paraphrasing, English.*

Поэзия – высшая форма бытия национального языка. В поэтическом творчестве с наибольшей полнотой и концентрированностью выражается дух народа – своеобразие его исторического и культурного развития, его психического строя. Понять поэзию другого народа – значит, понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры. Основная задача переводчика поэзии – донести эту культуру средствами родного ему языка.

Актуальными проблемами художественного перевода является точность и художественность. Последнее особенно важно, потому что художественность всегда требует определенного вмешательства переводчика в саму ткань произведения, в целостность. Для любого переводчика важно уметь перенести, точно передать образы, идею, тему текста и вместе с тем понятно для читателя. Перевод – это не только процесс перевода каждого слова на другой язык, но и понимание значения и нахождение эквивалентности. Согласно Питеру Ньюмарку [11, с. 5], перевод «переводит значение текста на другой язык так, как задумал автор текста». Между тем, Дж. Кэтфорд [1, с. 20] утверждает, что перевод является «заменой текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке».

Единство языка и культуры, проявляющиеся в языковом пласте и культуре каждого народа, заставляют рассматривать языковые особенности с точки зрения культурологии, культурного опыта нации. Другими словами, с помощью языка, как важнейшей составляющей части культуры, кодируются определенные культурные явления, предметы, артефакты культуры. При этом способ и языковые средства кодирования могут быть подобными (схожими) или различными в разных культурах, представляя собой специфическую лингвокультурную сущность. При переводе текста переводчик играет важную роль, так как продукт перевода будет зависеть от его рассмотрения текста. Следовательно, переводчик должен обладать высокой компетентностью, чтобы создать хороший перевод, должен владеть как лингвистическими навыками, так и быть культурно осведомленным об источнике, должен понимать текст, который переводит и иметь хороший уровень письма, чтобы хорошо передать первоначальный смысл в тексте перевода. Кроме того, он должен понимать культуру языка исходника и языка перевода, потому что иногда идеи и концепции приемлемы только в конкретной культуре. Тем не менее, наличие всех этих навыков не может гарантировать отсутствие проблем. Проблемы в переводе текста всегда будут появляться даже у опытного переводчика, поскольку смысл перевода состоит в том, чтобы передать эквивалентное сообщение, и это всегда встречается с многочисленными препятствиями. Различия в структуре языка и природе культуры затрудняют трансфер сообщения.

Одной из общих проблем перевода является перевод метафоры [12, с. 104]. Дадим традиционное литературоведческое определение метафоры. Метафора (греч. *metaphora* - перенос) - вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту. Метафоры образуются по принципу олицетворения, овеществления, отвлечения и т. д. В роли метафоры могут выступать различные части речи: глагол, существительное, прилагательное. Метафора придает речи исключительную выразительность. Метафора представляет собой нерасчлененное сравнение, в котором, однако, легко усматриваются оба члена. Помимо словесной метафоры, большое распространение в художественном творчестве имеют метафорические образы или развернутые метафоры. Метафору определяют как «использование языка для обозначения чего-то другого», чем то, к чему он был первоначально применен, или что это «буквально» означает, чтобы предложить некоторое сходство или связь между двумя вещами» [7, с. 12]. Более того, Ньюмарк утверждает, что метафора – это любой образный язык, который демонстрирует сходство [11, с. 104]. Таким образом, метафора означает язык, который используется, чтобы показать сходство между двумя вещами, помимо использования буквального слова.

Метафора используется для «описания объекта, события или качества более всесторонне и кратко, более сложным путем, чем это возможно при использовании буквального языка» [12, с. 84]. Она передает смысл объекта путем сравнения его с другим объектом, но они обязательно должны иметь сходство. Это показывает, что метафора играет важную роль для общения, объяснения и передачи сообщения, более творческим и интересным путём [7, с. 3]. Однако метафора обычно связана с культурой, слово, которое используется в метафоре, зависит от культуры. Ньюмарк объясняет, что универсальную метафору легче перевести, но культурная метафора в этом отношении сложнее [12, с. 106]. В соответствии с Ньюмарком, Ларсон [9, с. 275] утверждает, что не всякая метафора может быть легко понята. Если метафора переводится буквально, то получается неправильное толкование. Ларсон утверждает, что есть некоторые причины, которые затрудняют перевод метафоры [12, с. 276-277]. Во-первых, изображение, используемое в метафоре, может быть неизвестно в языке перевода. Например, метафора, основанная на изображении снега, была бы бессмысленной в южной части Тихого океана, где снег неизвестен. Во-вторых, объект метафоры может быть изложен неявно. Например, в английском языке *the tide turned against the government* «прилив повернул против правительства», объект сравнения общественного мнения высказывается неявно. В-третьих, сходство неявно и трудно идентифицировать. Например, предложение «он – свинья» не включает точки сходства. В некоторых культурах свинья может дать представление о неряшливом человеке, но в другой культуре это означает «обжора», а в третьей культуре может означать кого-то, кто не слушает людей. В-четвертых, язык перевода использует разные образы в сравнении. Например, в исходном языке может быть предложение, в котором говорится, что *there was a storm in the national parliament yesterday* (вчера в национальном парламенте была буря), но может быть, что язык перевода не использует образ шторма, грозы, чтобы говорить о дебатах. Наконец, частота использования метафоры различна. Есть некоторые языки, которые не часто используют ту или иную метафору, что затрудняет понимание читателя, если она переведена буквально. Этот список проблем доказывает, что перевод метафор требует большего внимания со стороны переводчика.

Одна из теорий о переводе метафор предложена Питером Ньюмарком. Поскольку метафора считается серьезной проблемой перевода, он предлагает способы ее трансфера. Его теория считается наиболее подходящей для анализа метафоры, потому что даёт ясное и полное объяснение.

Метафоры – это обычные фигуры речи, встречающиеся во многих языках [9, с. 271]. Ноулз и Мун определяют метафору как небуквальный язык, который использует

сравнение, поэтому его нельзя интерпретировать буквально, иначе значение будет иррациональным [7, с. 5]. Обычно используется для сравнения двух вещей, которые похожи по качеству, изображению или физическим свойствам. Таким образом, метафора – это сравнение двух разных объектов, которые косвенно обладают сходством. Например, предложение *Она – лиса*, не означает, что она – животное, но сравнивает её с лисой по качествам характера, то есть она хитрая.

Ньюмарк предлагает способы, которые можно использовать в качестве технического руководства при переводе метафоры для нахождения эквивалентного значения в языке перевода. Теория Ньюмарка подчеркивает, что метафоре нужно уделить особое внимание, чтобы достичь ее приблизительного значения в переводе.

Так, Питер Ньюмарк описал ряд приемов, с помощью которых переводчики обычно передают метафору в художественном тексте.

1. Происходит сохранение метафорического образа, в случае если он понятен и близок носителям другого языка. Этот способ используется для перевода метафоры языка источника в метафору языка перевода, которая имеет аналогичное значение и образ. Он применяется потому, что метафора исходного языка универсальна, поэтому читатель перевода может полностью понимать метафору так же, как читатель оригинала. Метафоры из одного слова чаще всего воспроизводятся этим методом.

2. Оригинальная метафора заменяется метафорой-эквивалентом. Приём используется, если метафора культурно совместима в языке перевода или не противоречит ее культуре. Ньюмарк утверждает, что стереотипные метафоры должны быть преобразованы в смысл, независимо от того, существуют они в языке перевода или нет, потому что они обычно ограничены культурой. Эвфемизмы также являются метафорами и часто должны заменяться культурным эквивалентом, переводчик должен попытаться всего лишь проинформировать читателя, а не повлиять на него.

3. Метафора переводится сравнением. Эта процедура переводит метафору в форму сравнения, но сохраняет образ. Однако это изменяет впечатление от метафоры, поскольку сравнение более сдержанно и явно. Этот способ может быть использован для изменения любого типа слова, а также оригинальной сложной метафоры.

4. Метафорический образ сохраняется с добавлением поясняющей информации. Это компромиссный способ, объединяющий коммуникативный и семантический переводы, которые адресованы как дилетанту, так и опытному читателю. Основное внимание здесь уделяется гляncy, а не эквивалентному эффекту. Следует отметить, что некоторые метафоры могут быть неполными в языке перевода без добавления смыслового компонента. Таким образом, эта процедура используется, чтобы избежать недоразумений, если простой перевод сбивает с толку большинство читателей.

5. Метафора переводится перефразированием [5, с. 158]. Этот способ может быть применен к любому типу текста и предпочтителен, когда замена образа языка источника на образ языка перевода является слишком широким с точки зрения смысла, а эмоциональный аспект может быть утерян. Таким образом, следует анализировать смысл метафоры компонентно или использовать буквальный язык.

6. Удаление метафоры. Это радикальный подход, поскольку он удаляет метафору вместе с компонентом смысла, если он избыточен, что приведёт к утрате образа. Переводчик должен принять взвешенное решение, определив, что является более важным и менее важным в тексте. Такое удаление происходит, если функция метафоры выполняется в другом месте текста.

7. Объединение метафор с одинаковым смыслом. Иногда переводчик хочет убедиться, что изображение будет правильно понято, поэтому он передает ту же метафору вместе со своим смыслом. Это может означать отсутствие уверенности в силе и ясности метафоры, но может быть и полезно, если метафора повторяется.

Повторение сохранит изображение, которое читателю не понадобится для дальнейшего объяснения.

В данной статье мы предпринимаем попытку анализа и сопоставления переводов стихотворения «Зимняя ночь» [1, с. 607], выполненных Кристофером Барнесом [6, с. 8]), Лидией Пастернак-Слейтер [14], Энтони Клайном [8], и в частности трансфера метафор оригинального произведения согласно приемам Ньюмарка.

Поэтический стиль Пастернака разных периодов остается одним из самых сложных для перевода. На первый взгляд может показаться, что это сложный ранний стих, основанный на множестве словесных игр, который больше всего теряет при переводе на другие языки. Тем не менее, успешные версии были выпущены в разное время такими переводчиками, как Джордж Риви, Роберт Лоуэлл, Лидия Пастернак Слейтер, Юджин Кейден, Питер Франс и Джон Сталлуорси. Их английские поэтические переводы в той или иной степени уравнивают ритм, рифму и метафору в ранних текстах Пастернака.

В своем более позднем творчестве Пастернак сознательно культивировал более прозрачную поэтическую систему, стремясь к пушкинским идеалам и преследуя новую и «неслыханную» простоту. На первый взгляд, такое письмо должно быть более благоприятным для перевода. Однако поэзия Пастернака 1930-х годов и послевоенного периода (включая стихи Доктора Живаго) осталась устойчива к усилиям английских переводчиков. Не было недостатка в переводчиках, к вышеназванным присоединились Майкл Харари, Дональд Дэви и Бернард Гильберт Герни. Возникшая проблема схожа с той, с которой сталкиваются переводчики Пушкина или Ахматовой – простота стиля, кажется, представляет так мало технических проблем, что может легко привести к банальности и пустоте выражения. Именно по этой причине многие читатели и критики по-прежнему предпочитают простые прозаические отрывки из стихотворений Живаго, опубликованные в оригинальном переводе Макса Хейворда и Маньи Харари, другим, более сложным попыткам «поэтического» перевода. Также нельзя отрицать красоту более поздних прозаических версий Герни, опубликованных в доступных в настоящее время североамериканских изданиях романа, и чье изящное и округлое выражение предлагает почти идеальную версию буквального значения оригинала, который сам по себе настолько насыщен, что частично компенсирует недостаток других поэтических качеств в этих версиях.

Метафора Б. Пастернака оригинальна и обладает огромной эмоциональной энергией. С помощью переносных значений, вещи сдвигаются со своих насиженных мест и приходят в бурное хаотическое движение, призванное запечатлеть действительность в ее естественном беспорядке [3, с. 14]. Проблема перевода метафоры Пастернака заключается в том, что в ряде случаев точность перевода нарушается при любом подходе в результате принципиального несовпадения дискурсов, то есть того, что, по меткому выражению Цв. Тодорова, дано «после языка, но до высказывания» [4]. Переводы стихов Бориса Пастернака являют собой наглядный пример этих несовпадений.

Обратимся к метафорам в стихотворении «Зимняя ночь». Для анализа и сопоставления мы выбрали языковые метафоры *воск слезами с ночника на платье капал* и *жар соблазна вздымал два крыла*. В переводе Кристофера Барнеса *on her gown the waxen flare shed tears that oozed and spattered* (дословно *и на её платье встывка воска проливали слёзы, которые хлестали и брызгали*) наблюдаем избыточные глаголы, среди которых *shed* – проливать (слёзы) относится к метафоре, а *oozed and spattered* введены, возможно, для усиления образа. В оригинале глагол *капал* сочетается и с каплями слёз, и с каплями воска, в английском языке глагол *drop* – капать соотносится со слезами, но не с воском. У Пастернака метафора реализуется в существительном *слезами*, на основе глагола *капал* по сходству, у Барнеса –

глаголом и существительным *shed tears*, что является устойчивым выражением, но сходство воска и слёз отсутствует. Переводчик реализует метафору перефразированием, часть образа утрачивается. У Лидии Пастернак-Слейтер читаем *drops of molten candle wax like tears rolling* (буквально *капли расплавленного свечного воска, как слёзы текли*). Переводчик использует сравнительный союз *like* (как), трансформируя метафору в сравнение. Энтони Клайн единственный из переводчиков не опускает существительное *nightstand* (ночник). Его вариант звучит так: *a candle on a nightstand shed wax tears upon a dress* (*свеча на ночнике проливала восковые слёзы на платье*). Также как у Барнеса употреблён глагол *shed*, сходство слёз и капель трансформировано в существительное с эпитетом *wax tears* (восковые слёзы), и перевод осуществлён перефразированием.

Метафора *жар соблазна вздымал два крыла*, безусловно, может быть разделена на два тропа: метафору *жар соблазна* и олицетворение *вздымал два крыла*, но для сохранения целостности образа и более полного анализа переводов мы будем использовать её нечленимой. Кристофер Барнес при переводе акцентирует внимание и переносит образ с жара соблазна на руки, как два крыла ангела *seductive fires enkindling with arms outspread in cruciform like two wings of an angel* (*соблазнительные огни зажигали (желанием) с вытянутыми руками в форме распятия как два крыла ангела*). Сохраняя сравнение *like two wings of an angel*, переводчик оригинальную метафору утрачивает, но добавляет новую *fires enkindling*. Пастернак-Слейтер переводит метафору таким образом, что сохраняется структура *heat of temptation it lifted up two crossing wings as of an angel* (*страсть соблазна подняла два скрещённых крыла как ангел*). Предлог *of* в английском языке соответствует родительному падежу в русском языке, кроме того, существительное *heat* сочетается также как и русское *жар*, следовательно, троп переведён первым способом по Ньюмарку, когда читатели языка перевода полностью понимают метафору исходного языка. У Клайна *the white fever of temptation upswept its angel wings that cast a cruciform shadow* (*белый жар (лихорадка) искушения поднял крылья ангела, которые отбрасывали крестообразную тень*) жар – болезнь, чего у Б. Пастернака нет, поэтому троп переведён перефразированием с утратой исходного образа. Следует отдельно остановиться на глаголе *вздымал*, в словарях он имеет пометку устаревшего и книжного. Переводчики используют глаголы *upswept*, *lifted up*, *outspread*, которые являются нейтральными, только *outspread* сочетается с *wings* (крылья). Смысл образа читателю понятен, но патетика потеряна.

В переводе стихотворения «Зимняя ночь», выполненном Л. Пастернак-Слейтер, метафора *it swept*, является буквальным трансфером русского *мело* (ср. метель метёт), стёртой метафоры, в английском же языке глагол *swept* (подметал, мёл) не сочетается с образом снега и метели. В результате буквального перевода возникает совершенно чуждый и несвойственный переводящему языку образ. В таких случаях следует прибегнуть к неметафорическому объяснению. Э. Клайн тоже переводит буквально *метель лепила* – *blizzard sculptured designs* – *метель создаёт скульптурные конструкции*, что не является подходящей метафорой для создания образа, скорее затрудняет понимание.

Проведенный анализ приводит к следующим выводам: густая метафоричность раннего творчества Бориса Пастернака вызывала трудность у переводчиков, более «прозрачная» поздняя поэзия также непростой в передаче образов. Авторы поэтических переводов чаще прибегают к перефразированию метафор, что не всегда является адекватным вариантом. Сравнение, которое реже выступает эквивалентом метафоры, точнее передаёт образ, делает его понятнее для читателя.

Очевидно, что для создания прекрасного английского стиха из великого русского оригинала, требуется поэт-переводчик, не менее талантливый, чем автор оригинала, но тогда это будет новое и неповторимое произведение оригинального творчества, вероятно, по духу далёкое от оригинала, как собственные русские версии

Шекспира и Гете у Пастернака. Однако стоит отметить, что переводчики не нейтрализовали метафоры, сохранив экспрессивность и эмоциональность текста в английском стихе. Это позволяет сделать вывод, что при переводе метафор у переводчика могут возникнуть трудности из-за отсутствия адекватного эквивалента в переводящем языке, различий в реалиях двух языков, их культурах и системах ценностей, которые неизбежно ведут к невозможности прямого перевода. Но всегда можно найти прием перевода, который максимально точно сможет передать смысл метафоры. Как отмечает Ньюмарк, выбор относительно того, сохранять или снимать метафору в переводе переводчик делает исходя из того, с каким типом текста он работает, каково количество индивидуально-авторским метафор в тексте (не перегружен ли текст) и насколько целесообразно будет в конкретной ситуации вообще прибегать к метафоризации.

Список источников и литературы

1. Катфорд Дж. Лингвистическая теория перевода. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
2. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 4: Доктор Живаго/ сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО, 2004. 756 с.
3. Сняевский А. Д. Поэзия Пастернака // Стихотворения и поэмы / Б. Л. Пастернак. М.; Л., 1965. С. 9-62.
4. Тодоров Цв. Понятие литературы [Электронный ресурс] // Philology.ru: Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/literature1/todorov-83b.htm> (дата обращения: 15.06.2020).
5. Шикалов С. В. Способы перевода метафор по Путеру Ньюмарку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Языкознание. 2010. Вып. 9 (588): Современные проблемы частной теории перевода. С. 156-162.
6. Barnes C. Boris Pasternak. The Poems of Doctor Zhivago [Electronic resource]. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/10/barnes10.shtml> (data: 13.03.2020).
7. Knowles M., Moon R. *Introducing Metaphor*. London; New York: Routledge. 2008. 192 p.
8. Kline A. S. (poetry translation) *Twenty-two poems in translation by Boris Pasternak* [Electronic resource]. URL: <https://www.poetsofmodernity.xyz/klineaspasternak.php> (data: 15.06.2020).
9. Larson M. L. *Meaning-based translation: A guide to cross language equivalence*. Lanham; New York; Oxford : University Press of America, 1998. 586 p.
10. Lifestyle Lounge (n.d.). *Importance of Translation* [Electronic resource]. URL: <http://lifestyle.iloveindia.com/lounge/importance-of-translation-10922.html> (data: 30.05.2020).
11. Newmark P. *Approach to Translation*. Englewood : Prentice Hall Regents, 1988. XII, 200 p.
12. Newmark P. *A Textbook of Translation*. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
13. Newmark P. *More Paragraphs on Translation*. Clevedon: Multilingual Matters. 1998. 226 p.
14. Pasternak B. *Winter night* [Electronic resource] / transl. by L. Pasternak Slater // *Friends & Partners: Linking US-Russia Across the Internet*. URL: <http://www.friends-partners.org/friends/literature/19...> (data: 30.05.2020).
15. *Spotlight The Importance of Translation* [Electronic resource].

URL: <http://spotlightenglish.com/listen/the-importance-of-translation> (data: 30.05.2020).

References

1. Catford J. C. *A Linguisticheskaya teoriya perevoda [Linguistic Theory of Translation]*. Moscow: URSS Editorial Publ., 2004. 208 p. [In Russian].
2. Pasternak B. L. *Polnoye sobraniye sochineniy s prilozheniyami v odinnadtsati tomakh [11-volume complete works], Tom 4 Doctor Zhivago [Vol. 4 Doctor Zhivago]* Moscow: SLOVO Publ., 2004. 637 p. [In Russian].
3. Sinyavskiy A. D. *Poeziya Pasternaka [The Pasternak Poetry]*. Moscow-Leningrad Sovetsky Pisatel' Publ., 1965. P. 9-62. [In Russian].
4. Todorov Ts. Ponyatiye literatury [Meaning of Literature]. *Semiotika [Semiotics]*. Available at <http://www.philology.ru/literature1/todorov-83b.htm> (accessed 15 June 2020). [In Russian].
5. Shikalov S. V. Sposoby perevoda metafor v kontseptsii Pitera N'yumarka [The procedure of metaphor translation using the concept of Peter Newmark]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]*, Issue 9 (588). 2010. P. 156-162. [In Russian].
6. Barnes C. The Poems of Doctor Zhivago. *Toronto Slavic Quarterly*. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/10/barnes10.shtml> (accessed 13 March 2020)
7. Knowles M., & Moon, R. *Introducing Metaphor*. London and New York: Routledge Publ. 2008. 192 p.
8. Kline A. S., Twenty-two poems in translation by Boris Pasternak. Available at: <https://www.poetsofmodernity.xyz/klineaspasternak.php> (accessed 15 June 2020)
9. Larson M. L. *Meaning-Based Translation: A guide to cross language equivalence*. USA 2nd ed. rev., University Press of America and Summer Institute of Linguistics Publ., 1998. 586 p.
10. *Lifestyle Lounge*. (n.d.). Importance of Translation. Available at: <http://lifestyle.iloveindia.com/lounge/importance-of-translation-10922.html> (accessed 30 May 2020)
11. Newmark P. *Approach to Translation*. Hertfordshire, Prentice Hall Publ. 1988. 295 p.
12. Newmark P. *A Textbook of Translation*. Hertfordshir, Prentice Hall Publ. 2008. 292 p.
13. Newmark P. *More Paragraphs on Translation*. England, Multilingual Matters Publ. 1998. 226 p.
14. Pasternak B. Winter night, transl. by L. Pasternak Slater. Available at: <http://www.friends-partners.org/friends/literature/19...> (accessed 30 May 2020)
15. Spotlight The Importance of Translation. Available at: <http://spotlightenglish.com/listen/the-importance-of-translation> (accessed 30 May 2020).

Сведения об авторе

Жабина Оксана Михайловна –
магистрантка факультета русской
филологии и документоведения
ФГБОУ ВО «Тулский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: j.u.j.a@mail.ru).

Information about the Author

Zhabina Oksana Mikhailovna,
master student of The Department of Russian
Philology and Document Science
of the Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(e-mail: j.u.j.a@mail.ru).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ Д. И. РУБИНОЙ

А. Э. Павлова

*Костромской государственной университет
(г. Кострома, Россия)*

Аннотация. Данная работа продолжает ряд исследований, посвященных изучению лингвистической природы парадоксальности. В статье рассматриваются фразеологизмы как средства выражения парадоксальности в рамках приемов остранения и афоризма в рассказах Д. И. Рубиной. Использование фразеологических единиц как одного из ярких средств создания парадоксальности обусловило актуальность исследования, поскольку доминантными средствами чаще становятся лексические единицы. Смысловое преобразование ФЕ в контексте сопряжено с контекстуальным преобразованием их внутренней формы, которая создает экспрессивность, своеобразие отражения картины мира автора. Одним из интересных приемов создания комического эффекта является языковая игра. Она образуется вследствие структурно-семантических преобразований фразеологизмов: создание индивидуально-авторские фразеологизмы с компонентом-зоонимом, индивидуально-авторских афоризмов. При структурно-семантических трансформациях образуются оригинальные единицы речи, которые выражают индивидуализированное концептуальное содержание текста произведения.

Ключевые слова: фразеологизмы, парадоксальности, прием «остранение», трансформации фразеологических единиц.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF CREATING PARADOXALITY IN THE STORIES BY D. I. RUBINA

A. E. Pavlova

*Kostroma State University
(Kostroma, Russia)*

Abstract. This work continues a series of researches devoted to the study of the linguistic nature of paradoxicality. The article considers phraseological units as a means of expressing paradoxicality within the framework of techniques of estranging and making aphorisms in the stories of D. I. Rubina. The use of phraseological units as one of the most striking means of creating a paradox has determined the relevance of the study, since lexical units often become dominant means of doing it. The semantic transformation of phraseological units (PU) in the context is associated with the contextual transformation of their internal form, which creates expressiveness, originality of reflection of the author's worldview. One of the interesting techniques for creating a comic effect is a language game. It is a result of structural and semantic transformations of phraseological units: creation of individual author's phraseological units with a zoonym component, individual author's aphorisms. During structural and semantic transformations, the author forms the original units of speech. They express the individualized conceptual content of the text of the work.

Keywords: phraseological units, paradoxes, "estranging" technique, transformations of phraseological units.

На современном этапе развития лингвистики особую актуальность приобретает исследование и описание языковых единиц в аспекте проблемы человеческого фактора в языке. Проблема авторской индивидуальности во многом связана с нестандартностью мировидения художника, парадоксальностью мышления, что позволяет ему представить явления и предметы реальной действительности по-другому, с неожиданной точки зрения. Иногда парадоксальность становится яркой чертой идиостиля автора, что требует актуализации речевых элементов, позволяющих по-новому представить предмет или явление, нарушения круга стереотипов для реализации эстетической задачи.

В художественных текстах Д. И. Рубиной, отличающихся парадоксальностью, часто используется прием «остранения» для создания образов персонажей посредством фразеологических единиц (далее ФЕ). В настоящей работе под остранением понимается прием художественного изображения, направленный на преодоление автоматизма восприятия [1, с. 397-399]. При разнообразии выполняемых фразеологизмами функций в художественном тексте в этом случае одновременно реализуются две функции - характерологическая и комическая, что обусловлено интенциями автора – показать героев произведений через призму иронии или самоиронии [4, с. 8-9]. Большая часть ФЕ русского языка, прагматический потенциал которой ориентирован на создание комического, так как изначально данные единицы являются не столько средством именованья, сколько средством выражения эмоционально-оценочного отношения к обозначаемому, использована автором в трансформированном виде. Вслед за А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко мы придерживаемся известной классификации преобразования фразеологических единиц [2, с. 191-193]. Стремясь усилить комическое звучание текста, автор разрушает установившиеся в языке закономерности сочетаемости слов: один из ярких способов состоит в замене отдельных слов, входящих в состав устойчивого оборота, другими словами. Подобное изменение структуры слитного словосочетания обязательно мотивируется содержанием текста. Так, в повести «Когда же пойдёт снег?» главная героиня произносит фразу: «А я для мамы – *горький* ребёнок!». В данном примере автор использует трансформированный фразеологизм, в котором изменен компонент (ср.: узуальная ФЕ *поздний ребенок*). Компонент фразеологизма *горький* используется автором для передачи чувств пятнадцатилетней девочки, которая узнаёт, что мама, полюбив другого человека, для сохранения семьи, родила её, а потом погибла в авиакатастрофе. Здесь ирония создается на основе столкновения коннотаций компонентов, закрепленных в языковом сознании: *ребенок* как безусловная радость и *горький* в значении, приносящий страдания.

Использование индивидуально-авторских фразеологизмов с компонентом-зоонимом также создает комический эффект. Например, в рассказе «Когда же пойдёт снег?» есть фраза: «Что ты за человек! Тебя же из дому нельзя выпустить, ты же, *как свинья лужу, ищешь* для себя идиотские приключения!» Образное значение данной ФЕ синонимично сближается с ФЕ *пускать козла в огород* в значении «удовлетворить все свои дурные наклонности, страсти», а также с поговоркой «свинья грязи найдет». Часто узуальная ФЕ обыгрывается в контексте произведения, где происходит столкновения прямого и переносного значения слова. «Я подумала, что сейчас он прийдёт меня, *как сидорову козу*, и ещё подумала, что здорово, наверно, попало, этой козе, если она вошла в поговорку». Здесь происходит обыгрывание значения ФЕ *как сидоровой козе быть выдранному, высеченному* [5, с.307], когда один компонент *коза* представлен и в переносном и прямом значении. В целом, обыгрывание фразеологизмов у Рубиной встречается нередко, что «разрушает» стереотипность восприятия ситуации, в том числе и языковой.

В результате двупланового осмысления фразеологизма, когда сталкиваются первичное и метафорическое значения устойчивого словосочетания, возникает языковая игра, которая оживляет восприятие смысла. «А ведь *на носу* зима, – сказала

я. – Сезон носовых платков» («Когда же пойдёт снег?»). ФЕ *на носу* употреблена в данном примере в значении «в самое ближайшее время, вот-вот (что-либо произойдет, наступит)» [5, с. 40], одновременно с тем контекстно обыгрывается один из ее компонентов, который соотнесен с авторским афоризмом «Зима – сезон носовых платков», где он используется в прямом значении как прилагательное, образованное от существительного *нос*.

Автор часто прибегает к подобному приему: когда известные афоризмы полностью переосмысливаются автором для более яркого выражения отношения к сообщаемому, для передачи авторских чувств и иронических оценок. «Кто-то изобрёл прекрасную формулу – *«Жизнь – сложная штука»*. Это замечательный щит для всех от всего на свете» («По субботам»). Афоризм *«Жизнь – сложная штука»* представляет собой универсальное высказывание, содержащее стремящуюся к истине и полученную обобщением глубокую, законченную мысль о жизни как явлении действительности. Он выполняет функцию интерпретации, комментирования, оценки конкретной ситуации, а также полемическую функцию. Героиня рассуждает о том, почему ее родители оставили ее одну, пытается разобраться в причине такого поступка взрослых людей по отношению к своему ребенку, поэтому перифраза данной речевой формулы становится новым взглядом на неё. Другой индивидуально-авторский афоризм: *«Женщина должна быть статуэткой, а не Эйфелевой башней»*, действительно, выражает иронию. Он использован в речи героини повести «Когда пойдёт снег?»: «Ни в коем случае! – оборвала я. – *Женщина должна быть статуэткой, а не Эйфелевой башней*. Лгала бесстыдно. Благоговею в душе перед крупными женщинами. Но что поделаешь – при моих доспехах нужно уметь обороняться...» Здесь ирония является не столько насмешкой над другими женщинами, которые отличаются от героини физическими данными, сколько желанием «скрыть» причину собственных переживаний по поводу маленького роста. Афоризм, построенный на антитезе статуэтка (миниатюрная)– Эйфелева башня (огромная), создает комический эффект.

Обратимся к другому афоризму, сказанному другой героиней, Динкой: *«Кто не любит собак, тот недостоин звания человека!»* – сказала я старухе. – Так говорил Сент-Экзюпери. Сент-Экзюпери этого не говорил. Это сказала я. Но моего авторитета для нее было явно недостаточно. Поэтому я метнула в старуху своей цитатой и пригвоздила её именем Сент-Экзюпери. А я не знаю, может быть, Сент-Экзюпери и сказал что-нибудь такое.... Ну почему одна и та же мысль не могла прийти в голову мне и писателю Сент-Экзюпери» («Этот чудной Алтухов»). Здесь индивидуально-авторский афоризм приближается по функции к сентенции, так как характеризуется дидактической наполненностью. Он так же, как и узуальный афоризм *«Собака – друг человека»*, выражает мысль о том, что человек должен с добротой относиться к любому живому существу, в частности к собаке, однако комический эффект возникает вследствие того, что героиня приписывает ему чужое авторство.

На протяжении всего творчества автор тяготеет к использованию индивидуально-авторских афоризмов. В рассказе «Шарфик», относящемся к более позднему периоду творчества Д. И. Рубиной мы читаем: *«Говорят, разница между любовью южан и северян – знаете в чем? На Юге любят тех, с кем спят. А на Севере – спят с теми, кого любят...»*. В данном афоризме также используется прием антитезы как сопоставление контрастных понятий и образов: «юг» – «север», «южан-северян», а также столкновение в одном контексте разных значений полисемантов «спят» – «любят». Изменение порядка слов в предложении, безусловно, актуализирует разные значения многозначных слов. Так, слово *спят* в первом предложении имеет значение «плотская любовь», а во втором предложении «настоящая любовь, в первую очередь, духовная». Интересно, что парадокс заключается в том, что порядок использованных лексем – сначала любить затем спать

и, наоборот, спать, а затем любить – меняет смысл фразы, что создает иронию. Усиливает ее прием синтаксического параллелизма.

Д. И. Рубина как художник, остро чувствующий дуальность бытия, когда мир, реальный и ирреальный, сосуществует вместе, когда между мирами нет четкой грани, а невидимая грань подвижна при взаимопроникновении миров, передает это видение в своих произведениях. Преодолевая стереотипное восприятие ФЕ, автор, под пером которого рождаются яркие, оригинальные единицы речи стремится к выражению индивидуализированного концептуального содержания произведения.

Список источников и литературы

1. *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова и [др.] М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.*
2. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 455 с.*
3. *Рубина Д. И. Любка: рассказы. М.: Эксмо, 2011. 432 с.*
4. *Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX-XX веков. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. 378 с.*
5. *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 1997. 390 с.; Т. 2. 1997. 395 с.*

References

1. *Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary].* Edited by L. Yu. Ivanov Moscow: Flinta Publ., 2003. 840 p. [In Russian].
2. *Melerovich A. M., Mokienko V.M. Sovremennaya russkaya frazeologiya (semantika – struktura – tekst) [Modern Russian phraseology (semantics - structure - text)].* Kostroma: Kostroma State University N A Nekrasov Publ., 2011. 455 p. [In Russian].
3. *Rubina D. I. Lyubka: rassказы [Lyubka: stories].* Moscow: Eksmo Publ., 2011. 432 p. [In Russian].
4. *Fokina M. A. Frazeologiya v russkoy povestvovatel'noy proze 19-20 vekov [Phraseology in Russian Narrative Prose 19th-20th centuries].* Kostroma: Kostroma State University N A Nekrasov Publ., 2007. 378 p. [In Russian].
5. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 tomakh. [Phraseological dictionary of the Russian literary language in 2 volumes] Tom 1 [Volume 1] 390p, Tom 2 [Volume 2] 395 p. Compiled by A.I. Fyodorov. Moscow: Tsitadel Publ. 1997.*

Сведения об авторе

Павлова Анна Эдуардовна –
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры отечественной
филологии ФГБОУ ВО «Костромской
государственный университет»
(e-mail: kaf_ofg@ksu.edu.ru).

Information about the Author

Pavlova Anna Eduardovna,
candidate of philological Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Russian Philology of the
Kostroma State University
(e-mail: kaf_ofg@ksu.edu.ru).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПАРАДОКСЫ ДВУЯЗЫЧНОГО ЧТЕНИЯ

Е. Ю. Протасова

Хельсинкский университет
(г. Хельсинки, Финляндия)

Аннотация. В статье рассматривается проблема чтения у билингвов за рубежом, перечисляются возможности и особенности чтения, предоставляемые ситуацией двуязычия. Показано, чем отличается чтение в методике обучения русскому языку как родному и как иностранному и какое положение занимает методика обучения билингвов. Анализируются исследования чтения билингвами текстов на русском языке. Рассказывается, как происходит овладение чтением на современном этапе в русскоязычных семьях за рубежом и какова роль текстов в этом процессе. Демонстрируются сильные и слабые стороны двуязычного чтения. Даются рекомендации по чтению книг двуязычным детям младшего возраста. Приводится опыт обучения русскому языку как родному студентов-билингвов за рубежом в плане работы над текстами: ее поэтапности и приемов.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, методика обучения билингвов, родной язык, русский язык за рубежом, овладение чтением, работа над текстом, использование книг с билингвами.

PATTERNS AND PARADOXES OF BILINGUAL READING

E. Y. Protasova

University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

Abstract. This article discusses the problem of reading among bilinguals living abroad, lists the opportunities and features of reading provided by the situation of bilingualism. It shows the ways in which teaching reading differs in the methodology of teaching Russian as a native language and as a foreign language. In addition, the author mentions what position the method of teaching bilinguals occupies in the methodology. The work analyzes the research on bilinguals reading texts in Russian. The article describes how reading is mastered in Russian-speaking families living abroad at the present time and what the role of texts in this process is. The work demonstrates the strengths and weaknesses of bilingual reading. The author gives recommendations for the ways of reading books for the young bilingual children. The article describes the experience of teaching Russian as a native language to bilingual students living abroad in terms of the process of working on texts: its stages and techniques.

Keywords: child and student bilingualism, methods of teaching bilinguals, native language, Russian language abroad, mastering reading, working on the text, using books with bilinguals.

В методике преподавания русского языка билингвам тексты играют особую роль. Они призваны компенсировать недостаток регулярного, систематического и разнообразного чтения литературы, недостаток общения, недостаток времени на обучение языку. В настоящей статье ставится вопрос о том, чем отличается чтение у билингвов в условиях ограниченного речевого окружения от чтения у монолингвов в

среде родного языка и какие выводы можно сделать для методики обучения русскому языку как домашнему за рубежом.

Билингвами мы считаем детей, выросших за рубежом в семьях, где употреблялся русский язык (одним или обоими родителями с участием или без участия бабушек и дедушек в воспитании). Каждая семья проводит свою внутреннюю языковую политику, способствуя усвоению языка или препятствуя ему, и некоторые дети владеют повседневной речью близко к тому уровню, на котором говорят их сверстники в России. Однако много и тех, кто владеет русским в разной степени, а отдельные билингвы не умеют достаточно быстро читать и пишут в стиле «наивного письма». Словарный запас билинг-вов на русском языке к окончанию школы имеет, как правило, большие лакуны. На кафедрах и курсах русского языка за рубежом таких студентов немало [12, 13, 14].

Чтение текстов в методике обучения родному языку ставит перед собой цели развлечения (если речь идет о семейном/домашнем чтении), расширения словарного (в широком смысле) запаса, обучения, создания прецедентной базы для развития собственного стиля, нравственного воздействия. Под широким смыслом мы понимаем не только отдельную словарную форму или фразеологизм, как можно было бы себе представить, но и контексты вхождения слов, коллокации, цепочки умозаключений, вариативности морфосинтаксических правил совместной встречаемости слов. У каждого индивидуума возможности идиолекта ограничены, поэтому общение с другими людьми и другими текстами дают представление о так называемом богатстве языка, т.е. о лексическом запасе и обилии комбинаций лексем. Воспитательный аспект воспринимается либо как важнейшая задача литературы, либо как побочный эффект – повод для обсуждения некоторых возникающих по ходу чтения вопросов. Лет 20 назад возникали острые споры вокруг создания канона: списка обязательных для прочтения всеми книг. С другой стороны, выяснилось, что ценности предыдущих поколений очень быстро устаревают, создается и переводится много новых книг, не менее замечательных, чем предыдущие, поэтому у каждой семьи складывается свой канон. Программы чтения дошкольных и школьных образовательных учреждений, тем не менее, пользуются особыми списками художественных произведений, на которых строится учебная программа по литературе. В конце концов, выбор произведений оказывается делом вкуса.

В методике обучения второму языку тексты играют центральную интегрирующую роль: вокруг них традиционно строится урок. Они могут быть аутентичными, адаптированными и учебными, т.е. написанными специально для данного пособия и содержащими, по возможности, те черты языка, на которые делается упор в конкретном занятии. Есть предтекстовые, притекстовые и послетекстовые упражнения, а также дополнительные поясняющие и уточняющие материалы. Многие из них в наши дни переходят в онлайн. Честь реалий может объясняться на втором языке. В собственно чтении различают технический навык и понимание смысла. Обе стороны процесса, на самом деле, могут бесконечно совершенствоваться. За пределами нашего контроля остается момент перехода: когда накопленные в процессе чтения и понимания воспринятые черты текста могут перерасти в собственные возможности и позволят создавать свои тексты. Некоторые обучаемые никогда не пробуют перевести рецептивные способности в продуктивные. На этапе работы с текстом в вузе эти проблемы все еще остаются актуальными [11].

В обучении тех, кто активно использует в жизни два языка, из которых один – семейный – выучен преимущественно в устном общении с детства, используются гибридные методы преподавания, учитывающие оба методических подхода. При мультилингвизме возникают вопросы о том, как распределить функции между языками, что на каком языке делать, в частности читать, а если дублировать, то что именно. Преподавая русский язык как домашний за рубежом, учителя постоянно сталкиваются с вопросом: сокращать или не сокращать требования, адаптировать или

не адаптировать тексты, как решать проблемы с расхождением церковных и гражданских календарей, с принципами политкорректности и толерантности, отраженными по-разному в российских и местных текстах. В многоязычной ситуации должны вставать вопросы перевода текстов с языка на язык, и этому можно начинать учить с детского возраста [15]. Вопросы чтения поднимались еще в первой волне эмиграции, где рассматривались произведения как зарубежной, так и советской детской литературы [2]. В обучении билингов тексты играют значительную роль [10]. Без знания прецедентных текстов невозможно подлинное взаимопонимание [4]. Подчеркивается, что необходимо создавать игровую и иную мотивацию при чтении русской классической и современной литературы, и для этого используются интерактивные онлайн-уроки, мультфильмы по мотивам произведений, раскраски, рабочие листы, театрализация [1, 6]. В то же время важно учитывать, что новые поколения читают иначе, чем привыкли читать их родители и учителя [3].

Е. Нерман [8] подчеркивает, что, прежде чем читать текст про себя, ребенок должен прочитать его несколько раз вслух, поэтому детей-билингвов необходимо учить громкому чтению. Такое проговаривание способствует повышению грамотности. Проводя свое исследование с русско-финскими первоклассниками-билингвами, занимающимися русским языком как родным либо в двуязычной школе, либо на сдвоенном уроке один раз в неделю, исследовательница сравнивала их успехи в русском и финском языках. Разброс умений был довольно большим, от неспособности прочитать текст до полного владения всеми необходимыми навыками на обоих языках. Обращалось внимание не только на скорость и правильность чтения, но и на его выразительность, а также на понимание содержания. Незнакомые слова детям приходится произносить по слогам или с ошибками, но то же новое слово читают правильно во второй и третий раз. Финский текст всем было читать проще, чем русский, даже если они не всегда понимали, о чем читают, в силу особенностей однозначности соотношения звука и буквы в этом языке. Если ребенок хорошо понимает текст, то он его и читает, как правило, выразительно, и наоборот. Плавность чтения зависит от частоты занятий языком, причем здесь один язык поддерживает другой, а также влияет на понимание текста. Чем легче читает ребенок слово, тем быстрее он читает и предложение, но это не значит, что он его понимает. У несбалансированных билингвов показатели чтения лучше в доминирующем языке, за исключением подмен одних слов другими: чем сильнее язык, тем больше ошибок в окончаниях делают дети, поскольку им вредит неверная догадка о том, что будет дальше. Отмечено много ошибок в постановке русского ударения, особенно у тех, кто лучше владеет финским; у всех наблюдались замены, пропуски и вставки. Больше всего ошибок в русском на твердость-мягкость согласных, в финском – на замены, особенно в окончаниях. Текст на доминирующем языке был также легче для понимания.

В эксперименте [5] изучалось, как финско-русские билингвы в начале второго и третьего классов (те же дети) читают и понимают русский текст, а также какие у них особенности чтения по-фински в начале третьего класса. Тестировались дети с доминантным русским и доминантным финским языками. Среди специфических ошибок билингвов были затруднения артикуляции, приблизительность произнесения, проблемы с чтением скопления согласных, замены шипящих на С и путаница их между собой, вставки звуков, путаница глухих и звонких, твердых и мягких согласных. Через год произношение в обеих группах почти выровнялось, наибольшую трудность вызывала редукция гласных в безударных слогах. Доминантность языка проявлялась в скорости чтения, но различия между группами с возрастом ослабели, как и в объеме влияния финского языка на русский.

Н. В. Риттер [9] анализирует, как читают вслух русские монолингвы и немецко-русские билингвы (которые родились в Германии или которых приехали в младенчестве) в детском и подростковом возрасте. Проверяется скорость чтения,

отклонения от исходного текста, самоисправления и хезитации. Чуть больше половины билингвов смогли прочесть рассказ М. Зощенко до конца, и умение читать увеличивалось с возрастом. Скорость чтения у моно-лингвов была значительно выше, чем у билингвов, хотя и увеличивалась с возрастом. У младших она почти соответствовала нормативам российской школы, но в дальнейшем разрыв увеличивался. Позитивная динамика была у фонетико-фонологических отклонений, связанных с акустико-артикуляционным или оптическим сходством букв и звуков двух языков, а также с неуверенностью в некоторых буквах и с мягкостью согласных: если у младших билингвов их было 10%, то у старших 4%. Встретилось около 4% лексических отклонений (замены на слова, близкие по значению, звучанию или написанию) и 2% морфосинтаксических (выбор окончания). У монолингвов больше всего отклонений наблюдалось на лексическом уровне и меньше всего на фонетико-фонологическом. У билингвов паузы хезитации, самоперебивы и повторы встречались также чаще, чем у монолингвов. Все же есть и такие билингвы, чей уровень владения языком не отличается от монолингвального.

Социальные роли и функции книг менялись в обществе на протяжении истории человечества [7]. Иногда они символизировали статусность, а временами бывали опасными и подозрительными. То предмет роскоши, то расходный материал – сегодня те, кто вез книги в эмиграцию как самое дорогое из накопленного в предыдущей жизни, горами вываливают их на помойки. И потому, что держать дома бумажные книги – ненужная и непозволительная роскошь, и потому, что им есть разнообразные замены в электронном виде. Кроме того, сталкиваются предыдущие и новые моральные оценки книг: современная политкорректность позволяет использовать многое из того, что было когда-то образцом нравственности, сегодня только как историческое свидетельство или курьез. Однако исключение – детские книги: им невозможно найти замену, в частности, при обучении языкам с раннего возраста (см., например, сайт repelt21.com, посвященный обучению английскому малышей).

Если в доме есть книги, их активно читают, передают друг другу, обсуждают содержание, то создается атмосфера, при которой печатное слово – ценный элемент жизни, без которого теряется обаяние момента и время заполняется менее разнообразно. Следует выбирать, как ни тривиально это звучит, интересные книги, которыми можно увлечься, потому что иначе не создать мотивацию ни к слушанию, ни к чтению. Для чтения вслух стоит добиваться баланса между знакомой и незнакомой лексикой, выбирать не адаптированные книги, а перефразировать те места, которые непонятны, а затем читать их в оригинале заново (хотя по этому поводу есть разные мнения). Полезными могут также оказаться сайты biblioschool.ru, read-analytic.ru, biblioclub.ru.

Методисты, работающие с билингвами, подчеркивают необходимость создания комфортных условий для чтения, возможность повторного чтения: во второй раз текст воспринимается иначе, чем в первый, и одно не заменяет другое. Возможно, первый раз более опытный чтец (взрослый или старший ребенок) читает вслух менее опытному, а потом он читает сам. Полезно, что-бы начинающий овладение чтением пытался бы прочитать хоть что-то сам, например, заголовки, подписи и короткие реплики, или же чтобы чтение чередовалось: простую книгу читает ребенок, а сложную – взрослый, и читают они друг другу по очереди. Встает также вопрос о том, не следует ли читать одну и ту же книгу на разных языках, а если да, то имеет ли право это делать один и тот же человек или за каждым языком должен быть строго закреплен его носитель, читать ли последовательно или параллельно, и если да, то отрывками какой величины, сличать ли перевод и оригинал (или два перевода, если первоисточник на третьем языке), насколько глубоко погружаться в лингвистические тонкости.

При чтении на разных языках меняется интонация, по-разному выражаются эмоции, возникает иная картина мира, в воображении всплывает оригинальное представление о месте действия и пространстве книги, несовпадающие ассоциации связываются с понятиями «мы» и «они», смешиваются паронимы, путается орфография и ударение – если эти явления по-разному трактуются в паре взаимодействующих языков. Когда речь идет о чтении и использовании текстов билингвами, то обильное знакомство с разными по содержанию, стилю и форме произведениями помогает разделять языки и обогащать каждый из них. Билингвы будут также рады увидеть текст на смешанном языке, использующий заимствования, цитаты, переходы, межъязыковую словесную игру: они почувствуют, что такого рода создание – их стихия.

При регулярном использовании книг – в том числе и в первую очередь учебников – речь уже может идти о билингвальном подходе. За счет двуязычного образования формируется множественный (лингвистический, культурный и даже экономический) капитал ребенка. Он заключается в способности говорить на разных языках, овладевать разнообразными культурными ценностями, совершать интеркультурные сравнения, быть чувствительным к проявлениям творчества, уметь извлекать выгоду из своих знаний. Считается, что двуязычные обладают особой культурной эмпатией и менее суеверны, чувствительны к состоянию другого человека, лучше игнорируют необязательные сведения. Все это вырабатывается в том числе и в процессе чтения как главном пути к образованию.

Остановимся в заключение на том, каким именно путем мы занимаемся чтением на русском языке с билингвами (в данном случае мы не говорим о текстах для перевода и связанных с ними учебных задачах).

1. Отбор текстов осуществляется на основе анализа того, что хуже всего знакомо билингвам. Это, прежде всего, лексика, идиоматика и коллокации, связанные со школьным курсом наук. Если русский язык студенты-билингвы изучали как родной, то они владеют соответствующей терминологией, если же они изучали его как иностранный, то термины, как правило, давались им на другом языке.

2. Второй принцип отбора материала – страноведческий. Это значит, что благодаря знакомству с текстами студенты должны владеть материалом, касающимся страны их проживания, России и других стран, где в ходу русский язык, а также уметь понимать и говорить по-русски обо все, что происходит в мире.

3. Очень хорошо подходят тексты, содержащие статистику и элементы сравнения разных стран между собой. Они, как правило, интересны всем, а необходимость называть цифры заставляет повторить один из самых сложных разделов грамматики – числительные. Менее интересны тексты с большим количеством числовых данных и датами, но они также расширяют кругозор, заставляют помещать события в историю и возвращают к употреблению числительных.

4. Тексты должны быть актуальными, не слишком сухими, представляющими разные стили речи, говорящими на темы, которые студенты обсуждают в реальной жизни. Такие тексты должны соответствовать общественному дискурсу или так отличаться от него, чтобы это тоже было интересно критиковать и обсуждать. Информация должна содержаться в них в концентрированной форме, потому что времени на чтение и обсуждение не так уж много.

5. Этапы работы над текстами, разумеется, включают в себя введение в тему, рассказ о том, чему будет посвящен текст, обсуждение со студентами возникающих на эту тему вопросов или элемент интриги, если нужно, сообщение сведений об авторе. Далее, студенты читают текст вслух по очереди, поскольку не у всех этот навык развит достаточно хорошо. По ходу чтения непонятные слова комментируются (по возможности – самими студентами), придумываются синонимы, антонимы, паронимы к отдельным словам, рассказывается их этимология, историзмы

помещаются в контекст. Кроме того, преподаватель или студенты по цепочке могут задавать следующему участнику занятия вопросы, ответами на которые будут фразы или предложения из текста. Возможны и другие задания: сказать то же предложение, но с противоположным значением; сделать из утвердительного отрицательное и наоборот; прочитать текст в другом времени; заменить персонажа, от которого идет повествование; сделать сообщение нейтральным, веселым или грустным. Наконец, обсуждается само содержание текста, причем желательно задавать провокационные или проблемные вопросы, чтобы возникла полемика. Практикуется также перенос поученных из текста сведений на другой материал (в иную эпоху, местность и пр.).

6. Если каждый читает свой текст про себя, то тексты подбираются так, чтобы у каждого была какая-то оригинальная тема либо чтобы в парах были разные взгляды на одно явление или освещались разные стороны одной проблемы. Дополнительные возможности, предоставляемые работой в парах, состоят в предъявлении друг другу пересказов и резюме текстов, сообщений в виде загадки, а также сравнений положений текстов между собой.

Наглядная опора дает возможность соотнести устный и письменный варианты текста, усилить связь напечатанного и произнесенного. Представляется, что данные виды работы с текстами носят преимущественно творческий характер и полезны для углубленного изучения русского языка как второго родного билингвами за рубежом. Не каждый раз используются все эти формы работы – их выбор зависит от длины и характера текста.

Список источников и литературы

1. *Афанасьева Э. М., Пашков А. В. Интерактивное чтение русской классической литературы на занятиях с детьми-билингвами в зарубежных центрах партнерской сети «Институт Пушкина» // Русский язык за рубежом. 2017. № 1. С. 26-28.*
2. *Димьяненко А. А. Советские исследования детской книги и детского чтения на страницах журнала «Русская школа за рубежом» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 3. С. 383-390.*
3. *Иняшкин С. Г. Как читают дети поколения Z // Русский язык за рубежом. 2019. № 1. С. 114-118.*
4. *Калашникова А. Л. Роль прецедентных текстов при обучении русскому языку коренных малочисленных народов России (на материале открытых онлайн-курсов КемГУ) // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 86-91.*
5. *Корнеев А., Протасова Е. Овладение чтением на двух языках у финско-русских билингвов // Многоязычие и ошибки: [сб.] / под ред. Е. Протасовой. Berlin: Retorica, 2014. С. 214-224.*
6. *Кулибина Н. В. Роль художественного текста в обучении детей-билингвов русскому языку // Вестник РУДН. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 431-435.*
7. *Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург: У-Фактория; Минск: Харвест, 2008. 381 с.*
8. *Нерман Е. Особенности овладения чтением: русскоязычные дети в Финляндии // Многоязычие и ошибки: [сб.] / под ред. Е. Протасовой. Berlin: Retorica, 2014. С. 193-213.*
9. *Риттер Н. В. Чтение вслух на русском языке в детском и подростковом возрасте: билингвы и монолингвы в сравнении // Проблемы онтолингвистики – 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия: материалы ежегодной международной научной*

- конференции. 26–28 июня 2017, Санкт-Петербург. Иваново: Листос, 2017. С. 145-152.
10. Хамраева Е. А. Обучение детей-билингвов технике чтения: вы читаете по-русски? // *Русский язык за рубежом*. 2018. № 6. С. 17-23.
 11. Черкашина Т. Т. Учебный текст как "упаковка" смысла: специфика поиска и языкового оформления // *Методика преподавания русского языка (как иностранного, как второго): история, современное состояние, перспективы развития/ под общ. ред. Т. М. Бальхиной. М.: РУДН, 2017. С. 432-442.*
 12. Ivanova-Sullivan T. *Heritage Russian in the US and the new type of pluricentricity in the context of immigration // The Soft Power of the Russian Language. Pluricentricity, Politics and Policies / Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya M. (eds.). Abingdon: Routledge, 2020. P. 223-236.*
 13. Kagan O. *Russian heritage language speakers in the U.S.: A profile // Russian Language Journal. 2010. Vol. 60. P. 215-230.*
 14. Kagan O., Kudyma A. *Heritage language learners of Russian and L2 learners in the Flagship Program: A comparison // Russian Language Journal. 2012. Vol. 62. P. 27-46.*
 15. Sugranyes Ernest C., González Davies M. *Translating heritage languages: Promoting intercultural and plurilingual competences through children's literature // Children's Literature in Multilingual Classrooms: From Multiliteracy to Multimodality / Hélot C., Sneddon R, Daly N. (eds.). London: Institute of Education: University of London, 2014. P. 1-16.*

References

1. Afanasyeva E. M., Pashkov A. V. *Interaktivnoye chteniye russkoy klassicheskoy literatury na zanyatiyakh s det'mi-bilingvami v zarubezhnykh tsentrakh part-nerskoy seti «Institut Pushkina» [Interactive reading Russian classical literature at lessons for bilingual children in the centres abroad Pushkin Institute] Russkiy yazyk za rubezhom. №1 [Russian Language Abroad. Issue 1]. 2017. Pp. 26-28. [In Russian].*
2. Dimianenko A. A. *Sovetskiye issledovaniya detskoy knigi i detskogo chteniya na stranitsakh zhurnala «Russkaya shkola za rubezhom» [Soviet studies of children's books and children's reading in the pages of the magazine "russian school abroad".] Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii Tom 20 Vyp. 3 [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy Vol. 20, Issue 3]. 2019. Pp.383-390. [In Russian].*
3. Inyashkin S. G. *Kak chitayut deti pokoleniya Z [How do generation z children read] Russkiy yazyk za rubezhom. №1 [Russian Language Abroad. Issue 1]. 2019. Pp. 114-118. [In Russian].*
4. Kalashnikova A. L. *Rol' pretsedentnykh tekstov pri obuchenii russkomu yazyku korennykh malo-chislennykh narodov Rossii (na materiale otkrytykh onlayn-kursov KemGU) Role of precedent texts at teaching Russian to native peoples of Russia (on the material of opened online courses of Kemerovo state university) Russkiy yazyk za rubezhom. №3 [Russian Language Abroad. Issue 3]. 2018. Pp. 86-91. [In Russian].*
5. Korneev A., Protasova E. *Ovladeniye chteniyem na dvukh yazykakh u finsko-russkikh bilingvov [Mastering reading in two languages for Finnish-Russian bilinguals] Mnogoyazychiye i oshibki [Multilingualism and errors] edited by Protasova E. Y. Berlin: Retorica Publ., 2014. Pp. 214-224. [In Russian].*
6. Kulibina N. V. *Rol' khudozhestvennogo teksta v obuchenii detey-bilingvov russkomu yazyku [The role of literary text in teaching bilingual children Russian language]. Vestnik RUDN. Seriya.: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. Tom 14, № 3*

- [RUDN JOURNAL OF LANGUAGE EDUCATION AND TRANSLINGUAL PRACTICES. Volume 14, Issue 3]. 2017. Pp. 431-435. [In Russian].
7. Manguel A. *Istoriya chteniya [A History of reading]*. Yekaterinburg: U-Factoria Publ., Minsk: Harvest Publ., 2008. 381 p. [In Russian].
 8. Nerman E. Osobennosti ovladeniya chteniyem: russkoyazychnyye deti v Finlyandii [Peculiarities of mastering reading: Russian-speaking children in Finland]. *Mnogoyazychiye i oshibki [Multilingualism and errors]* edited by Protasova E. Y. Berlin: Retorica Publ., 2014. Pp. 214-224. [In Russian].
 9. Ritter N. V. Chteniye vsluh na russkom yazyke v detskom i podrostkovom voz-raste: bilingvy i monolingvy v sravnenii [Reading aloud in Russian in childhood and adolescence: bilinguals and monolinguals in comparison]. *Problemy ontolingvistiki-2017. Osvoenie i funktsionirovanie yazyka v situatsii mnogoyazychiya: Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 26–28 iyunya 2017, Sankt-Peterburg [Problems of Ontolinguistics–2017. Learning and functioning of language in a multilingual situation: Materials of the annual international scientific conference. June 26–28, 2017, St. Petersburg]*. Ivanovo: Listos Publ., 2017. Pp.145-152. [In Russian].
 10. Khamraeva E. A. Obucheniye detey-bilingvov tekhnike chteniya: vy chitayete porusski? [Teaching bilingual children the technique of reading: can you read Russian?]. *Russkiy yazyk za rubezhom. №6 [Russian Language Abroad. Issue 6]*. 2018. Pp. 17-23. [In Russian].
 11. Cherkashina T. T. Uchebnyy tekst kak "upakovka" smysla: spetsifika poiska i yazykovogo oformleniya [Educational text as "package" of meaning: specific nature of search and language design]. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka (kak inostrannogo, kak vtorogo): is-toriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya [Methods of teaching Russian (as a foreign language, as a second): history, current state, development prospects]* edited by Balykhina T. M. Moscow: RUDN, 2017. Pp. 432-442. [In Russian].
 12. Ivanova-Sullivan T. Heritage Russian in the US and the new type of pluricentricity in the context of immigration. *The Soft Power of the Russian Language. Pluricentricity, Politics and Policies*. Edited by Mustajoki A., Protassova E., Yelenevskaya M. Abingdon: Routledge Publ., 2020. Pp. 223-236.
 13. Kagan O. Russian heritage language speakers in the U.S. *Russian Language Journal*. Vol. 60, 2010. Pp. 215-230.
 14. Kagan O., Kudyma A. Heritage language learners of Russian and L2 learners in the Flagship Program: A comparison. *Russian Language Journal*. Vol. 62. 2012. Pp. 27-46.
 15. Sugranyes Ernest C., González Davies M. Translating heritage languages: Promoting intercultural and plurilingual competences through children's literature. *Children's Literature in Multilingual Classrooms: From Multiliteracy to Multimodality*. Edited by Hélot C., Sneddon R, Daly N. London: Institute of Education: University of London Publ., 2014. Pp. 1-16.

Сведения об авторе

Протасова Екатерина Юрьевна –
кандидат филологических наук, доктор
педагогических наук, доцент
Хельсинкского университета
(e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi).

Information about the Author

Protasova Ekaterina Yurievna,
candidate of philological Sciences, Doctor of
pedagogical Sciences, Associate Professor of
the University of Helsinki
(e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi).

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАЦИЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ЛЕЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КЛИНИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ)

О. В. Ромашова

*Институт усовершенствования врачей ФГБУ «Национальный медико-хирургический центр имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Москва, Россия)*

Н. А. Романова

*Волгоградский государственный университет
(г. Волгоград, Россия)*

Аннотация. Исследование посвящено лингвистической репрезентации пациент-ориентированного подхода в текстах клинических рекомендаций (руководств). Определено, что пациентоориентированность связана с профилактикой здорового образа жизни, персонализацией (созданием и применением персональных лекарственных препаратов, индивидуализированных клинических рекомендаций, терапий и систем мониторинга, предиктивностью (прогностической ориентированностью на опережение развития болезни); парсипативностью (совместной деятельностью врача и пациента) и реализуется на документационном уровне (через разработку и внедрении индивидуализированных и гармонизированных клинических рекомендаций, а также клинических рекомендаций для пациентов); лингвистическом (использование языковых маркеров, реализующих парсипативность, комплаентность и эмпатию как основные категории пациент-центрированного подхода); графическом (применение наглядных материалов, инфографики, специальных шрифтов и способов выделения текста документа).

Ключевые слова: клинические рекомендации, пациент-ориентированный подход, эмпатия, парсипативность, комплаентность.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE PATIENT-ORIENTED APPROACH IN THE TREATMENT PROCESS (BASED ON CLINICAL RECOMMENDATIONS)

O. V. Romashova

*Federal State Budgetary Institution "National Medical and Surgical Center named after N. I. Pirogov" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation.
(Moscow, Russia)*

N. A. Romanova

*Volgograd state University
(Volgograd, Russia)*

Abstract. *The work regards the linguistic representation of the patient-oriented approach in the texts of clinical recommendations (guidelines). The authors highlight that patient-orientated has a direct connection with promotion of a healthy lifestyle, personification (the creation and use of personal medications, individualized clinical recommendations, therapies and systems of monitoring), predictability (predictive focus in advance of developing the disease), participativity (a joint activity between the doctor and the patient). All of the foregoing is implemented at the documentary level (through the development and implementation of individualized and harmonized clinical guidelines and clinical recommendations for patients), at the linguistic level (the use of language markers that implement participativity, compliance and empathy as the main categories of a patient-centered approach); at the graphic level (the use of visual materials, infographics, special fonts and other ways of highlighting the text of the document).*

Keywords: *clinical recommendations, patient-oriented approach, empathy, participativity, compliance.*

Введение. Сложившись более трехсот лет назад, в XXI веке набирает популярность такое направление в здравоохранении, как персонифицированная медицина (англ. personalized medicine), также называемая персонализированная медицина, персональная медицина, индивидуализированная медицина, прецизионная медицина. Она представляет собой совокупность методов профилактики, диагностики и лечения патологического состояния, основанных на индивидуальных особенностях пациента. Оформление нового подхода в научное направление датируется 90-ми годами XX века, когда Лео Голланд, специалист в области функциональной медицины, сформулировал принципы пациент-ориентированных диагностики и лечения. М. Lipkin определил так называемую пациент-центрированную модель как подход к пациенту с учетом личностных особенностей и его роли в лечении заболевания [14].

Пациентоориентировать, или пациент-центрированный подход, можно охарактеризовать через четыре основных критерия (четыре «П»): 1) профилактика (пропаганда здорового образа жизни, вакцинация); 2) персонификация (создание и применение персональных лекарственных препаратов, индивидуализированных клинических рекомендаций, терапий и систем мониторинга); 3) предиктивность (прогностическая ориентированность на опережение развития болезни); 4) парсипативность (совместная деятельность врача и пациента по сохранению здоровья) [5].

Анализ. Исследование текстов клинических рекомендаций разной направленности (для медицинского персонала и для пациентов) показало, что пациентоориентированность реализуется на трех основных уровнях: 1) документационном (заключается в разработке и внедрении индивидуализированных клинических рекомендаций (руководств), гармонизированных клинических рекомендаций, клинических рекомендаций для пациентов); 2) лингвистическом (через использование языковых маркеров, репрезентирующих парсипативность, комплаентность и эмпатию как основные категории пациент-ориентированного подхода); 3) графическом (посредством применения наглядных материалов, инфографики, специальных шрифтов и способов выделения текста документа).

Поясним, что термин «руководство» является прямым переводом английского термина «guideline», в данной статье мы используем наименования «рекомендации» и «руководство» как синонимичные.

Индивидуализированные клинические руководства. По мнению Wendy K. Nickel, первоочередной задачей клинических руководств в последнее время становится оказание помощи, которая учитывает индивидуальные предпочтения и потребности пациента [15].

Результат такого подхода – создание индивидуализированных, или персонифицированных, клинических руководств (англ. individualized / personalized guidelines, individualized clinical treatment guidelines) [13]. Индивидуализированные

клинические руководства являются модифицированными вариантами клинических руководств общей практики и определяются как персонифицированные маршрутизаторы, созданные для отдельных пациентов или групп пациентов с использованием схем расчета снижения ожидаемого от лечения уровня риска, базирующиеся на общих характеристиках пациента (пол, возраст, рост, вес и т.п.), параметрах состояния его здоровья (наличие вредных привычек, хронических заболеваний, наследственных патологий и др.), коррелирующих с результатами анализа работы различных систем организма (на разных уровнях), особенностями отношений в семье и другими конститутивными признаками. Также клиническое руководство может быть индивидуализировано, если принимаются во внимание различные варианты (например, в дозировании препарата, предпочтительном для конкретного пациента методе контроля состояния и т.д.). Основываясь на комплексе данных, врач интегрирует конституциональные, метаболические, поведенческие и экологические факторы с фундаментальными методами дифференциальной диагностики болезней.

В стандартных клинических руководствах ранжирование пациентов производится только по возрасту (взрослые / дети / новорожденные), без учета других факторов. По мнению исследователей, использование индивидуальных рекомендаций может помочь повысить качество и снизить стоимость медицинского обслуживания. Однако создание таких рекомендаций требует дополнительных трудозатрат со стороны разработчиков и медицинских работников.

Гармонизированные клинические руководства (*Harmonized Guidelines*). Гармонизированные гайдлайны являются целевыми региональными ресурсами, созданными в рамках совместных усилий по борьбе с растущим уровнем заболеваемости в отдельных странах. Они оптимальны для государств с низким и средним уровнем жизни (например, для стран Африки, стран Карибского бассейна), содержат прагматичные подходы, которые обеспечивают эффективные варианты лечения в условиях ограниченных ресурсов.

Пациентоориентированность в гармонизированных клинических рекомендациях реализуется в преамбуле: *Any clinician seeking to apply or consult the NCCN Guidelines is expected to use independent medical judgment in the context of individual clinical circumstances to determine any patient's care or treatment.* – *Предполагается, что любой врач, стремящийся применить Руководство NCCN, рассчитывает получить независимое медицинское мнение с точки зрения индивидуальных клинических обстоятельств, определяющие уход или лечение любого пациента* (*Harmonized Guidelines for the Caribbean. Rectal cancer*).

Персонифицированный подход касается в первую очередь подбора лекарственной терапии и применения высокотехнологичной медицинской помощи с учетом доступности тех или иных препаратов, приборов (например, африканским врачам во многих случаях рекомендуется заменять ПЭТ-сканирование на компьютерную томографию в связи с отсутствием доступа к первому методу диагностики и контроля).

Пациент-ориентированный подход на лингвистическом уровне реализуется через использование лексем в тексте документа:

- индивидуальный / индивидуализированный / индивидуально: а) в заголовках: «AGS/UCLA: *Individualize* diabetes treatment regimens AGS/UCLA: *Индивидуальные режимы лечения диабета*» [12, с. 18]; б) в наименовании разделов: «*Индивидуальные рекомендации*» (Клинические рекомендации по диагностике и коррекции нарушений пищевого статуса); в) в тексте клинических рекомендаций:

Индивидуализированный IV режим назначается при известных данных культурального или МГМ определения ЛЧ/ЛУ МБТ к препаратам первого ряда (изониазид, рифампицин, этамбутол) и препаратам второго ряда

(канамицин / амикацин, офлоксацин) (Клинические рекомендации по диагностике и лечению туберкулеза).

Предполагается, что любой врач, желающий применить на практике Руководство NCCN, будет использовать независимое медицинское мнение в контексте индивидуального подхода (NCCN Guidelines. Breast cancer).

Решения о том, какие исследования / процедуры выполнять (или не выполнять), должны основываться на индивидуальной оценке риска с учетом клинического статуса пациента и должны быть задокументированы в медицинской карте (Руководство по диагностике и лечению болезней системы кровообращения в контексте пандемии COVID-19).

- персональный / персонализированный / персонифицированный / персонально: а) в заголовках: «Обновленные клинические рекомендации ААСЕ по диагностике и лечению сахарного диабета типа 2 (персонализированная профилактическая диabetология)» [1]; б) в тексте документа:

В каждом случае подбирают персонализированное лечение на основании результатов обследований, описанных в разделе 2 (Клинические рекомендации по диагностике и коррекции нарушений пищевого статуса).

Персонализированная диетотерапия – адаптация диетического (лечебного) питания к индивидуальным особенностям пациента при острых и хронических заболеваниях на основе данных геномного, протеомного и нутриметаболомного анализа (Клинические рекомендации по диагностике и коррекции нарушений пищевого статуса).

- Особый / особенный / особенность:

Тактика основывается на анализе гемодинамического профиля и учете особенностей пациента (Руководство по диагностике и лечению болезней системы кровообращения в контексте пандемии COVID-19).

В ситуации пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, особую группу риска составляют пациенты с сердечно-сосудистыми заболеваниями (ССЗ), которые часто встречаются в популяции (Руководство по диагностике и лечению болезней системы кровообращения в контексте пандемии COVID-19).

- специальный / специфический / специально:

На сегодняшний день не существует специфических рекомендаций по профилактике и / или лечению нарушений ритма и проводимости сердца у пациентов с COVID-19 (Руководство по диагностике и лечению болезней системы кровообращения в контексте пандемии COVID-19).

ИВЛ у пациентов с тяжелой пневмонией при COVID-19 требует применения специальных респираторных подходов, предполагающих значимое повышение внутригрудного давления (положительное давление конца выдоха (ПДКВ), маневр мобилизации альвеол) (Руководство по диагностике и лечению болезней системы кровообращения в контексте пандемии COVID-19).

- гармонизированный / гармонизация:

а) в заголовках: NCCN Harmonized Guidelines for Sub-Saharan Africa. Gastric Cancer (Гармонизированное клиническое руководство для стран, расположенных южнее пустыни Сахара. Рак желудка);

б) в тексте клинических рекомендаций: Гармонизированные гайдлайны – это репрезентация консенсусного подхода относительно существующих взглядов на принятые подходы к лечению (NCCN Harmonized Guidelines for the Caribbean. Cervical Cancer).

- региональный / регион:

При изменении порядка маршрутизации пациентов с ОКС необходимо учитывать имеющиеся региональные особенности (доступные возможности проведения реперфузионной терапии, дополнительный коечный фонд,

возможности амбулаторного наблюдения в случае ранней выписки), текущую эпидемиологическую ситуацию и её прогнозируемую динамику (Руководство по диагностике и лечению болезней системы кровообращения в контексте пандемии COVID-19).

- местный / локальный:

Альтернативные препараты с учетом местных правил использования и доступности могут быть заменены на аналоги, если доказательства подтверждают их эффективность и безопасность (Harmonized Guidelines for the Carribean. Rectal cancer).

- называющие целевую аудиторию (по территориальному признаку):

а) в заголовках: «Harmonized Guidelines for Sub-Saharan Africa» (для африканских пациентов), «Harmonized Guidelines for the Carribean» (для пациентов – жителей стран Карибского бассейна).

В РФ отсутствуют персонифицированные клинические рекомендации, но попытки разработать планы лечения для отдельных групп пациентов все же есть. Существуют клинические рекомендации для так называемых коморбидных пациентов. При данном подходе врач учитывает только один сопутствующий фактор (наличие множественных заболеваний или дополнительных состояний) и подбирает лечение, принимая во внимание данный факт. Языковыми маркерами в таком случае являются термины коморбидность (сочетание у одного больного двух или более хронических заболеваний, взаимосвязанных между собой или совпадающих по времени появления вне зависимости от активности каждого из них) [7, с. 8], полиморбидность, мультиморбидность, мультифакториальные заболевания, полипатия, соболезненность, двойной диагноз, плюрипатология, синдром перекреста или наложения – overlap syndrome:

Данные терминологические единицы и их производные встречаются как в заголовках («Коморбидная патология в клинической практике. Клинические рекомендации»), так и в текстах исследуемых документов:

Сравнительный обзор ряда индексов полиморбидности (Charlson, CIRS, Kaplan-Feinstein, GIC), проведенный в 2010 году с целью предсказания неблагоприятных исходов госпитализации, показал, что индекс GIC был наиболее точным в прогнозировании смертности во время госпитализации (Коморбидная патология в клинической практике. Клинические рекомендации).

Наличие мультифакториального заболевания резко удорожает лечение и существенно ухудшает прогноз (Клинические рекомендации по кардиологии и коморбидным болезням).

Трудности терапии коморбидных пациентов связаны с вынужденной полипрагмазией (Клинические рекомендации по кардиологии и коморбидным болезням).

Ключевую роль в профилактике, диагностике и лечении пациентов с плюрипатологией должен играть врач «первой линии» – врач общей практики, семейный врач, врач терапевт участковый (Клинические рекомендации по кардиологии и коморбидным болезням).

Исходя из этого, в первом издании Рекомендаций в основном были рассмотрены проблемы сердечно-сосудистой мультиморбидности, связанные с представлениями о сердечно-сосудистом континууме, метаболическом синдроме и проблемами полифармакотерапии (Коморбидная патология в клинической практике. Клинические рекомендации).

Парсипативность. В связи с внедрением индивидуализированных клинических руководств возникла необходимость изучения способов реализации категории парсипативности (от англ. participate – участвовать, принимать участие, соучаствовать) в текстах данных документов.

Индикатором участия самого пациента в процессе принятия решения на уровне композиции является Приложение «Рекомендации пациенту», роль которого: в сжатой простой форме предоставить информацию о природе болезни, причинах ее возникновения, методах лечения, возможных последствиях и исходах. Данный раздел клинических рекомендаций не адресован напрямую пациенту, сведения, содержащиеся в нем, необходимы врачу для информирования пациента (что реализуется на лингвистическом уровне слабой терминованностью, использованием простых синтаксических конструкций, включением воодушевляющих фраз, которые необходимы для реализации инспиративной функции – не самого документа, а нарратива врача, основанного на информации из Приложения). Проиллюстрируем сказанное примерами:

Гипертоническая болезнь – заболевание, основным симптомом которого является повышение артериального давления выше 140 / 90 мм рт. ст., что приводит к поражению мозга, сердца, почек (приведенные термины, как правило, являются базовыми и сопровождаются дефинициями) (Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации).

В лечении ВКЛ достигнут огромный прогресс – подобрана такая комбинация лекарственных препаратов, которая позволяет более чем у 95% пациентов достичь ремиссии заболевания, чаще длительной, во время которой лечение не требуется и болезнь никак не мешает нормальной жизни (в данном примере использованы оценочные имена прилагательные – огромный, длительной, нормальной, существительные с положительной коннотацией – ремиссия, прогресс, фактические данные, выраженные в процентах, которые свидетельствуют о высоких шансах на выздоровление – 95%) (Волосатоклеточный лейкоз у взрослых. Клинические рекомендации).

В Clinical Practice Guidelines единство в принятии решений врачом совместно с пациентами вербализуется в разделе «Рекомендации», в котором информация структурирована по пунктам «для пациентов», «для медработников», «для исследователей»:

Индивидуальный выбор должны сделать пациенты, а врачи обязаны помочь каждому из них прийти к решению, которое соответствует его / ее ценностям и предпочтениям (American Society of Hematology 2018 guidelines for management of venous thromboembolism: venous thromboembolism in the context of pregnancy).

Отметим принципиальную разницу в подходах: в российских рекомендациях решение принимает врач, уведомляет при этом пациента, сообщая лишь на свое усмотрение (и с учетом заинтересованности и осведомленности последнего) долю базовых сведений о методике лечения, назначениях, прогнозе и т.п.; в то время как в американских руководствах (для сравнения мы проанализировали гайдлайны Американского общества гематологов) медицинский персонал, информируя, оказывает помощь пациенту, направляет его в принятии решения (эти моменты эксплицируются в текстах документов).

Комплаентность. *Комплаентность / комплаенс (от англ. compliance – согласие, приспособление, разделение взглядов) – следование рекомендациям по приему препаратов, изменению стиля жизни (отсутствие вредных привычек, правильное питание, физическая активность, режим дня и т.д.) [10, с. 5].*

Переход с патерналистского на пациент-ориентированный подход в медицине повышает комплаентность (приверженность лечению) пациентов. Термин «compliance» в англоязычных руководствах может заменяться такими терминами, как «compliance» – податливость, «adherence» – приверженность, соблюдение, «comprehensive disease management» – управление болезнью, «concordance» – соответствие, «persistence» – настойчивость, self-care – самопомощь, self-management – самоведение, disease-related behavior – поведение, связанное с болезнью, persistent

– постоянство [8, с. 1014]. Все они «сопровождают», маркируют пациентоориентированность.

Комплаенс (с лингвистической точки зрения) – сложный речедейательностный процесс, имеющий целью перлокутивный эффект взаимодействия врача и пациента [9, с. 5].

Рассмотрим способы реализации комплаентности в текстах клинических рекомендаций:

- Использование оценочной лексики с разнонаправленной оценочной коннотацией:

Чтобы лечение было максимально эффективным, важно, чтобы вы хорошо питались и бросили курить, если у вас есть такая привычка – положительная коннотация (NCCN Guidelines. Stomach cancer).

Очень важно избавиться от этой привычки, так как курение может отрицательно повлиять на эффективность лечения – отрицательная коннотация (NCCN Guidelines. Stomach cancer).

- Использование имен существительных, имеющих в семантике компоненты «благополучие», «облегчение», «улучшение» и т.п.:

Всем пациентам с АГ 1-й степени рекомендуется проводить мероприятия по оздоровлению образа жизни с целью нормализации АД и коррекции факторов риска (Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации).

Приложение «Информация для пациентов» имеет своей целью достижения высокой степени комплаенса пациента, поэтому в нем:

- Дается информация о возможных последствиях: *Нелеченная гипертоническая болезнь опасна осложнениями, главные из которых – инсульт, инфаркт миокарда, сердечная недостаточность, почечная недостаточность* (Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации).

- Для соблюдения принципа непрерывности лечения предлагаются рекомендации по домашнему контролю заболевания, закладываются предпосылки формирования благоприятной среды с привлечением членов семьи:

Важен самоконтроль АД в домашних условиях с использованием сертифицированных аппаратов для измерения АД. Коррекцию факторов риска требуется проводить не только пациенту, но и членам его семьи. Она осуществляется путем реализации программ семейной первичной профилактики и воспитания, составленных врачом (Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации).

- В форме советов даются рекомендации по изменению образа жизни:

Советы пациенту и его семье: достаточным считается сон не менее 7 часов в сутки, масса тела должна приближаться к идеальной (ИМТ менее 25), потребление соли надо ограничить до 5 г/сут. (Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации).

По мнению В.В. Журы, предпосылками осуществления точной диагностики, правильного определения необходимого вмешательства и достижения комплаентности пациента является нарративная компетенция врача, заключающаяся в способности врача адекватно интерпретировать информацию из рассказа пациента, применяя методику активного слушания и эмпатию [4, с. 74].

Эмпатия. Эмпатия в научной литературе рассматривается как характеристика речевой идентификации с различными участниками событий, способность поставить себя на место другого человека или предмета, способность к сопереживанию [2], модель профессионального взаимодействия, основанная на уважении мыслей, чувств и позиции пациента относительно объема и содержания медицинского вмешательства.

В медицине эмпатия отождествляется с «эмпатическим слушанием» – пониманием эмоционального состояния другого человека и демонстрацией этого понимания. В фокусе находится объективная сторона процесса, а обладание навыком эмпатии означает способность медицинского работника собрать информацию о чувствах и мыслях и пациента. Цель такого эмпатического слушания – сподвигнуть собеседника к полному и открытому выражению эмоций, позволив врачу, в свою очередь, составить целостное представление о предмете беседы.

Таким образом, данная категория реализуется, в первую очередь, в устных текстах в условиях непосредственного общения врача с пациентом. Несмотря на данные предпочтения, проявление эмпатии становится неотъемлемой частью некоторых письменных медицинских жанров, целью которых является выражение особых форм эмпатии (сопереживания – переживания субъектом аналогичных эмоциональных состояний через отождествление с ним; сочувствия – формализованной формы экспликации собственного состояния в отношении переживаний другого человека, соучастия – моральной поддержки в поиске выходов из сложившейся ситуации и принятии значимых решений).

В текстах клинических рекомендаций, адресованных медицинскому персоналу, эмпатия эксплицирована в меньшей степени, чем в гайдлайнах для пациентов. Превалирующим видом является эмоциональная эмпатия – основанная на механизмах проекции эмотивным реакциям другого человека. Для ее выражения используются:

- Фразы, указывающие на сопереживание любым эмоциональным состояниям (эмоциональный интеллект автора клинических рекомендаций):

Вы узнали, что у вас рак молочной железы. В такой ситуации вполне естественно испытывать шок и смятение (сочувствие). В этом разделе приведена основная информация, которая поможет вам разобраться в том, что это за болезнь (сопереживание через желание помочь) (NCCN Guidelines. Breast cancer).

Не переживайте (сочувствие, поддержка), если у вас возникнут затруднения при чтении (NCCN Guidelines. Breast cancer).

Предостерегающие фразы:

Если вы применяете какие-либо методы нетрадиционной медицины, непременно сообщите об этом своим врачам. Они скажут вам, какие из этих методов могут принести пользу, а какие могут снизить эффективность применяемых традиционных методов (NCCN Guidelines for Patients. Stomach cancer).

- Использование местоимений мы, нас, наш (мотивационная включенность каждого пациента, объединение для преодоления трудностей, соучастие):

Наш организм состоит из триллионов клеток. Рак – это заболевание клеток (NCCN Guidelines. Lung cancer).

Мы уверены, что пациенты, вооруженные знаниями и уверенные в своих силах, будут жить дольше (NCCN Guidelines. Breast cancer).

Цель нашего руководства – продвижение передовых знаний о раке желудка и повышение информированности медицинской и научной общественности (NCCN Guidelines. Stomach cancer).

- Использование глаголов в повелительном наклонении (небезразличие, поддержка, попытка каузировать (заставить) пациента для собственного блага совершить некоторое действие):

Обсудите со своим врачом вопрос о начале гормональной терапии (NCCN Guidelines. Breast cancer).

Попросите врачей, занимающихся вашим лечением, рассказать обо всех возможных побочных эффектах этих препаратов (NCCN Guidelines. Stomach cancer).

Сообщайте врачу, если у вас появятся новые симптомы или те, которые уже были, станут более тяжелыми (NCCN Guidelines. Lung cancer).

Еще один вид эмпатии – когнитивная – основывается на интеллектуальных процессах (аналогии, сравнении и т.д.), каузальной атрибуции (интерпретации действий индивида в стремлении понять мотивы, причинно-следственные связи).

Примерами лингвистической реализации когнитивной эмпатии в текстах клинических рекомендаций является включение в текст рассказов пациентов (соучастие, сопереживание) с благополучным исходом заболевания (воодушевление):

Самое страшное для меня во всей этой истории – ожидание результатов анализов. Когда у меня нет полной информации, я начинаю воображать самое худшее. В этом мне просто нет равных. Деб, пациентка, перенесшая рак (NCCN Guidelines. Breast cancer).

Последний пример, несомненно, обладает и эмоциональным компонентом (то есть в нем эксплицированы сразу 2 вида эмпатии), употребление причастия прошедшего времени *перенесший* апеллирует к чувствам читателя – пациента, ставит его в один ряд с людьми, победившими тяжелый недуг.

Предикативная эмпатия проявляется как умение человека предвидеть и предсказывать аффективные реакции другого человека в конкретных обстоятельствах:

Известие о том, что у вас обнаружен рак, может оказаться шокирующим. Наши рекомендации призваны предоставить пациентам, людям, которые за ними ухаживают, и всем, кого волнует проблема колоректального рака, надежную информацию и образовательные материалы, необходимые для принятия обоснованных решений по вопросам лечения. В связи с этим мы гордимся тем, что способствовали появлению этого содержательного ресурса (NCCN Guidelines. Colorectal cancer).

Пациентоориентированность текстов клинических рекомендаций прослеживается в использовании различных графических средств, предназначенных для систематизации информации (таблицы, схемы, графики, алгоритмы), создания комфортной среды для пациентов (фотографии), наглядности (рисунки, иллюстрации, графики, особые шрифты, цветовые выделения).

В рассматриваемых нами документах эксплицирован весь набор перечисленных невербальных средств.

В Harmonized Guidelines (evidence blocks) представлена следующая система обозначений с использованием текстовых выделений: черный цвет – общедоступный стандарт ухода; серый – высокотехнологичное / оптимальное лечение, которое может быть дорогостоящим, технически сложным и / или оказывать меньшее влияние на исход болезни; синий – региональные варианты, которые могут быть рассмотрены, когда общепринятый стандарт лечения не доступен; серый зачеркнутый – варианты лечения, которые в настоящее время недоступны.

В текстах гайдлайнов для пациентов применяется аналогичный прием:

Чтобы сделать изображения более четкими, используют специальное красящее вещество – контраст (подчеркивание означает, что данный термин включен в словарь руководства) (NCCN Guidelines. Metastatic lung cancer).

Руководства для пациентов изобилуют фотографиями, иллюстрациями и таблицами.

Отдельно стоит сказать о такой форме презентации материала в клинических рекомендациях, как инфографика (способ представления данных с использованием различных графических средств, соединение текста и изображения). Инфографика призвана сделать сложную информацию максимально понятной большому кругу заинтересованных лиц, зрительные образы помогают эффективному запоминанию (рис. 1).

Визуализация применяется как в клинических рекомендациях для пациентов, так и в редких случаях в клинических рекомендациях для врачей. К таким исключительным обстоятельствам относят необходимость оперативных действий, адаптацию медицинского персонала к новым условиям, характеризующимся неизученностью заболевания, новизной методов диагностики и лечения, постоянно меняющимися сведениями о лекарственной терапии, лабораторных исследованиях и т.д.

Эпидемия коронавируса в мире стала катализатором создания клинических руководств для пациентов с COVID-19. В Российской Федерации шестая редакция данного документа (Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19) оформлена с применением инфографики (рис. 2).

Рисунок 1. Инфографика Минздрава РФ. Грипп

Рисунок 2. Инфографика. Методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции COVID-19»

Заключение. Таким образом, мы выяснили, что пациентоориентированный подход реализуется на документационном, лингвистическом и графическом уровнях, языковые средства манифестации пациент-центрированного подхода в лечебном процессе достаточно разнообразны и включают в первую очередь лексические средства и различные графические средства, предназначенные для систематизации информации – таблицы, графики, иллюстрации и т.д. Интеракция пациента – включение в процесс принятия решений о предстоящем лечении – может осуществляться не только в рамках устной коммуникации (беседы с врачом), но и через письменные тексты клинических рекомендаций для пациентов.

Список источников и литературы

1. Аметов А. С., Камынина Л. Л. Обновленные клинические рекомендации ААСЕ по диагностике и лечению сахарного диабета типа 2 (персонализированная профилактическая диабетология) // Эндокринология: новости, мнения, обучение. 2013. № 2 (3). С. 42–54.

2. Артишевский С. Э. Эмпатия в тексте радионовостей [Электронный ресурс] // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2009. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/empatiya-v-tekste-radionovostey> (дата обращения: 18.05.2020).
3. Дьяченко Е. В., Самойленко Н. В. Семантика образа пациента и его изменение при обучении навыкам профессионального общения // Национальный психологический журнал. 2020. № 1 (37). С. 115–125.
4. Жура В. В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narratologicheskie-issledovaniya-ustnogo-meditsinskogo-diskursa> (дата обращения: 18.05.2020).
5. Зеновина В. Представители профессионального сообщества: в России должна формироваться пациент-ориентированная медицина [Электронный ресурс] // Гарант.ру: информационно-правовой портал. М., 2018-2020. URL: <http://www.garant.ru/news/1165873/> (дата обращения: 21.05.2020).
6. Карышякова Т. Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Карышякова Татьяна Геннадьевна. Улан-Удэ, 2015. 198 с.
7. Коморбидная патология в клинической практике. Клинические рекомендации / Р. Г. Оганов [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2017. Т. 16, № 6. С. 5–56. Оганов Р. Г. [и др.] Коморбидная патология в клинической практике. Клинические рекомендации // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2017. Т. 16, № 6. С. 5–56.
8. Кувшинова Н. Ю. Проблема приверженности терапии в различных областях медицины // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 5 (3), С. 1014–1020.
9. Мецьякова Т. В. Медицинский нарратив в биоэтике как критерий учета индивидуальности пациента [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskiy-narrativ-v-bioetike-kak-kriteriy-ucheta-individualnosti-patsienta> (дата обращения: 05.06.2020).
10. Микиртчан Г. Л., Каурова Т. В., Очкур О. К. Комплаентность как медико-социальная и этическая проблема педиатрии // Вопросы современной педиатрии. 2012. Т. 11, № 6. С. 5–10.
11. Управление взаимоотношениями врачей и пациентов в медицинской организации [Электронный ресурс] / Т. А. Сибурина [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-vzaimootnosheniyami-vrachey-i-patsientov-v-meditsinskoj-organizatsii> (дата обращения: 05.06.2020). Сибурина Т. А., Волнухин А. В., Вечорко В. И., Резе А. Г. Управление взаимоотношениями врачей и пациентов в медицинской организации [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-vzaimootnosheniyami-vrachey-i-patsientov-v-meditsinskoj-organizatsii> (дата обращения: 05.06.2020).
12. AGS/UCLA: Individualize diabetes treatment regimens // Geriatrics. 2003. Vol. 58, Issue 7. P. 18.
13. David M. Eddy Individualized Guidelines: The Potential for Increasing Quality and Reducing Costs. Medicine and Public Policy [Electronic resource] // Annals of Internal Medicine. 2011-2020. URL: <https://annals.org/aim/article-abstract/746954/individualized-guidelines-potential-increasing-quality-reducing-costs?searchresult=1> (data: 15.05.2020).
14. Lipkin M. Jr., Quill T. E., Napodano R. J. The medical interview: a core curriculum for residencies in internal medicine // Annals of internal medicine. 1984. Vol. 100, Issue 2. P. 277–284.

15. Wendy K. Nickel, Steven E. Weinberger, Phyllis A. Guze *Principles for Patient and Family Partnership in Care: An American College of Physicians Position Paper [Electronic resource] // Annals of Internal Medicine. 2018. 4 December. Vol. 169, Issue 11. P. 796–799. URL: <https://www.acpjournals.org/doi/10.7326/M18-0018> (data: 15.05.2020).*

References

1. Ametov A. S., Kamynina L. L. Obnovlennye klinicheskie rekomendacii AACE po diagnostike i lecheniyu saharnogo diabeta tipa 2 (personalizirovannaya profilakticheskaya diabetologiya) [Updated AACE clinical guidelines for the diagnosis and treatment of type 2 diabetes mellitus (personalized preventive diabetology)]. *Endokrinologiya: novosti, mneniya, obuchenie № 2 (3). [Endocrinology: news, opinions, training. Issue 2(3)].* 2013. Pp. 42–54. [In Russian].
2. Artishevskij S. E. Empatiya v tekste radionovostej [Empathy in the text of radio news]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. № 2 (4) [Sign: problematic field of media education. Issue 2 (4)],* 2009. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/empatiya-v-tekste-radionovostey> (accessed: 18 May 2020). [In Russian].
3. Dyachenko E. V., Samoylenko N. V. Semantika obraza patsiyenta i yego izmeneniye pri obuchenii navykam professional'nogo obshcheniya [Patient image semantics and its change in training skills in quasi professional medical activity]. *Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal. no (13)1 [National Psychological Journal. Issue 13 (1)].* 2020. Pp. 115–125. [In Russian].
4. Zhura V. V. Narratologicheskie issledovaniya ustnogo medicinskogo diskursa [Narratological Studies of Spoken Medical Discourse]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury. no 1 (10). [International journal of cultural research. Issue 1 (10)],* 2013. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/narratologicheskie-issledovaniya-ustnogo-meditsinskogo-diskursa> (accessed: 18. May 2020). [In Russian].
5. Zenovina V. Predstaviteli professional'nogo soobshchestva: v Rossii dolzhna formirovat'sya pacient-orientirovannaya medicina [Representatives of the professional community: patient-centered medicine should be formed in Russia]. *Garant.ru: informatsionno-pravovoy portal.* Moscow: 2018-2020. Available at: <http://www.garant.ru/news/1165873/> (accessed: 21 May 2020). [In Russian].
6. Karymshakova T. G. Lingvisticheskiye tekhnologii rechevogo vozdeystviya v meditsinskom diskurse. dis. ... kand. filol. nauk [dis. ... kand. filos. nauk [[Linguistic technologies of speech influence in the medical discourse. Cand. Thes. ... Cand. Philol. Sciences]. Ulan-Ude: 2015. 198 p. [In Russian].
7. Komorbidnaya patologiya v klinicheskoy praktike. Klinicheskiye rekomendatsii [Comorbidities in practice. Clinical guidelines]. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. Tom16, no. 6 [Cardiovascular Therapy and Prevention. Vol. 16, Issue 6].* 2017. Pp.5-56. [In Russian].
8. Kuvshinova N. YU. Problema priverzhennosti terapii v razlichnykh oblastiakh meditsiny [The problem of compliance therapy in different fields of medicine]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. T.17, no 5(3) [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vol. 17, Issue 5 (3)].* 2015. Pp. 1014–1020. [In Russian].
9. Meshcheryakova T. V. Meditsinskiy narrativ v bioetike kak kriteriy ucheta individual'nosti patsiyenta [Medical narrative in bioethics as a criterion of taking into account the individuality of patient]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, no 5 [Tomsk State Pedagogical University Bulletin.*

- Issue 5]. 2010. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskiy-narrativ-v-bioetike-kak-kriteriy-ucheta-individualnosti-patsienta> (accessed: 05 June 2020). [In Russian].
10. Mikirtichan G. L., Kaurova T. V., Ochkur O. K. Komplayentnost' kak mediko-sotsial'naya i eticheskaya problema pediatrii [Compliance as a medico-social and ethic problem of pediatrics]. *Voprosy sovremennoy pediatrii*. T. 11. no 6. [Current Pediatrics. Vol. 11, Issue 6]. 2012. Pp. 5–10. [In Russian].
 11. Upravleniye vzaimootnosheniyami vrachey i patsiyentov v meditsinskoy organizatsii i [Managing doctor-patient relations in a health facility]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*, no. 6. [Social aspects of population health. Issue 6], 2018. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-vzaimootnosheniyami-vrachey-i-patsiyentov-v-meditsinskoy-organizatsii> (accessed: 05 June 2020). [In Russian].
 12. AGS/UCLA: Individualize diabetes treatment regimens. *Geriatrics*. Vol.58. Issue 7. 2003. P. 18.
 13. David M. Eddy Individualized Guidelines: The Potential for Increasing Quality and Reducing Costs. *Medicine and Public Policy*. *Annals of Internal Medicine*, 2011-2020. Available at: <https://annals.org/aim/article-abstract/746954/individualized-guidelines-potential-increasing-quality-reducing-costs?searchresult=1> (accessed: 15 May 2020).
 14. Lipkin M. Jr., Quill T.E., Napodano R.J. The medical interview: a core curriculum for residencies in internal medicine. *Annals of Internal Medicine*. Vol. 100, Issue 2. 1984. Pp. 277–284.
 15. Wendy K. Nickel, Steven E. Weinberger, Phyllis A. Guze Principles for Patient and Family Partnership in Care: An American College of Physicians Position Paper. *Annals of Internal Medicine*. Vol. 169, Issue 11. 2018. Pp. 796–799. Available at: <https://www.acpjournals.org/doi/10.7326/M18-0018> (accessed: 15 May 2020).

Сведения об авторах

Ромашова Ольга Владимировна –
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общественного здоровья,
организации и информатизации
здравоохранения Института
усовершенствования врачей ФГБУ
«Национальный медико-хирургический
центр имени Н. И. Пирогова»
Министерства здравоохранения
Российской Федерации
(e-mail: ol_2202@mail.ru)

Романова Наталия Анатольевна –
кандидат филологических наук, старший
преподаватель кафедры русской
филологии и журналистики ФГБОУ ВО
«Волгоградский государственный
университет»
(e-mail: tyurikova_na@hotmail.com)

Information about the Authors

Romashova Olga Vladimirovna,
PhD in Philology, associate Professor of the
chair of Public Health, Organization and
Informatization of Health Care of the
Institute for Advanced Medical Education of
the National Medical and Surgical Center
named after N.I. Pirogov of the Ministry of
Healthcare of the Russian Federation
(e-mail: ol_2202@mail.ru)

Romanova Natalia Anatolevna,
PhD in Philology, senior lecturer of the Chair
of Russian Philology and Journalism of the
Volgograd state University,
(e-mail: tyurikova_na@hotmail.com)